

Весь ад в буквальном смысле

вырывается на свободу в этой истории.

— PUBLISHERS WEEKLY

ДЖЕНН ЛАЙОНС

18+

ПАМЯТЬ ДУШ

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Дженн Лайонс

Память душ

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лайонс Д.

Память душ / Д. Лайонс — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-197726-9

Третья часть цикла эпического фэнтези «Хор дракона», одна из лучших фэнтезийных книг года по версии Library Journal! Номинант на премию «Хьюго». ЧЕМ ДОЛЬШЕ ОН ЖИВЕТ, ТЕМ ОПАСНЕЕ СТАНОВИТСЯ. Теперь, когда планы Релоса Вара раскрыты, а демоны свободно разгуливают по всей империи, исполнение древних пророчеств и конец света близки как никогда. Чтобы выиграть время и не дать человечеству моментально сгинуть, Кирин должен убедить короля ванэ Манола провести древний ритуал, который впоследствии лишит всю расу бессмертия, и некоторые ванэ готовы пойти на все, чтобы этого не допустить. Даже на убийство посланников. Но если бы это было самым страшным, — Кирин с ужасом осознает, что ему придется смириться с тем фактом, что его связь с королем демонов Вол-Каротом становится лишь прочнее. Может ли он спасти кого-то, если сам становится самой большой угрозой для всех? «Лайонс ловко собрала все тропы эпического фэнтези о пророчествах и перевернула их с ног на голову, при этом глубоко погрузившись в души многомерных персонажей и развернув грандиозную битву с существенным количеством жертв». — Booklist «Автор переплетает множество точек зрения и временных линий в богато детализированную и проработанную историю с нарастающим напряжением. Это захватывающее продолжение серии, завершающееся интригующей концовкой, которая заставит читателей с нетерпением ждать следующего романа». — Library Journal «Весь ад (в буквальном смысле) вырывается на свободу с этой новой части эпического фэнтези, представляющий из себя смесь сложной семейной саги с хитроумными квестами и загадками». — Publishers Weekly

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-197726-9

© Лайонс Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие 1	8
Предисловие 2	11
Часть I. Ритуалы Ночи	12
1. Перерыв	14
2. Раненое небо	22
3. Охота на колдунью	27
4. Кортаэнская Пустошь	31
5. Волшебник, герцогиня и солдат	35
6. Шиповник и кость	40
7. Посещение бара	45
8. Подземные дороги	49
9. Руки убийцы	53
10. Тень Вол-Карота	56
11. Совсем не любовная история	61
12. Четыре ветви	65
13. Сильнейшее убеждение	68
14. Дочери песка	72
15. Фундамент из лжи	75
16. Путевые неудобства	80
17. Клятвы верности	85
18. Плохие сны	87
19. Город на пути	91
20. Они охотятся стаями	95
21. Душа в арфе	101
22. Под зеленым небом	106
23. Затерянный в лесах	109
24. Разговоры в плетеных корзинах	117
25. «Бойня»	123
26. Колодец Спиралей	127
27. Темное солнце	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Дженн Лайонс

Память душ

Jenn Lyons
The Memory of Souls

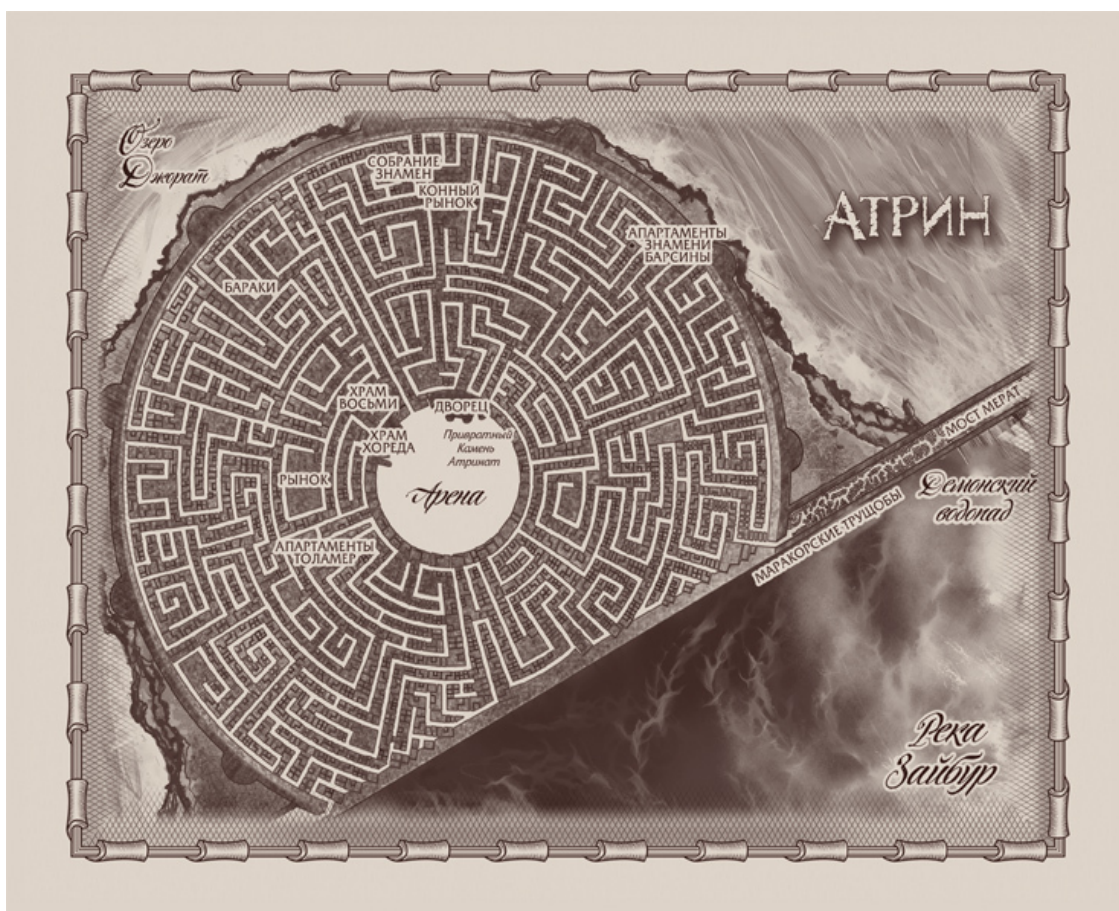
© 2020 by Jenn Lyons

© К. Янковская, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Моей маме Александре.
Я по тебе скучаю*

Предисловие 1

Ваше Величество!

Направляю вам свою хронику последних событий, а также отчет Сенеры о событиях, приведших к уничтожению Атрина.

И я прошу Вас не читать ни то ни другое.

Я понимаю, это кажется странной просьбой, но время... о, время... это роскошь, которой в настоящий момент у нас нет. Все, о чем я вас прошу, – это прочесть прилагаемое краткое содержание книги Сенеры, а затем немедленно, не тратя ни секунды, прибыть в башню на острове, расположенном в центре Радужного острова. Корона и Скипетр знают дорогу.

Нам нужна ваша помощь. Мне нужна ваша помощь. Совершенно нет времени на то, чтобы вы читали обе эти книги. Лишь когда вы окажетесь здесь – и не раньше, – только тогда мы сможем найти время.

А если понадобится, мы его украдем.

Вы должны знать, что я отдал копию этой хроники Сенере. Нет никакого смысла скрывать от нее происходящее; в ее власти предугадать содержание. Я надеюсь, что этот «дружелюбный» жест убедит ее в том, что нет никакой необходимости обзаводиться собственной копией. Потому что ее копия не полная – и жизненно важно, чтобы она таковой и оставалась.

От этого зависит судьба всего мира.

Всегда ваш преданный слуга,

Турвишар

Что послужило причиной:

Через два дня после столичного Адского марша, вашего восхождения на трон Куура и возвращения Кирином меча Урганриэля Кирин Де Мон отправился в Джорат, чтобы найти Черного Рыцаря. Эти планы, конечно, нуждались в доработке: думаю, они сводились к тому, что «мне понравится любой, кого так сильно ненавидят Релос Вар и герцог Каэн».

Он нашел Джанель Теранон, ранее бывшую графом Толамер, ныне подкупившую Привратника Дома Де Арамарин, дабы встретиться с Кирином. Поскольку у Кирина был Урганриэль, Джанель хотела привлечь его к убийству дракона Мориоса, который, как она была уверена, скоро нападет на Атрин, второй по величине город Куура. Почему она так была в этом уверена? Я вернусь к этому через мгновение.

Джанель была знакома с Кирином, потому что помогла вернуть его к жизни. Он не помнил ее и, решив, что его обманывают, попытался уйти. Ничего не вышло. Явилась драконица Эйанаррик, Повелительница Бурь, заперев их всех в ловушке. Поэтому Кирин согласился по крайней мере выслушать Джанель (и ее поверенного, жреца Вишаи, брата Коуна), дабы та объяснила, как возник нынешний кризис и почему ей так нужна помощь Кирина.

Похоже, несколько лет назад Джанель встретила с Релосом Варом, который провоцировал беспорядки в регионе Джорат. Оказалось, что план Вара был комплексным: он тайком направлял в эти земли замаскированных йорцев, дестабилизируя структуру власти ложной охотой на колдунов и призывая настоящих демонов, которых следовало поймать и уничтожить. Его главным провокатором была волшебница – долтарка по имени Сенера, которой он дал Краеугольный Камень под названием «Имя всего сущего», позволяющий Сенере получить ответ на любой вопрос.

Пытаясь предупредить джоратское руководство, Джанель решила одновременно вернуть волшебное копьё по имени Хоревал, с помощью которого, как она верила, можно было убить Эйанаррик. К несчастью, оно принадлежало «хозяину» Релоса Вара – герцогу Йора Каэну.

Джанель ухитрилась сделать так, чтобы ее похитили и отвезли в Йор вместе с ее невольным компаньоном братом Коуном, который тоже был схвачен (и которому создали гаэш, дабы он стал заложником хорошего поведения Джанель). Джанель покорила и Каэна, и его немертвую жену Ксиван и провела следующие несколько лет, пытаясь найти способ украсть Хоревал. В процессе этого она узнала, что копье хранилось у Каэна, потому что он намеревался использовать его, чтобы убить дракона Мориоса, когда тот пробудится ото сна, в котором пребывает на дне озера Джорат. (Итак, Джанель предстояло убить двух драконов.) Вдобавок она тайно отправляла послания как Тераэту (да, нашему Тераэту), так и своим собственным агентам, стремящимся подорвать планы Каэна. (Это она делала под своей джоратской личиной, известной как Черный рыцарь – и это тот самый рыцарь, которого искал Кирин.)

За это время Джанель узнала несколько важных фактов. Во-первых, герцог Каэн держал в качестве рабыни, связанной гаэшем, богиню – королеву Сулесс. Во-вторых, отцом Джанель был генерал Миллигрест (герцог Каэн собирался это использовать). И в-третьих, Джанель одновременно была дочерью Тиа, Богини Магии (и это *уже* использовал Релос Вар). И последнее обстоятельство Джанель использовала для того, чтобы похитить Хоревал, так что мать и дочь вместе убили Эйанаррик.

Рассказывая эту историю Кирину, Джанель почувствовала укол совести и рассказала юноше правду: позже Релос Вар сумел захватить и ее, и копье. Девушку притащили к разъяренному герцогу Каэну, который приказал убить ее за предательство. Однако, прежде чем богиня-королева Сулесс успела сделать это, случилось кое-что важное: Кирин уничтожил Кандальный Камень. Освободившись от своего гаэша, Сулесс уничтожила дворец Каэна и почти всех, кто в нем находился, но Джанель, Коуну и еще нескольким людям удалось спастись. Вернувшись, Релос Вар сообщил, что Мориоса (или Эйанаррик, которая вернется) нельзя убить одним лишь Хоревалом¹. Единственный способ сделать это навсегда – убить дракона и одновременно разрушить соответствующий ему Краеугольный Камень. «К счастью», он знал, где находится Краеугольный камень Мориоса. Не хватало только Уртанриэль.

Вот тут-то и появился Кирин.

Я уверен, что, если бы Мориос не поднялся с озера Джорат и не начал разрушать Атрин, Кирин бы сказал Релосу Вару убраться. Но из-за Мориоса Кирин согласился помочь, и теперь, насколько я знаю, он сожалеет об этом решении. Пока Джанель, Сенера и Релос Вар разбирались с драконом, Кирин, Коун и я (да, я тоже был частью всего этого) согласились спуститься под озеро Джорат в затопленный тронный зал мертвого бога-короля Хорсала, где нас ждал Краеугольный Камень – Разжигатель Войны.

И Кирин был прав с самого начала: все это было обманом. И дракон существовал, и угроза существовала, но Сенера обманула нас с сигналом, на который мы условились, дабы рассчитать время нашего удара, поэтому Кирин, думая, что Мориос убит, уничтожил то, что он считал Разжигателем Войны. На самом деле это был древний кристалл охраны, один из восьми, используемых для того, чтобы держать Вол-Карота в заточении и во сне. Уничтожение кристалла не освободило Вол-Карота, но он пробудился ото сна. Когда Кирин попытался противостоять Релосу Вару, Коун предал нас и напал на Кирина.

Релос Вар и Коун забрали Уртанриэль и ушли, исполнив все, что хотели. (Позже Тераэт спас меня и Кирина от гибели под озером Джорат.) Все оставшиеся, в том числе и вы, остались приводить все в порядок.

Что касается целей Релоса Вара, то я бы сказал, что он добился полного успеха. Без сомнения, это определенно открыло путь к тому, что последует дальше, потому что Релос Вар точно знал, как отреагируют Восемь Бессмертных.

¹ Восстановился ли Хоревал? Я знаю, что Мориос сломал копье пополам и обломки упали в озеро Джорат, но... впрочем, неважно. Полагаю, у нас есть более важные проблемы.

И он все это спланировал.

Предисловие 2

*Моя дорогая Сенера,
первоначально я думал адресовать этот том императрице Тьенцо. После всего произошедшего ей все-таки нужно быть в курсе тех довольно поразительных событий, что происходят за границами Куура.*

Эти события повлияют и на ее трон.

Однако мне пришло в голову, что я не мог ничего сделать, чтобы удержать тебя от прочтения этой хроники. Я хорошо знаю, на что способно Имя Всего Сущего. От тебя могут потребовать записать ответы на вопросы полностью, однако правила, утверждающего, что ты должна это делать в умеренном и спокойном темпе, не существует. А я знаю таковые заклинания. И знаю, как добраться до Шадрэг-Гора.

Когда ты закончишь читать, спроси себя об этом, как спросил бы тебя я, как равный равному: если Релос Вар не знал, что это может произойти, то чего же еще он не знает? И если он это знал, то какую часть своих истинных мотивов он скрыл от тебя? Он верит, что только он может спасти мир, и следует этой вере в ее самом самовлюбленном и грандиозном завершении. Таким образом, независимо от того, насколько он ценит твою поддержку, ты всегда будешь для него лишь расходным материалом.

Не очень-то весело быть игрушкой волшебника, не так ли?

Уж поверь мне, я это знаю.

Поразмысли об этом и обдумай возможность того, что спасение мира не всегда означает пожертвование своей душой. Подумай о том, что Релос Вар может ошибаться. Что ты будешь делать, если обнаружишь, что все те зверства, которые он заставил тебя совершить, не были необходимы, а были лишь ошибкой воображения?

*Твой самый почтительный и восторженный враг,
Турвишар (то самое отродье Де Лор)*

Часть I. Ритуалы Ночи

Кирин нашел Турвишара в библиотеке, или, точнее, в том трехсотлетнем мусоре, который мог сойти за библиотеку для одиночки, который никогда не задумывался, что кому-то другому может понадобиться просмотреть все его многовековые исследования. Все комнаты башни были завалены книгами, записями, схемами, всяким хламом и предметами, цель и предназначение которых были непостижимы. Кирин понятия не имел, как большая часть всего этого хлама не сгнила, — хотя ответ, конечно, был очевиден: все дело в магии. Но, с другой стороны, здесь было довольно много магии. Ею провоняли все стены, а полы вибрировали от теней, проникшего в каждую пору гранита и кварца. Камень был батареей магической энергии, хотя ее было и недостаточно.

Энергии никогда не было достаточно.

— Могу я тебе помочь? — спросил Турвишар, не отрываясь от чтения.

Кирин уронил на стол большую, тяжелую книгу, и этот грохот заставил Турвишара поднять глаза. Но для того, чтобы Турвишар мог разглядеть собеседника, Кирину пришлось отодвинуть в сторону стопку бумаг.

— Ты собираешься писать еще одну?

Турвишар помолчал, затем закрыл текст, который читал.

— Извини, ты о чем?

— Ты собираешься писать еще одну книгу? Вроде той, в которой ты написал о нахождении Уртанриэль? — Кирин уставился на него.

— Технически я не писал...

— Нет, писал, — отрезал Кирин. — Возможно, у тебя и были стенограммы, но только не говори мне, что ты не пытался составить из них нечто большее. Сенера в этом не ошиблась. — Кирин помолчал и продолжил: — Я думаю, тебе стоит повторить. Тебе нужно написать еще одну книгу.

Турвишар выпрямился:

— Ты имеешь в виду, чтобы отправить императрице Тьенцо?

— Разумеется, и это тоже. — Кирин забарабанил пальцами по книге, которую вернул на место. — Я просто думаю, что если мы этого не сделаем, то это сделают они. — Он не стал уточнять, кого он имел в виду, но это было очевидно: Релос Вар и его сообщница Сенера. И, вероятно, его новый подмастерье, Коун.

Турвишар окинул взглядом книги под рукой Кирина и поджал губы:

— Я так понимаю, ты изучил оба отчета?

— Да, — сказал Кирин. — И я думаю, что твои выводы верны². — Молодой человек вздохнул: — Но я хочу... Я хочу рассказать о том, что произошло. Я знаю, что ты был там почти все время, но мне все кажется, что мы что-то упустили. Что-то, что мы могли бы... не знаю... что-то, что мы могли бы сделать иначе. — Он покачал головой. — Я все время говорю себе, что это не должно было закончиться именно так.

— Кирин, ты... — Турвишар поморщился. — С тобой все будет в порядке?

— А ты как думаешь? — рявкнул Кирин, но тут же замолк и выдохнул. — Мне очень жаль. Но нет. Я не думаю, что со мной все будет в порядке. И может быть, больше никогда не будет.

Кирин взял страницу из стопки бумаг, которую ранее отодвинул в сторону, и взглянул на нее. Понял, что там написано, и заломил бровь, глядя на Турвишара.

Волшебник прочистил горло:

— Возможно, я уже начал. Но, обещаю, я собирался попросить тебя внести свой вклад.

² Естественно.

Губы Кирина скривились:
– Сейчас самое время.

1. Перерыв

(Рассказ Турвишара)

Спустившись на руины Атрина, боги остановили убийство.

Сначала Турвишар не заметил опасности. Да, через восемь открытых магических порталов, установленных на небольшом холме рядом с озером Джорат, хлынули солдаты, но волшебник ожидал этого. Дракон размером с гору только что закончил разносить в щебень и мелкую кварцевую пыль второй по величине город империи – причем количество погибших было неисчислимым. Мориос атаковал армию и мирное население, которое сейчас паниковало и вытеснялось прочь. Конечно, там были солдаты. Солдаты, которые должны были навести порядок после нападения, солдаты, которые должны были помочь с эвакуацией, солдаты, которые должны были присутствовать на разрушенных, усыпанных щебнем улицах Атрина. А волшебники? Им нужно было превратить тело Мориоса во что-то настолько разрозненное, что дракон не смог бы перестроиться и начать заново весь этот хаотичный апокалипсис.

И, словно подливая масло в огонь, начала разрушаться поврежденная плотина с Демонским водопадом, сдерживающая озеро Джорат. Когда плотина рухнет, озеро Джорат опустеет. Миллионы людей погибнут, если не во время наводнения, так от голода, когда житница Куура³ окажется в двадцати футах под водой. Волшебники должны будут постараться предотвратить эту катастрофу.

Сейчас Турвишар понимал, что он был слишком оптимистичен, предполагая, что Высший Совет Куура будет заботиться о спасении жизней.

Его насторожила ярость Джанель, походившая на раскаленный горн, кипящий котел, обычно запертый более свирепой волей. Мгновение спустя он ощутил гнев Кирина, острый и хлесткий. Обсуждавший теорию заклинаний с волшебником Академии Турвишар остановился и глянул на холм. Те же солдаты, на которых он ранее не обратил внимания, выстроились в оборонительный строй. Они были одеты весьма необычно и носили характерные, усыпанные монетами нагрудники вооруженных сил особого рода.

Охотники на колдунов. Кого они окружили, было не видно, но можно было предположить.

Поразмыслив, Турвишар отказался от открытия ведущего к ним портала. Это могло спровоцировать реакцию, которой он старался избежать.

Так что вместо этого он побежал.

И то, что он увидел на месте, было худшим из сценариев. Его никто не пытался остановить – в конце концов, он был лордом-наследником Дома Де Лор. Если кто-то и имел право находиться здесь, так это он. Тут собралось больше охотников на колдунов, чем он когда-либо видел. И они были не одни; Турвишар увидел столько же волшебников Академии, а также верховного лорда Хавара Де Арамарина и нескольких членов Высшего Совета Куура.

И все это ради трех человек: Кирина Де Мона, Джанель Теранон и Тераэта. Ни у Кирина, ни у Джанель не было видно оружия, хотя нуждались ли они в нем, если были окружены таким количеством людей?

Результат казался предсказуемым.

– Что здесь происходит? – Генерал Коран Миллигрест выступил вперед, отодвинув в сторону нескольких охотников на ведьм.

– Похоже, нас хотят отблагодарить тюремной камерой за помощь, – сжала кулаки Джанель.

³ Иными словами, лежащие ниже водопада сельскохозяйственные угодья Маракора.

– Ворнел, что все это значит? – Миллигрест, делая вид, что не узнает свою дочь⁴, повернулся к куурцу.

Ворнел Венора, член Высшего Совета, в ответ только фыркнул:

– Мне кажется, это очевидно. Мы имеем дело с угрозой для империи. Ты должен был поступить именно так.

– Угроза империи? – Коран указал на труп гигантского металлического дракона. – Вот *это* – угроза для империи. Надвигающееся обрушение Демонского водопада – угроза для империи. А это просто дети!

Турвишар просканировал толпу. Разумы охотников на колдунов выделялись подобно пустым прорехам – как, впрочем, и у некоторых волшебников, и у всего Высшего Совета. Но где же императрица Тьенцо?

Ворнел пожал плечами.

– Это ты так говоришь, а я вижу лишь опасных людей, представляющих серьезную угрозу нашей великой и славной империи. Это тот самый человек, который убил императора и похитил Уртанриэль. Кроме того, у нас здесь есть ведьма, выставляющая свои силы на публике, и известный агент ванэ из Манола. И все же по причинам, которые я не могу понять, вы ничего не сделали, чтобы положить этому конец. С чего бы это, Корен?

– Потому что я умею расставлять приоритеты! – рявкнул генерал.

Турвишар глянул на Ворнела. Хотя обвинения и были вполне заслуженными, они в то же время поразительно не соответствовали истине. Вдобавок, хоть Турвишар и был более подходящей мишенью для гнева Высшего Совета, никто из его членов не удосужил волшебника даже взглядом. Обвинения Ворнела казались неискренними: он не возмущался по-настоящему – скорее здравомыслящий советник почуял прекрасную возможность сразиться за власть, но оказался слишком высокомерным, мелочным или глупым, чтобы выбрать удачное время.

Советник Невези Оксун, старый и худой, с серебристыми волосами, напоминающими завитки облаков, шагнул вперед:

– Это не имеет значения, Миллигрест. Единогласным голосованием...

– А я что, во сне проголосовал? – прорычал Миллигрест.

– Почти единогласным⁵, – поправился Оксун. – Если вы попытаетесь помешать нам или помешать законным действиям этих людей, мы будем вынуждены признать, что вы попали под влияние иностранных держав, и исключить вас из Высшего Совета.

– Да как ты...

Кириин расхохотался. Турвишар поморщился и отвел взгляд.

Конечно. Тьенцо.

– Вам ведь нужны не мы, верно? – спросил Кириин. – Вы бы не дали и пары тронов за нас... А вот Тьенцо? Именно *ее* вы считаете «настоящей угрозой для империи». – молодой член королевской семьи, все еще одетый в одежду, одолженную у куурского солдата, вытянул руки: – Если вы, гении, думаете, что Тьенцо настолько глупа, чтобы показаться сейчас, в присутствии всех этих охотников на колдунов, я готов продать вам подержанный мост у озера.

Ярость Турвишара усилилась. Кириин сказал это вслух. Высший Совет счел Джанель и Тераэту несущественными. Изучи они Деворанские Пророчества, и они могли бы относиться к Кириину серьезнее. Но вместо этого их волновало, что новый император Куура каким-то образом умудрился оскорбить их всех, родившись женщиной.

Если бы им удалось добиться своего, Тьенцо бы прославилась самым коротким правлением из всех императоров в существующей истории.

⁴ Он не признавал ее те двадцать лет, что она прожила. С чего бы признавать сейчас?

⁵ Решения Высшего Совета принимаются двумя третями от общего количества голосов, поэтому, хотя голос Миллигреста в качестве действующего Председателя считается за два голоса и может нарушить равновесие, клика Ворнела легко могла получить достаточное количество голосов и без его участия.

– Я бы на твоём месте не стала подделывать документы на мосты, Плут. – Тьенцо появилась на вершущке ближайшей палатки, балансируя там буквально с помощью магии. – Может оказаться, что я все же настолько глупа. Или, может, просто столь самоуверенна. – Она взмахнула Скипетром Куура, сейчас больше похожим на волшебную палочку, прочертив в воздухе тонкую полоску. – Такая забавная игрушка. Я бы попрактиковалась.

– Убейте ее!..

И тогда прибыли боги.

В землю рядом с местом столкновения врезалось семь пылающих столбов света. И стоявшие там люди – охотники на колдунов, волшебники, солдаты – исчезли. Турвишару очень хотелось думать, что этих людей перенесли в безопасное место, но проверить это подозрение было невозможно⁶. Но когда свет чуть потускнел и стало возможно снова видеть, Турвишар знал, что за создания стояли – и стоят – там.

Восемь Бессмертных прибыли⁷. Все, кто видел это, – верховные лорды, солдаты, волшебники – пали ниц.

Никто не сомневался, кто предстал здесь и сейчас. Божественные аспекты струились перед богами. Галава оделась в весеннюю зелень, набухающую и пышную, на земле под ее ногами распускались цветы. Вокруг Аргаса виднелись, подобно нимбу, математические формулы. Радужное платье из вуалей Тиа мерцало, а пальцы ее потрескивали от магии. Подбрасывающая монету Таджа была одета в серебро. Омфер напоминал даже не человека, а ожившую статую, высеченную из скалы. Хоред в красном, в вороньем оперении, с хрустальным мечом в руке. И наконец, Таэна, одетая в белый саван, увенчанная погребальными розами.

И все они были в ярости.

– Мы вам не помешали? – Голос Таэны отозвался эхом, какой могла бы издать дверь мавзолея, заскрежетавшая по полу гробницы.

На склоне холма на несколько долгих мгновений повисла тишина, прежде чем люди поняли, что Богиня Смерти задала вопрос, на который она ожидала получить ответ.

Императрица Тьенцо выпрямилась:

– Я полагаю, что Высший Совет пытался убить меня, моя госпожа.

– И заодно нас, Мать. – Тераэт пожал плечами, глядя на Тьенцо. – Им не нужны были свидетели, Таэ.

– О, хорошая мысль.

– Это было всего лишь недоразумение... – начал Ворнел Венора.

– Молчать! – прогремел Хоред. И все звуки стихли. Вообще все. Даже фоновые шумы сменились тишиной. – Вол-Карот проснулся. Зло, о котором вы забыли, скоро станет вам очень хорошо известно, если снова не заключить его в темницу.

– Каждый раз, когда это случалось ранее, – пояснил Аргас, – императору Куура поручалось заключить его в тюрьму снова.

– На самом деле, этот долг – единственная причина существования Куура⁸. – Голос Омфера звучал совсем не громко и, как ни странно, походил на грохот скал намного меньше, чем у Таэны, но он отразился от земли, от всего вокруг. Затем бог, нахмурившись, посмотрел на Атрин. В отдалении раздался скрежет, но никто не осмелился отвести взгляд от Бессмертных, чтобы увидеть источник звука⁹.

Все взгляды на поляне переместились с богов на Тьенцо.

⁶ И, к сожалению, невозможно до сих пор.

⁷ Конечно, мои религиозные чувства оскорбляет то, что официальное наименование Бессмертных не соответствует их фактическому количеству. Но я ведь не могу назвать их Семью Бессмертными?

⁸ Технически это, конечно, не так. Но, учитывая обстоятельства, я счел неразумным поправлять разгневанного бога насчет семантики.

⁹ Омфер восстановил Демонский водопад. Учитывая обстоятельства, это было весьма мило с его стороны.

Она сглотнула и выпрямилась.

– Если вы хотите, чтобы вашим защитником стал кто-то другой, – начал Ворнел Венора, – мы исполним вашу волю. С удовольствием.

– Нас устраивает Тьенцо, – сказала Таэна, – а вот то, что мы обнаружили здесь, устраивает гораздо менее. Ты организовал все это, и ты убедил остальных. – Выражение лица Таэны могло бы сразить целые армии. – Ты вмешиваешься в *судьбу всего мира*.

– Я лишь защищал...

– Посмотри мне в глаза, – приказала Таэна.

Ворнел встретился взглядом с богиней. И выдержал его не больше секунды, а затем, содрогнувшись, отвернулся.

Таэна сделала жест, словно смахивая паутину.

Ворнел Венора упал замертво.

Богиня Смерти повернулась к Невези Оксуну.

– Я понятно объяснила?

Глаза советника расширились:

– Да, богиня.

Хоред повернулся к толпе:

– Сейчас не время для переворотов или восстаний.

Богиня Удачи добавила:

– И вторжений тоже. Мы не посылаем армию Куура на юг, в джунгли Манола. На этот раз наш император сослужит нам лучшую службу, укрепив империю.

– Сделай все ради того, чтобы положить конец ссорам Королевских домов, – сказала Таэна. – Они нас утомляют.

Турвишар выдохнул. Королевским домам могут не понравиться отдельные способы прекращения междоусобиц. Гробницы, например, редко бывают политически горячими точками. И Тьенцо может предпочесть такое решение.

Императрица склонила голову.

– Обязательно, моя госпожа.

– И еще... одно... последнее... – Тиа шагнула вперед, впервые подав голос, обращаясь к волшебникам Академии и охотникам на ведьм. – Мне тоже кое-что надоело.

Глаза Джанель расширились, когда она увидела выражение лица матери.

– Мы позволяли вам управлять всем как вам заблагорассудится, – сказала Тиа, – но человеческие потребности стали слишком велики, чтобы мы могли и дальше игнорировать вашу глупость. У нас нет на это времени. – Выражение ее лица было совсем не добрым. – Поздравляю, вам удалось устранить угрозу колдунов, потому что с этого дня их не существует. *Колдунов и колдуний* больше не существует. Я меняю это определение. Больше никаких лицензий. Больше никаких преследований диких талантов. Любому, кто сможет прикоснуться к Завесе, будет позволено сделать это, независимо от пола и происхождения.

Замешательство и недоверие волшебников увеличились настолько, что Турвишар слышал их мысли даже сквозь талисманы или защиту. Никто не протестовал вслух, но нарастало упрямое неповиновение. Ликвидация лицензионной системы уничтожит Королевские дома, уничтожит охотников на колдунов, вызовет смятение и беспокойство в Академии. Выживание Королевских домов зависело от магических монополий. То, что только что объявила Богиня Магии... Возможно, сразу это их и не сломит, но со временем... Если кто угодно мог использовать магию – любую магию – без сборов, ограничений и не опасаясь того, что его обвинят в колдовстве, тогда Двор Самоцветов скоро окажется ненужным.

Королевские дома не приняли бы такой перемены, даже если бы сама Богиня Магии спустилась с небес и приказала это сделать, что она и сделала.

– Ослушники будут действовать на свой страх и риск, – предупредила Таэна. – У нас больше нет терпения или времени. Наша следующая встреча не будет столь дружеской. На последнем предупреждении вновь вспыхнул свет. Боги исчезли. Вместе с Турвишаром, Кирином, Джанель и Тераэтом.

Они оказались в удивительном месте. Пещера казалась такой огромной, что Турвишар сначала не узнал, где оказался. В центре массивной камеры висел огненно-оранжевый шар, а в плоскости вокруг этой центральной оси плавали острова. Вся группа, все одиннадцать человек, материализовались на втором острове, способном вместить людей раз в десять больше. На земле были расставлены семь стульев, но не по кругу, как можно было бы ожидать, а в случайном порядке. Сам плавающий остров окружала полупрозрачная сфера красной, фиолетовой и зеленой энергии, а в воздухе между островами висело еще больше обозначений, которые плавали вокруг кругами и напоминали не столько ярлыки, сколько математические формулы.

Турвишар огляделся еще раз. Острова различались по размеру. Россыпь валунов и скал крест-накрест обвивала плавающий остров подобно браслету. А за этой вехой двигались крошечные огненные точки, вмурованные во *вращающуюся* стену пещеры. Волшебник понял, что это был своего рода механизм, движение небес, смоделированное в бездонном камне.

Пока Турвишар удивленно оглядывался, семеро Бессмертных рассыпались веером по всему пространству. Кто-то из них сел. Но все они выглядели напряженными, встревоженными и даже испуганными. Смертные остались стоять, хотя Кирин выглядел так, словно собирался стать невидимым и сбежать.

Здесь было весьма... некомфортно. Казалось, ты сунул пальцы почти к самому огню, почти к самому льду, к лезвию клинка, к искрящейся дуге молнии – и все это одновременно. Тень искрило так сильно, что Турвишар предположил, что Бессмертные могут собираться все вместе лишь в таком месте, как это, освященном Аргасом, подобно тому, как Инистхана – Таэной.

Таэна повернулась к сыну и спросила:

– *Что случилось?*

Но прежде, чем он успел ответить, Джанель упала на колени:

– Это моя вина, моя госпожа. Я должна была разгадать обман, задуманный Релосом Варом.

Турвишар скривился. Волшебник знал очень многих верховных лордов, которые не могли разгадать обман, задуманный Релосом Варом. Верховных лордов и – он окинул взглядом фигуры на острове – по меньшей мере восемь богов¹⁰.

Кирин усмехнулся.

– Так, погоди. Это ты разнесла тюрьму Вол-Карота, а потом потеряла Уртанриэль? Мне запомнилось это иначе.

Джанель напряглась.

Глаза Таэны вспыхнули, и она жестом велела Джанель встать. Глаза богини горели столь ярко, что один только взгляд в ее сторону наполнил Турвишара сильнейшим и глубочайшим ужасом. Ее существование никогда еще не казалось столь многообещающим. Все тело Таэны вибрировало от едва сдерживаемого гнева.

¹⁰ Да, восемь. Я включаю сюда и Саррика, чья наивность по отношению к брату и привела нас ко всей этой неразберихе. Мне жаль, Кирин, но это так.

Тем временем Таджа, Богиня Удачи, взяла стул, шагнула вперед, а затем, повернув его задом наперед, села на него верхом. Аргас нахмурился, словно она нанесла ему личное оскорбление.

– Это было обязательно?¹¹

– Мне все равно, чья это вина, – заявила Таджа, не обращая внимания на упрек Аргаса. – Какая удивительная мысль! Релос Вар обманом заставил кого-то сделать за него грязную работу. Я так удивлена. – Она прижала руку к щеке.

Галава прошлась по площадке, оставляя за собой расцветающие цветы, и бросила укоризненный взгляд на Таджу:

– Сейчас не время для шуток, дитя мое. – Омфер скользнул к ней, мягко обнял, и Галава остановилась.

– Он еще не освободился, – пробормотал Тераэт. – Пока что.

– Я почувствовал, как он проснулся, – ответил Кирин. – Я *почувствовал*.

– Бодрствовать – это не то же самое, что быть *свободным*. – Хоред снял красный шлем, под которым обнаружился чернокожий ванэ из Манола. – Вол-Карот все еще заперт в центре Пустоши.

– *Надолго ли?* – прогремел в огромном гулком зале голос Таэны. – Надолго ли, если Релос Вар изо всех сил работает над тем, чтобы разбить остальные семь кристаллов и выпустить Вол-Карота на волю? Надолго ли, если Уртанриэль у этого ублюдка? – Она бросила на Кирина взгляд, полный ненависти. – Кстати, ты молодец. Ты сам отдал меч или ему пришлось приложить хоть какое-то усилие?

Кирин вздрогнул.

– О звезды, – сказала Таджа. – Ты *такая* сука, когда боишься.

Таэна, сверкнув глазами, повернулась к ней. Напряжение вибрировало в воздухе, цеплялось за нервы, подобно кристаллам льда.

Турвишар никогда раньше не видел, как сражаются боги, и никогда не хотел этого видеть. Казалось, еще несколько секунд, и начнется битва.

– А я просто в ужасе, – призналась Тиа. Она закуталась в вуаль, глядя куда-то вдаль. – Вол-Карот убил нас с такой легкостью, несмотря на все наше могущество, и ему это *ничего* не стоило. – Богиня Магии глянула на Кирина. – Видишь ли, мы не знали, что произошло. Все, что мы знали, – это то, что что-то пошло не так: случился какой-то огромный, катастрофический взрыв. А потом... появился он. Подобно дыре во вселенной. Он знал, что делать. Сначала он убил Таджу, потом Галаву и Таэну...

Галава издала тихий болезненный стон и схватила Омфера за руку.

– Хватит. – голос Таэны звучал сухо и напряженно.

Аргас покачал головой.

– На этот раз все по-другому. – Бог изучающе смотрел на Кирина. – Раз ты находишься здесь и сейчас – все будет по-другому. Мы не те, кто может уничтожить Вол-Карота. В отличие от тебя. Нам просто нужно выиграть для этого достаточно времени.

– Я? Не могу даже представить...

– Я и ты когда-то были друзьями. – Аргас указал на богинь, которые чуть не подрались, Таджу и Таэну. – Кто-нибудь из них говорил тебе, что мы были друзьями?

– Нет, я... – Глаза Кирина сузились. – Подожди. Я *тебя* знаю. И совсем не по прошлой жизни. Откуда я тебя знаю?

Аргас усмехнулся:

– Я часто заходил в «Вуаль» проводить тебя, когда ты был ребенком.

¹¹ Подозреваю, что стулья были расставлены в каком-то особом порядке, распознать и изучить который у меня не было времени. Похоже, это какая-то давняя, затаенная обида.

Настала очередь Таджи сверкнуть глазами:

– Проклятье, Аргас. Мы ведь обсуждали это! Ты обещал держаться от него подальше.

Смех Аргаса звучал издевательски:

– Это *ты* обещала. Я просто не стал себя утруждать тем, чтобы поправить тебя.

Кирин вздохнул и страдальчески прижал пальцы к вискам.

– Я бы пошутил насчет ссорящихся родителей, – пробормотал он, – но...

Турвишар посмотрел на Джанель и Тераэту:

– Но так уж получилось, что для некоторых из нас это правда.

– Ага, – согласился Кирин.

– Так какой у нас теперь план? – спросил Тераэт, пытаясь перевести разговор на один континент с продуктивностью. – Ритуал Ночи?

Тиа и Хоред переглянулись.

– В этом нет необходимости, – сказала Таджа.

– В этом была необходимость по отношению к любой другой расе, – сказала Галава. – А значит, это необходимо и на этот раз.

– Ритуал никогда не был ничем, кроме как отсрочкой... – начал было Хоред.

– Теперь все по-другому, – сказал Аргас. – Вол-Карот стал другим. Теперь он слабее. – Он указал на Кирина. – Возможно, это впервые, когда его можно уничтожить, но только не в том случае, если он сбежит до того, как мы сможем это сделать. Мы должны держать его взаперти. Хотя бы совсем немного – и этого будет достаточно.

– Что такое Ритуал Ночи? – спросила Джанель.

– Это ритуал, который превращает бессмертную расу в смертную, – ответил Турвишар. – Раньше существовали четыре бессмертные расы, а теперь остались лишь ванэ. Это потому, что ритуал уже использовался трижды, и каждый раз – для того, чтобы восстановить тюрьму Вол-Карота, прежде чем он смог освободиться.

– Ох...

– Нам нужна передышка, – сказала Таэна. – И я намерена ее получить. Прошло много времени с тех пор, как ванэ...

Все семь богов вдруг замолчали, замерли и уставились вверх и в сторону. Как будто все они смотрели на один и тот же предмет, который смертные в комнате не могли увидеть.

– Как скоро демоны вторгнутся в Страну Покоя? – спросил Хоред.

– Девяносто восемь процентов вероятности, что они не будут вторгаться еще пять минут, – сказала Таджа, – а затем с вероятностью восемьдесят шесть процентов они атакуют Разлом¹².

– Мои люди там, – сказала Таэна, – но долго они не продержатся.

– Тогда у нас нет времени, – согласился Аргас.

Таджа повернулась к Джанель:

– Мы не можем помочь вам в этом. С пробуждением Вол-Карота демоны прекратили свои Адские Марши – иначе их было бы слишком легко найти, – но они осаждают Страну Покоя, пытаясь добраться до Купели Душ. Не ждите, что мы сможем прийти вам на помощь.

Лицо Джанель помрачнело. Турвишар напомнил себе, что позже ему надо попросить этому более подробное объяснение¹³.

– Если Купель падет, – сказала Галава, – наше будущее умрет вместе с ней.

Выражение лица Таэны стало неприятным, когда она обратилась к своему сыну Тераэту.

¹² Я этим просто очарован: я предполагал, что именно Аргас будет тем, кто будет ссылаться на числовую статистику, но, вероятно, это царство Таджи, потому что все это скорее вероятность, чем математика.

¹³ Очевидно, что в Загробном мире существует единственное место, которое является источником для душ – как новых, так и перевоплощенных – на их пути в Мир Живых. Можно предположить, что без него реинкарнация была бы невозможна, а смерть – гораздо более постоянна.

– Териндел должен был исполнить свой долг тысячелетия назад. А поскольку он этого не сделал, ваша задача – обеспечить, чтобы это сделал его племянник Келанис.

Турвишар отвернулся. Это будет последний трагический акт в пьесе, на развитие которой ушло четыре тысячи лет. Ванэ станут смертными; последняя великая раса погибнет. Да, это даст время, но... это время будет оплачено ужасной ценой.

– А если он откажется? – спросил Кирин.

– Он не скажет нет, – ответила Таэна. – Он не посмеет. Я гарантирую это. Я отстранила твою мать от трона, дабы грех Териндела не повторился.

– Верно. – улыбка Таджи была в равной степени горькой и печальной. – Так что, по крайней мере, эта часть должна быть легкой.

Кирин мгновение изучал богиню с неуверенным выражением лица, а затем повернулся к остальным:

– Я ненавижу быть человеком, указывающим на то, что суп остыл, но разве не стоит выбрать кого получше вместо нас? Например, я почти уверен, что Тераэт – единственный, кто говорит на ванском.

– *Ворасском*, – рассеянно поправила его Тиа. – Ванэ и ворасы всегда говорили на одном и том же языке.

– Вот видишь? – произнес Кирин. – Я даже не знаю подходящего названия для этого языка.

Аргас усмехнулся:

– Я это исправлю.

2. Раненое небо

Кирин откинулся на спинку кресла и выдохнул.

– Ты же понимаешь, что тебе нужно поговорить, – сказал Турвишар. – Если только ты не хочешь, чтобы я продолжил. В любом случае я в порядке.

– Просто думаю о том, как забавно, что я никогда не хочу начинать там, где это делают остальные. – Кирин пожевал губу, задумчиво глядя вдаль.

– И с чего бы ты начал? – спросил Турвишар.

Кирин забарабанил пальцами по стопке бумаг, покрытых формулами какой-то загадочной математики, которую во всем мире почти никто больше не понимал. Хотя – не совсем так. Возможно, где-то там дретты ее преподавали.

– Пустошь, – сказал Кирин.

Турвишар закрыл, а потом снова открыл глаза.

– Потому что все начинается и заканчивается там?

– По крайней мере, для меня, – ответил Кирин.

(История Кирина)

Я открыл глаза. Высоко над головой пронизанные серой облака сражались на израненном небе. Тошнотворная, тупая боль пульсировала в голове, так что потребовалось мгновение, чтобы понять, что мне это не кажется; я лежал, а мир двигался мимо меня. Воздух пах гнилью и был резким на вкус, кислоты расслаивались на легкий туман, от которого слезились глаза и перехватывало горло. От высокой влажности одежда и волосы прилипли к телу. Вдалеке слышался настойчивый напев.

Стоило мне увидеть эти облака, и сердце забилося быстрее, а волнение лишь усилилось. Я знал, где мы находимся, и с тех пор, как это место знало хоть какую-то радость, прошло много времени.

Я сел и огляделся. Меня бросили в медленно ползущую повозку. Рядом лежали три человека, по-прежнему находящиеся без сознания: Тераэт, Джанель и Турвишар¹⁴. Наши похитители даже не удосужились сменить ту богато украшенную одежду, что была на нас, когда мы попали в засаду, но при этом забрали наше оружие.

Повозку тянули двое животных. Я их не узнал, это были какие-то копытные существа с полосатыми задними ногами¹⁵. Поскольку никто не держал поводья, через каждые несколько шагов они останавливались, чтобы пощипать траву – вот почему мы ехали с той же скоростью, что и оказавшаяся на суше морская звезда. Заметьте, здесь не было никакой травы – лишь колючий кустарник и скользкая студенистая слизь. Все это выглядело несъедобным. Скорее всего, все это было ядовито¹⁶.

– Таджа! – Я выкрикнул то, что было бы смехотворно называть молитвой к моей любимой богине, и тут же остановил себя.

Она не собиралась являться. Точно не сюда. Здесь было слишком близко к тому месту, где теперь уже проснувшийся Вол-Карот хрустел костяшками пальцев, готовясь ко второму раунду. Джунгли Манола были самым близким местом, куда Восьмерка была готова отправиться, и даже тогда они пошли на риск. Мы были предоставлены сами себе.

¹⁴ На самом деле Кирин сказал: «Тераэт, Джанель и ты», но я подумал, что в нынешних обстоятельствах это может лишь запутать, так что я удалил все обращения ко мне.

¹⁵ Окапи или какой-то их дальний родственник.

¹⁶ Совершенно верно. В Кортаэнской Пустоши содержится поразительное количество ядов и токсинов.

Я потряс остальных.

– Просыпайтесь. Проклятье! Просыпайтесь!

Первой, к моему удивлению, проснулась Джанель. Думаю, помогло то, что сейчас был день. Ночью разбудить ее было невозможно¹⁷. Потерев глаза, она потянулась за уже отсутствующим оружием:

– Что случилось? Где мы?

Прежде чем я успел ответить, проснулся Тераэт, а за ним и Турвишар.

Я быстро оглядел нашу весьма причудливую и столь же бесполезную повозку: ни еды, ни воды. А это означало, что тот, кто отправил нас сюда, не рассчитывал, что мы переживем этот опыт.

– Если говорить наугад, полагаю, что кто-то при дворе ванэ очень не хотел позволить нам поговорить с королем. – Я потер лоб. – Как они до нас добрались?

– Отравленные дротики. – Казалось, Тераэт был оскорблен одной мыслью об этом.

Он предложил Джанель руку. Она странно глянула на него и, проигнорировав его предложение, вылезла из повозки в сопровождении Турвишара.

Тераэт отдернул руку.

– Есть какие-нибудь предположения, кто в этом виноват? – помедлив, спросила Джанель. – Не король же, в самом деле?

– Сомневаюсь, что Келанис стал бы тайно вывозить нас из дворца, если бы был замешан в этом, – сказал Турвишар. – Наши похитители постарались, чтобы их не заметили.

Мы остановились.

– Ты был... в сознании? – Вопрос Тераэта не был праздным, учитывая навыки Турвишара в магии.

Турвишар притворился, что выискивает пятнышко на своем шелковом халате.

– Нет. Кирин может подтвердить. Я реагирую на наркотики не совсем типично. У меня были периоды почти ясного сознания. Это не значит, что я воспринимал все *связно*.

– Так кто же нас сюда бросил? – Тераэт обвел окружающий пейзаж рукою. Его голос звучал грубо.

– Ванэ? – предположил Турвишар. – Я почти ничего не помню. Одной из них была женщина с голубыми волосами.

– Королева Мияна? – Тераэт посмотрел на меня, как будто я мог как-то подтвердить его догадку.

Я почувствовал, как у меня кольнуло горло: и воздух тут был совершенно ни при чем.

– Или моя мать. У нее тоже голубые волосы¹⁸.

Мой ответ заставил всех замереть. Местонахождение Хаэриэль было неизвестно, а она была печально известна тем, что, правя ванэ, она была категорически против Ритуала Ночи. Теперь, когда она была свободна, я ожидал, что она попытается вернуть себе престол. Вероятно, у нее были союзники и связи в королевском дворце. Возможно, их было достаточно для того, чтобы устроить засаду на гонцов, посланных проследить за завершением Ритуала Ночи.

– Если это сделала твоя мать, – Тераэт жестом указал на нас, – тогда вам, возможно, придется пересмотреть ваши отношения. Поместить нас сюда равносильно смертному приговору.

– В буквальном смысле, – сказал Турвишар. – По-моему, ванэ называют это «Прогулкой Предателя».

Я выдохнул:

¹⁷ Потому что, когда она спит ночью, ее душа путешествует по Загробному миру.

¹⁸ На самом деле к этому времени уже нет, но Кирин никак не мог этого знать. Цвет волос не слишком подходящее алиби для расы, которая может так быстро изменить свою внешность – во всех смыслах этого слова.

– Не могу сбрасывать со счетов вероятность того, что это сделала именно она. Ребенок, которого она никогда не знала, против ее собственного бессмертия? Может быть, это даже не очень сложный выбор.

– У нас еще будет время тыкать пальцем в виновного, – сказала Джанель. – Сейчас у нас есть более серьезные проблемы: еда и вода, а еще нужно прожить достаточно долго для того, чтобы вернуться к цивилизации. Любой цивилизации. Это Кортаэнская Пустошь, не так ли? – Она огляделась, по крайней мере, насколько это было возможно, учитывая потрескавшуюся, скалистую местность.

– Почти в этом уверен. – Я с любопытством глянул на Джанель. Я ожидал, что Тераэт и Турвишар узнают, где мы находимся. Но Джанель? Она никогда раньше не была в Пустоши, но только если считать *эту* жизнь. В своей прошлой жизни она предприняла довольно эпическое путешествие в этот регион.

Она начала вспоминать.

Я знал, что это Пустошь, потому что уже был здесь однажды – несколько лет назад, когда я перенесся в разрушенный город Харас Гулгот, где находилась тюрьма Вол-Карота. Одного раза было достаточно; я узнал бы эти облака и жгучий привкус воздуха где угодно. Я выжил тогда, потому что трое Бессмертных лично явились, чтобы вывести меня отсюда. Теперь этого не повторится.

Тераэт поднял камень и в отчаянии отшвырнул его.

– О, безусловно это Кортаэнская Пустошь. Проклятье! Интересно, знал ли король, что мы прибыли к нему?

Вьючные животные по-прежнему брели от куста к кусту, заставляя всех идти за фургоном, учитывая, что мы не хотели его потерять.

– Может быть, и нет, – сказал Турвишар, – но скоро узнает. Я открою ворота и верну нас в Столицу. Оказавшись там, мы сможем снова связаться с Восьмеркой и решить, как поступить дальше. Разумно?

На мгновение воцарилась тишина. Потом я понял, что Турвишар ждет, пока мы ему разрешим¹⁹.

– Ага. Отличная идея. Открывай.

– Пожалуйста, – добавила Джанель. Она с явным раздражением оглядела свой красный шелковый наряд. – Почему они не могли подождать, пока мы оденемся как следует, прежде чем накачать нас наркотиками и бросить здесь?

Ванэ были гостеприимны. И это было самое неприятное. Никто не сказал: «Нет, уходите!» Вместо этого они радушно приняли нас и убедили в том, что мы сможем встретиться с королем, как только он вернется в столицу, а пока нам нужна подходящая одежда для двора. После этого они потратили всю следующую неделю или около того, подбирая нам роскошные наряды – в основном для того, чтобы мы могли носить красивые наряды на всех тех пиршествах, на которые нас приглашали.

Одежда Джанель напоминала традиционную одежду Западного Куура, но лишь тому, кто никогда не видел традиционной одежды Западного Куура. Поэтому, хотя она и была в райсиги, ее платье плотно обхватывало грудь, а ниже ниспадало прозрачными шелковыми лоскутами, постепенно переходящими от оранжевого до темно-бордового. Штаны кеф на бедрах были разрезаны и соединены между собой цепочкой из переплетенных золотых саламандр. Наряд даже отдаленно не напоминал уличную одежду, но, по крайней мере, на ней были сапоги.

Это было лучше, чем то, на что могли претендовать мы с Тераэтом. На нас были сандалии в дополнение к шелковым халатам ванэ, настолько тонким, что я был рад, что мода требует

¹⁹ Когда человек вырос, зная, что неподчинение приказу означает смерть, некоторые инстинкты становятся довольно трудно сломить.

носить их в несколько слоев²⁰. Единственная причина, по которой Тераэт носил что-то, что можно было назвать чем-то большим, чем «официальные украшения», заключалась в том, что он хотел быть уверенным, что сможет спрятать все свои ножи.

Тераэт вздохнул.

– По крайней мере, шелк стоит целое состояние.

– Я бы предпочла остаться голой и с мечом, – сказала Джанель.

Турвишар вскинул руки и начал произносить сложное заклинание, которое должно было вытащить нас из этой смертельной ловушки. Я не удивлен, что наши вероятные убийцы – кем бы они ни были – полагали, что мы не сможем сбежать из Пустоши. Во всем мире было не более сотни людей достаточно могущественных, чтобы самостоятельно открыть ворота, – и большинство из них были богами-королями. А тех смертных, что на это способны, можно сосчитать по пальцам рук²¹.

К счастью для нас, Турвишар был одним из таких людей. Без еды, воды и оружия, а также без возможности выбраться мы бы погибли.

Однако ничего не произошло.

– Гм, Турвишар? – Я прочистил горло, чтобы привлечь его внимание. Он перестал шевелить пальцами.

– Это... не сработало. Позволь, я попробую снова...

– Турвишар, посмотри наверх, – тихо и настойчиво потребовала Джанель. Я тоже поднял глаза. Облака над нашими головами стали из болезненно желто-коричневых серебристо-серыми, переливающимися всеми цветами радуги: красным, зеленым, фиалковым²².казалось, облака кипели.

– Что за... – начала было Джанель.

– Мне знакомо такое небо... – Глаза Тераэта расширились. – Все под повозку! *Все под повозку, живо!*

Джанель вцепилась в ближайшего к ней человека – Турвишара – и толкнула его на землю. В тот же момент Тераэт дернул меня вниз. Стимул мне был не нужен, но, заползая в укрытие, я готов был принять любую помощь.

Неподалеку что-то рухнуло на землю. За этим звуком последовал еще один, а затем все отозвалось эхом, словно начался сильный дождь.

– Что?.. – Я повернул голову, чтобы посмотреть.

В землю вонзился острый меч. Рядом, завибрировав, воткнулся кинжал. Следом – еще один. Не все оружие летело клинком вперед, но любой, кто остался бы снаружи без прикрытия, был бы ранен острым лезвием или получил сильный удар рукоятями. В завершение всего раздались звериные крики, тут же милосердно оборвавшиеся²³. Мечи все падали и падали с небес, звеня, когда соприкасались с ранее упавшим.

– Мечи?! – выдохнул я. – Это дождь из мечей? – Я вспомнил Мориосу, дракона, убитого Джанель, но он выдыхал тучи металла, больше похожего на острые как бритва металлические осколки. Это же были настоящие, добротные мечи, укомплектованные наконечниками, поперечными гардами и кровостоками.

– Сейчас – да, – согласился Тераэт. – По крайней мере, не из кислоты.

– Или ядовитых пауков, – добавил Турвишар. – Я читал рассказ...²⁴

²⁰ Фактически многослойность весьма опциональна. Похоже, у ванэ нет табу, связанных с нудизмом.

²¹ Получается, что Кирин знает довольно много людей, способных самостоятельно открыть ворота?

²² Цвета Тиа. Мне кажется это таким очаровательным.

²³ К счастью, они погибли раньше, чем успели убежать достаточно далеко, утащив от нас телегу.

²⁴ В последний раз Атрин Кандор ввел войска в Кортаэнскую Пустошь, когда Вол-Карот проснулся. И быстро вывел их обратно.

– Да, ты читал мой рассказ...²⁵

– Кирин! – Джанель схватила меня за мишу и притянула к себе за мгновение до того, как сквозь трещину в деревянном полу фургона вошел меч, скользящий до земли и едва меня не задевший.

А еще это означало, что я оказался прижатым всем телом к Джанель, и, честно говоря, это было совсем не неприятно. Джанель, похоже, одновременно со мной поняла, насколько провокационной была ее поза, и улыбнулась.

– Ты не ранен? – спросил Тераэт.

Я оглянулся через плечо, из-за меча, и встретился взглядом с Тераэтом. Он выглядел очень испуганным – и раньше я не видел на его лице такого выражения.

У меня пропало всякое настроение флиртовать. Я вознес небольшую молитву своей богине, хотя и знал, что это не поможет.

Таджа была *занята*... или пряталась.

Не знаю, что мне больше не понравилось.

²⁵ Да, наверное, я забыл, что Тераэт на самом деле реинкарнация Атрина Кандора.

3. Охота на колдунью

Турвишар окинул задумчивым взглядом записи и отложил их в сторону:

– А я не уверен, с чего хотел бы начать свой рассказ.

– Как насчет Сенеры? – усмехнувшись, спросил Кирин.

– Извини? – Турвишар прищурился, но, похоже, ему было не до смеха.

– Сенера. Ну, знаешь... Белая кожа, черное сердце? Я, конечно, не вижу в этом ничего привлекательного, но... – Кирин перегнулся через стол к Турвишару. – Черный цвет нравится тебе гораздо больше, чем мне.

– Понятия не имею, что ты имеешь в виду, – сухо откликнулся Турвишар. – Как бы то ни было, у меня нет сведений от Сенеры, как для нее все это началось.

– Не ве-е-ерю... – усмехнувшись, пропел Кирин.

– Это правда.

Кирин не отводил от Турвишара пристального взгляда, и волшебник, вздохнув, потянулся за еще одной пачкой бумаг:

– Для полной версии мы должны начать с Талеи.

(Рассказ Талеи)

Земля ритмично заколыхалась.

Талея забрала копье у солдата клана Форгурог, достаточно глупого для того, чтобы подумать, что если он кинется на нее, выкрикивая непристойности, то это сделает его невосприимчивым к повреждениям. Перешагнув через бездыханное тело, она встретила взглядом с Байкино, еще одной Отвергнутой. Йорка выглядела столь же растерянной, как и Талея.

– Что это? – спросила Талея.

Старшая женщина пожала плечами.

Встреча с самого начала превратилась в засаду, совершенно из-за этого не задавшись. Ксиван Каэн, герцогиня Йора, пыталась разобраться с йорскими кланами, объявившими независимость после исчезновения и предполагаемой смерти ее мужа, но возникли проблемы. Точнее, целые три проблемы. Во-первых, кланы злил тот факт, что Ксиван Каэн не была коренной йоркой. Во-вторых, Ксиван была женщиной, а йорские мужчины, очевидно, были столь нежными снежными цветами, что не знали, как справляться с приказами женщины. И наконец, Ксиван Каэн была мертва.

При нормальных обстоятельствах ни одна из этих проблем не была бы непреодолимой²⁶.

Но клан Форгурог приютил богиню Сулесс. Ксиван надеялась, что они смогут договориться и убедить клан отречься от Сулесс. Хотя, если задуматься, они и должны были ожидать засаду²⁷.

Земля продолжила колыхаться. Из-за заснеженных скал ледяного перевала, у которого они договорились о встрече, выглянула голова. Бело-голубая, бородастая и размером примерно с белого медведя. Тело было пропорционально голове. А еще это существо держало в руках целую сосну, вырванную с корнем.

– Ледяной гигант! – выкрикнула Байкино. – Боги, я не думала, что они еще живы!

Талея окинула взором высохшую плоть и запавшие глаза существа, кости скул и фрагменты черепа, видневшиеся под сгнившей плотью.

– А я почти уверена, что уже нет! Бежим!

²⁶ Честно говоря, последнее послужило бы основанием для расторжения сделки для любого нормального человека.

²⁷ Сулесс – богиня измен и предательства. Так что да. Должны были ожидать.

Великан медленно и тяжело двигался вперед, но земля дрожала от каждого его шага. Когда он взмахнет своим деревом, ему даже не надо будет ни в кого целиться. Опасаясь нападения, бежали даже Форгуроги. Ледяной гигант не пытался отличить друга от врага, или, что вернее, для ожившего ледяного гигантского трупа любой был врагом.

Стрелы Отвергнутых безрезультатно вонзились ему в грудь.

– Поберегите свои стрелы! – закричала Талея. Нужно было что-то делать. Но что? Заставить его споткнуться?

Это не казалось совсем уж нелепым. Его движение могло быть замедлено, если перерезать ему сухожилия, – в зависимости от того, был он зачарован или одержим демоном. Был только один способ выяснить это.

В этот момент из-за южных скал, обрамлявших перевал, появилась фигура – Ксиван. Женщина сделала огромный прыжок к ледяному гиганту, проплыла по воздуху по идеальной дуге, а затем приземлилась на спину великана, прямо у его шеи. Ксиван отвела в сторону руку с длинным черным мечом и ударила рубящим движением вниз. Пусть изначально меч и не был достаточно длинным, чтобы за раз обезглавить ледяного гиганта, но к тому моменту, как Ксиван завершила удар, лезвие увеличилось больше чем вдвое. Мертвую плоть и кости великана оно прорезало столько легко, словно существо состояло из гусиных перьев и детских стишков.

Ксиван позволила телу гиганта рухнуть на землю, спрыгнув с него за мгновение до того, как от грохота падения задрожал весь перевал. Когда Ксиван убрала черный меч – Убийцу Богов, Уртанриэль, как ни называй эту проклятую штуковину, – в ножны, он вернулся к прежней величине.

Йорская герцогиня стряхнула с плаща воображаемую снежинку и направилась к Талее.

У Талеи всегда захватывало дух при взгляде на нее. Конечно, большинство людей с этим бы не согласились. Внешность Ксиван весьма отличалась от обычной. Ее темная плоть хоровешки выглядела либо высохшей, как старая кожа, либо, если она недавно питалась, казалась плотью юной, очень долго прожившей на снегу девушки со сладким румянцем. Темные кудри были собраны в пряди, удерживаемые серебряными заколками. Ее глаза были белыми. Это единственное, в чем она хоть слегка походила на йорку, – пусть и по совершенно иным причинам.

– Докладывай, – сказала Ксиван Талее, проходя мимо своего лейтенанта к заваленному телами месту встречи.

– Потери еще предстоит определить, – сказала Талея, – но мы захватили вождя Мазагру²⁸. Мы привезли его сюда, чтобы вы его допросили.

– Есть какие-нибудь признаки Сучьей Королевы? – Ксиван имела в виду богиню Сулесс. Она почти никогда не звала богиню ее настоящим именем. Честно говоря, Сучья Королева было одним из настоящих титулов Сулесс, но Ксиван относилась к нему с гораздо меньшим уважением, чем среднестатистический йорский приверженец богини.

Талея покачала головой.

– Нет, ни одного, но я была бы удивлена, если бы выяснилось, что она не наблюдает.

Они были вынуждены проявлять живой интерес ко всем старым историям, сказкам и басням о Сулесс. Они научились принимать эти истории за чистую монету. Да, Сулесс умела очаровывать умы. Да, Сулесс могла красть души. Да, Сулесс могла использовать диких животных – ворон и снежных гиен, белых лисиц и ледяных медведей – в качестве шпионов. Они не могли позволить себе недооценивать богиню.

– Я тоже была бы удивлена, – призналась Ксиван, небрежно сделав грубый жест в сторону линии деревьев. Она остановилась перед горящей, изрешеченной стрелами палаткой, где должна была состояться встреча, если бы другая сторона в этой ситуации действовала честно, а

²⁸ Младший клановый лидер Йора. У меня нет о нем никаких записей.

затем направилась дальше, пройдя мимо этого бушующего ада, пока не добралась до женщины, держащей кричащего мужчину, одетого в меха и закаленные кожаные доспехи. Еще одна женщина держала щит, чтобы защитить его от горящих стрел.

Отвергнутые полагали, что люди Мазагры будут готовы убить своего предводителя, чтобы он не попал в руки врага.

– Прекрати сопротивляться, – приказала Ксиван, – или я велю Незессе сломать тебе руки. Ей даже стараться не придется.

И это было правдой. Незесса была самой сильной среди них.

Вождь клана Форгурог с отвращением посмотрел на Ксиван и сплюнул в сторону:

– Мне нечего тебе сказать, шлюха.

– О, это неправда, – сказала Ксиван. – Например, ты расскажешь мне, куда направилась Сулесс. – Она присела рядом с вождем и опустилась на пятки. – Мазагра, позволь мне внести ясность – я не нуждаюсь в твоих объяснениях. Я узнаю это сама. Все, что мы здесь выясняем, – это могу ли я уничтожить весь твой клан, дабы это стало наглядным уроком для остальных.

Его глаза расширились:

– Ты не посмеешь!

– Какие сказки рассказывала тебе Сулесс? – Ксиван рассмеялась. – Она сказала, что я слаба? Она сказала тебе, что я нежна? Что я отнесусь к тебе мягче, потому что мои солдаты – женщины?

Талея расхохоталась. Как и остальные Отвергнутые.

– Мой муж, Ажен, однажды уничтожил целый клан, – продолжала Ксиван, – и я не могу не вспомнить, насколько эффективной оказалась эта тактика. После этого люди начали относиться к нему гораздо серьезнее. Ты добровольно вызываешься стать таким же примером? Люди многие годы будут шептаться о том, что случилось с кланом Форгурог.

Он вздрогнул. Талея заметила это и поняла, что он сломается задолго до того, как у Ксиван сдадут нервы. И она знала, что Ксиван тоже это заметила.

– Ты не знаешь, на что она способна! – выдохнул Мазагра. – Она наша богиня. Ты не можешь бросить вызов богине!

– Увидишь. – Ксиван встала и отошла в сторону.

Талея последовала за ней:

– Что ты собираешься делать с кланом?

Ксиван нахмурилась:

– У Ажена были такие планы на этих людей. Он хотел показать им путь, лучший, чем все это бессмысленное насилие, вся эта вера, что только сильный может править слабым. Он хотел, чтобы йорцы стали лучше тех варваров, за которых их принимает остальная часть Куура. И за это они его ненавидели.

– Да, Ваша Светлость. – У Талеи было собственное мнение о герцоге, но она держала его при себе. Возможно, когда-то, до того, как Сулесс вонзила в него свои когти, Ажен Каэн был другим. Вспоминая о муже, Ксиван вспоминала более молодого, более энергичного Ажена Каэна, но Талея никогда не знала такого герцога.

Но, возможно, она не давала ему настоящего шанса. Талея не всегда разбиралась в нюансах йорской культуры. С другой стороны, она не думала, что йорцы являются большими варварами, чем куурцы. Скорее в подобной забаве йорцы были лишь любителями.

Ксиван заметила выражение лица Талеи.

– Я опять разнылась, да?

Талея усмехнулась.

– Вовсе нет, Ваша Светлость. – Выражение ее лица стало серьезным. – Но что насчет клана?

Ксиван вздохнула.

– О, я полагаю, мы должны доказать, что йорцы правы. Править могут только сильные и только через страх. – Она презрительно махнула рукой. – Убейте всех мужчин. Отпустите женщин и детей, предупредив, что мы сделаем то же самое с любым кланом, который приютит Сучью Королеву. Пусть распространится слух об этом²⁹.

Желудок Талеи сжался. Она с самого начала знала, что ответ будет таков, но ей это не нравилось.

– Да, Ваша Светлость.

– О, не смотри на меня так. Я знаю, что ты этого не одобряешь. Я тоже этого не одобряю. Но, может быть, если мы убьем нескольких сейчас, позже умрет меньше.

Талея ничего не ответила.

Ксиван уставилась на нее:

– Покончим с этим.

– Я просто хочу, чтобы мы были лучше, чем все это. Лучше, чем Куурская империя. Ненавижу, когда мы поступаем одинаково – решаем свои проблемы острием меча. – Ровный, непоколебимый взгляд Ксиван заставил Талею вздернуть подбородок. – Я не хотела сказать, что вы плохо справляетесь с работой, Ваша Светлость.

– Не нужно на это намекать. Давай, скажи это. Так уж случилось, что это правда. Хотела бы я знать способ получше. – Ксиван расстегнула пояс с мечом и передала его Талее. – Подержи. От драки я проголодалась.

Талея молча перехватила перевязь с Уртанриэль. Она ненавидела эту проклятую штуковину, но также ценила честь нести ее, когда Ксиван не могла этого делать сама. Например, Ксиван не могла носить Убийцу Богов и питаться одновременно. Она не могла питаться, даже находясь рядом с Уртанриэль. Использовать магию рядом с мечом было невозможно, а то, как Ксиван пожирала души, подобно вампиру, вполне подходило под это определение.

Ксиван начала поворачиваться к вождю клана, несомненно выбрав его первым блюдом в меню, но потом остановилась.

– Ох. Э, Талея? Найди Релоса Вара. Он мне нужен.

– Да, Ваша Светлость. Прямо сейчас. – Талея поспешила прочь, благодарная, что Ксиван дала ей предлог, чтобы уйти до того, как начнется бойня.

²⁹ Для хорвешской женщины кажется нехарактерным шадить других женщин по какой-либо банальной причине. Конечно, она не сделала бы этого, если бы считала, что они нуждаются в защите. Гораздо более вероятно, что она играла на женоненавистнических взглядах Йора относительно святости материнства.

4. Кортаэнская Пустошь

Кирин ухмыльнулся, когда Турвишар замолчал:

– Не смей, – сказал ему Турвишар.

– Я не сказал ни слова! – запротестовал Кирин. – И вообще я улыбался из-за меча.

Турвишар молча ждал продолжения.

– Когда я держал Уртанриэль в руках, она всегда была серебряной, а для Ксиван? Черной.

Любопытно, тебе не кажется?

Турвишар задумался:

– Наверное, ты прав. Это странно. Возможно, меч так отмечает статус Ксиван как немертвой.

– Тогда меч разве не должен быть белым?

Турвишар сжал губы и не ответил.

– Как бы то ни было, я продолжу.

(Рассказ Кирина)

Когда «дождь» прекратился и мы выбрались из-под разбитого фургона, на земле валялось металлическое оружие. Мечи, копыя, кинжалы, всевозможные ножи. Оба выючных животных – кем бы они ни были³⁰ – сейчас напоминали разделанное мясо.

Я повернулся к Джанель:

– Не могла бы ты теперь пожаловаться на то, что у нас нет воды или еды?

Она шлепнула меня по руке.

– Это так не работает.

– Как мы узнаем, если не попробуем? – Я поднял меч. – Оружие... остается? – Оружие казалось на удивление хорошо сделанным. Купив подобный меч на рынке, я бы не почувствовал себя дураком. Но, разумеется, проклятое небо уронило нам на головы только клинки, без ножен. Нести эти штуки, не опасаясь порезаться, будет непросто.

– Нет, – ответила Джанель, – но оно продержится несколько дней. Достаточно долго, чтобы мы спаслись из Пустоши.

– Откуда ты знаешь? – Тераэт скривил рот. – Это то, чему ты научилась у Ксалтората?

Джанель искоса глянула на мужчину:

– Если хочешь знать, я начинаю вспоминать свою прошлую жизнь.

Тераэт слотнул и отвернулся. Оставив разговор, он снял свой тонкий шелковый халат и склонился над убитыми выючными животными, принявшись разделывать и собирать мясо.

Честно говоря, я рад, что он об этом подумал. Кто знает, через сколько дней мы сможем выбраться отсюда? Это может оказаться нашей единственной пищей.

– Значит, врат нет, – сказал Турвишар. – Понятно.

– Это ненормально, – возразил я. – В прошлый раз такого точно не было.

Джанель пожала плечами:

– В прошлый раз Вол-Карот еще спал.

Я вздохнул. Она была права.

– Что это значит? – спросил Турвишар. – Вол-Карот меняет законы магии?

– Не совсем, – ответил Тераэт. – Попробуй заглянуть за Первую Завесу. – Он выглядел виноватым. – Прости, что не предупредил тебя. В этой жизни я здесь не был.

³⁰ По-прежнему это окапи.

Турвишар сосредоточился. Мгновение спустя он издал тихий звук и прикрыл глаза, словно глянул на солнце.

– Вуали, – выругался Турвишар. – Что это было?

– Развращение Вол-Карота, – ответил Тераэт. – Так вот, в последний раз, когда я путешествовал здесь – в *моей* прошлой жизни, я держал Уртанриэль, что помешало мне самому заглянуть за Первую Завесу. Но я привел с собой других волшебников, и они не переставали жаловаться. Вол-Карот искажает магию на многие мили вокруг. Никто не должен использовать магию. – Он многозначительно глянул на Джанель.

Она нахмурилась:

– Ты имеешь в виду мою силу.

– Я имею в виду твою силу.

Джанель ходила взад и вперед, сжимая и разжимая руки, словно настраивала себя на бой.

– Ну, я собираюсь кое-что попробовать – *не используя свою силу*, – так что все будьте готовы нырнуть обратно под фургон.

– Что ты собираешься делать? – Тераэт, казалось, был готов прочесть лекцию о безопасном использовании оружия. – Сейчас не время экспериментировать.

Джанель, не обращая на него внимания, склонилась над останками выючных животных, зачерпнула кровь пригоршней и смочила ею заплетенные в лаэвос³¹ волосы.

Я поднял бровь:

– Нет, правда. Не могла бы ты объяснить, что ты делаешь?

– Стой спокойно, – сказала она мне, подходя ближе. – Я знаю, это выглядит отвратительно, но просто поверь мне.

– Всегда верю, – заверил ее я.

Ее рубиновые глаза смягчились, когда она улыбнулась мне. Затем она протянула руку и нарисовала что-то у меня на лбу перепачканной кровью прядью волос.

Воздух перестал обжигать горло.

– Это ведь тот самый знак? Тот, которым мы пользовались в таверне? – Я глубоко вдохнул. На мне уже использовали этот знак раньше, когда ледяная дракониха Эйанаррик заморозила таверну, в которой мы находились³². Дым не мог выйти наружу по трубам, а мы не могли выбраться на свободу, пока снаружи ждал дракон...

Джанель ожидающе посмотрела на облака. Мы все подняли головы.

Ничего не произошло.

– Отлично, – сказала Джанель. – Отчего бы все это ни происходило, но, похоже, знаки не считаются за магию.

– Знак? – спросил Тераэт. – Какой знак?

– Это все глиф, – услужливо объяснил я. – Он то ли заколдовывает воздух, то ли очищает его. Я точно не уверен.

Турвишар потер подбородок костяшками пальцев.

– Тебя Сенера этому научила?³³

– Научила? – Джанель рассмеялась. – Нет. Скорее Коун...³⁴ – Она вздрогнула, словно ей было больно произносить это имя. – Мы поняли, что она сделала, и скопировали ее действия. А теперь давайте нарисует его на вас двоих, и вы сможете скопировать метку и нарисовать

³¹ Лаэвос – традиционная джоратская прическа, которая похожа на лошадиную гриву: это полоса волос, проходящая по центру головы. Считается престижным, если лаэвос растет у тебя естественным путем, хотя большинство дворян, вероятно, бреются и делают вид, что им это не нужно, или, как семья Джанель, платят непомерную плату Дому Де Мон за постоянную модификацию.

³² Сенера составила хронику тех событий. Смотрите прилагаемую копию.

³³ Я еще не читал отчет Сенеры.

³⁴ Она упомянула жреца Вишаи, который с тех пор перешел на сторону Релоса Вара. Смотрите отчет Сенеры.

ее на мне. Не знаю, как долго она будет работать – скорее всего, до тех пор, пока символ не сотрется. А учитывая, чем она нарисована, вряд ли знак продержится долго.

– Возможно, если мы найдем, что сжечь, то сможем воспользоваться углем, – согласился Турвишар, когда она начертила знак на его лбу.

– Можно сжечь повозку, но мне не хочется таскать с собой доски, – сухо откликнулся Тераэт.

– Стой спокойно, – приказала Джанель. – Ты и так безумно высокий. – и, опершись ладонью на руку Тераэта для равновесия, она нарисовала уже знакомый мне символ у него на лбу.

С тех пор как я проснулся, я постоянно слышал один и тот же низкий гудящий звук. Похожий на пение. Его было достаточно легко игнорировать, пока мы боялись за наши жизни, но теперь, когда у нас была возможность отдышаться, шум стал просто невыносимым.

– Вы слышите это? – спросил я.

Они тупо уставились на меня.

– Слышим что? – спросил Тераэт.

Я указал в ту сторону, откуда, как мне показалось, исходил шум.

– Этот звук. Он как пение? Жужжание? Что-то в этом роде. Он доносится оттуда.

– Э-э, Кирин?.. – голос Джанель звучал взволнованно и отстраненно. Я обернулся. Они все стояли футах в пятидесяти от меня. Я заморгал.

– Эй, а почему вы все ушли... от меня?.. – рядом с ними стоял фургон, там же лежали мертвые выючные животные, валялось оружие. Никто не уходил.

В отличие от меня.

Я оглянулся на звук. Я не помнил, как шел к нему.

Я услышал шаги. Тераэт взял меня за руку:

– Ладно, а теперь давай вернемся.

Очевидно, я снова куда-то пошел.

– Что происходит? – Я позволил Тераэту отвести меня назад, но я чувствовал, что мои ноги пытаются идти прочь от остальных. Меня буквально тянуло туда.

– Не знаю, – ответил Тераэт, – но мне это не нравится. И, если быть честным, ты начинаешь меня пугать.

– Давай не пойдем туда, – предложил я, когда мы вернулись к остальным.

Джанель подняла голову:

– Слышите?

– Хоть ты не начинай, – не выдержал Тераэт³⁵.

Она раздраженно махнула ему рукой.

– Я не о том, что слышал Кирин. *Прислушайтесь*.

Я замер, стараясь не обращать внимания на напев, и почти сразу же услышал крики, вопли, низкий грохот камней.

– Битва, – сказала Джанель.

И как только она это сказала, я сразу же понял – кто-то действительно дрался. Слышались злые крики, выкрикивались указания, раздавался быстрый топот бегущих ног.

Джанель подхватила с земли одной рукой металлическое копье, а другой – меч и рванулась на шум.

– Подожди, – крикнул ей вслед Турвишар. – Разве мы не должны сперва выяснить, что происходит? – Он повернулся ко мне и Тераэту за поддержкой.

– Джанель, немедленно вернись! – крикнул Тераэт вслед женщине.

Она не обратила на это никакого внимания.

³⁵ Могу сказать в защиту Тераэта, я подумал о том же – задавшись при этом вопросом, могло ли так повлиять на Кирина искажение магии знака, который использовала Джанель.

– Следовало сказать тебе, что это не сработает, – сказал я.

Тераэт бросил раздраженный взгляд на ее теряющийся вдали силуэт:

– Проклятье, женщина...

– Нам лучше последовать за ней. – Я решил не задерживаться.

Тераэт схватил меня за руку.

– Ты идешь не в ту сторону, – сказал он.

Я снова направлялся к источнику странного пения. И пусть сейчас я вдыхал чистый воздух, я вдруг почувствовал, что задыхаюсь. У меня было ужасное подозрение, что шум доносится из центра Пустоши, из Харас-Гулгота, где ждал Вол-Карот.

Я потрясенно кивнул и позволил Тераэту повести меня вслед за Джанель.

5. Волшебник, герцогиня и солдат

(Рассказ Талеи)

Когда магические ворота открылись, на западе поднялась буря. Спиральный, заполненный глифами портал застыл ртутным стеклом, разбившимся на осколки, когда через него прошли трое: двое мужчин-куурцев и белокожая женщина. Талея узнала всех троих: Релос Вар, Коун и Сенера.

Коун и Сенера были одеты для холодной погоды, но Релос Вар попросту... проигнорировал холод, словно и не заметил ледяной йорской погоды.

Релос Вар всегда напоминал Талее Верховного лорда. Не имело значения, что она ни разу не видела его в королевской одежде или что у него были совершенно нормальные карие глаза. Как и большинство членов королевской семьи, он двигался так, словно везде и всюду был самым важным человеком, но в отличие от большинства известных Талее Верховных лордов, которые не обращали внимания на всех «низших» слуг и рабов вокруг себя, Релос Вар всегда замечал ее. Каждый раз, когда он наблюдал за ней, она чувствовала, что ее измеряют, оценивают.

А затем отвергают, с самой мягкой из улыбок, как нечто совершенно несущественное.

Талея не питала иллюзий относительно своего места в великой схеме всех вещей. Она не была ребенком Королевского дома или божества. Она не упоминалась ни в одном пророчестве. Она не была избранным кем-то героем и знала, что никогда не станет великим лидером. Но она могла *служить* великому вождю и гордиться этим. Это должно было что-то значить.

Релос Вар так на нее смотрит? Это было просто невежливо³⁶.

Второй мужчина, краснощекий от холода, поплотнее закутался в меха. Ученик Релоса Вара, Коун, так глубоко вошел в тень этого человека, что было легко не заметить его присутствия. Последним была бывшая подмастерье Релоса Вара, волшебница Сенера. Учитывая бледность ее кожи, можно было простить того, кто принял бы ее за йорку. Но если кожа большинства йорцев была снежно-белой, зимне-белой, иногда ледниково-голубой или серой, как грозовые тучи, кожа Сенеры была цвета сливок и свежевзбитого масла – наследие ее долтарских предков.

Талея ждала, положив ладонь на Уртанриэль. Девушка держалась на расстоянии от магического портала. Талея не думала, что, находясь в ножнах, Уртанриэль разрушит ворота, но зачем рисковать? Она совершенно не собиралась использовать эту проклятую штуку. Однажды она сделала это – всего лишь раз, – и была почти подавлена ненасытным желанием убить каждого мага поблизости.

И сюда можно было отнести всех Отвергнутых.

Едва Сенера закрыла ворота, Талея шагнула вперед и коротко, почтительно поклонилась троице.

– Рада снова вас видеть. Спасибо, что так быстро откликнулись, лорд Вар. Достопочтенная очень хочет поговорить с вами.

– Что ж, спасибо. – По крайней мере, Релос Вар всегда был вежлив. Он посмотрел на нее с необычной настороженностью. – И где же она?

Она сразу поняла, что не она была причиной его беспокойства. А Уртанриэль.

– В главной пещере, – ответила Талея. – Я провожу вас...

Вар повернулся на каблуках и зашагал по тропинке к лагерю Отвергнутых.

Вот тебе и постоянная вежливость.

³⁶ О Талея, я совсем не думаю, что ты нечто несущественное. Вар сделал глубочайшую ошибку, подумав так.

После минутного колебания Коун и Сенера последовали за ним. Талея бодро пристроилась рядом с беловолосой волшебницей:

– Как твой щенок?³⁷ Ты отдала ей кости, которые я прислала?

Сенера искоса взглянула на нее.

– ...с ней все в порядке, спасибо.

– О, я рада это слышать. Здесь все было не так уж здорово. Сделка с кланом Форгурог – они укрывали Сулесс – не вышла. Была засада. Сулесс оживила мертвого ледяного гиганта. Это было захватывающе. У нас несколько раненых, но никто не погиб, так что нам повезло. В отличие от клана Форгурог. Ты голодна? Тебе что-нибудь нужно? Я уверена, что смогу найти для вас чай...

Сенера повернулась к Талею и подняла палец.

Войтельница остановилась, склонив голову набок.

– Хватит болтать, – сказала Сенера.

– Я просто по-дружески. – Талея не восприняла грубость Сенеры лично. Она знала эту женщину почти четыре года, и за все это время Талея не могла припомнить, чтобы Сенера улыбалась. Волшебница казалась Талею безумно несчастной. Вот почему она так обрадовалась, услышав о щенке.

По мнению Талеи, Сенера была женщиной, отчаянно нуждающейся в собаке.

Коун откашлялся.

– Я бы с удовольствием выпил чаю.

Талея широко распахнула глаза в притворном удивлении.

– Но, Коун, я *предполагала*, что ты захочешь чаю. – Она подмигнула ему и театральным шепотом добавила: – А что касается Сенеры, ей нужны друзья.

Глаза Сенеры сузились.

– *Нет*, просто отведи нас к Каэн.

Талея снова усмехнулась и указала вслед Релосу Вару.

– Туда. И всем нужны друзья. Некоторые люди слишком упрямы, чтобы признать это, а? Сенера бросилась прочь, а Талея схватила Коуна за руку.

– Пойдем поищем чаю. Ты ведь не принес конфет с подсолнухом?

Коун выглядел пораженным.

– О нет, у меня не было времени их готовить. Мне так жаль...

Талея наклонила к нему голову.

– Я шучу. Но я совершила ошибку, поделившись последней порцией, которую ты сделал, и теперь другие женщины не прекращают мне надоедать. Ты ведь понимаешь, что ты единственный мужчина, которого мы готовы видеть в любое время, когда ты только захочешь?

Коун очаровательно покраснел.

– Нет, я имею в виду... Я перестал их делать. Их очень любила Джанель. Я и не подозревал, что она делилась ими.

– Причем много лет. Это было все равно что съесть сладкое облако. – Улыбка Талеи на мгновение погасла. Она не знала точно, как развивались события в Атрине, но расставание с Джанель после того, как Сулесс уничтожила Ледяные Владения, достаточно ясно дало понять, что джоратский рыцарь не вернется – еще один грех, который она возложила к ногам Релоса Вара. Талея уже скучала по ней. – В любом случае мы здесь.

Отвергнутые внутри пещеры приготовились к буре. В Йоре к снежным штормам относились весьма серьезно. Талея была, вероятно, единственным членом группы (за исключением самой Ксиван), кто не был с детства обучен технике выживания в снежной буре. Все остальные складывали дрова, собирали припасы, подготавливали спальные места в глубине пещеры.

³⁷ Бунтарке уже около четырех лет? Думаю, Талею просто нравится называть всех собак щенками.

Когда вошел Релос Вар, Ксиван Каэн прервала разговор с Байкино. В полумраке мало кто мог бы заметить, что с Ксиван что-то не так. Она выглядела вполне живой и потрясающе красивой хорвешкой лет двадцати пяти, а не кем-то, кто был вдвое старше, да еще и мертв большую половину своей жизни.

Пожалуй, чтобы увидеть Ксиван столь совершенной, стоило подержать в руках Уртанриэль.

– Релос, спасибо, что пришел. Я понимаю, что ты, вероятно... занят. – Ксиван, склонив голову, шагнула к волшебнику. – Мне нужна твоя помощь, чтобы найти Сулесс. Похоже, мы ее потеряли. Снова. – Она нахмурилась и двумя крючковатыми пальцами подманила Талею, командуя ей: «Дай мне».

Талея расстегнула пояс с мечом и с радостью вернула Уртанриэль.

Сенера скрестила руки на груди:

– Ты хочешь сказать, что тебе нужна *моя* помощь?

Уголки рта Ксиван опустились:

– Мне все равно. Если это приведет к смерти Сулесс, я соглашусь даже на помощь двух испуганных кроликов и пьяной гиены. – Она взглянула на Релоса Вара. – Ты ведь тоже этого хочешь?

– О, более чем. – Релос Вар, казалось, забавлялся этим разговором. – Она слишком часто вмешивалась в мои планы. Я не вижу причин ожидать, что она остановится. Лучше всего удалить ее навсегда. – Он улыбнулся Сенере. – Сенера, если ты будешь столь любезна...

Сенера села за стол.

– Я должна предупредить вас... – начала Сенера.

– Я знаю, – сказала Ксиван. – Ответы камня буквальны.

Сенера взглянула на герцогиню.

– Именно. – Бледнокожая женщина достала из лифа маленький темно-серый чернильный камень и чернильницу из сумки на поясе. А затем вытащила свою любимую кисть из волос, где она обычно носила ее в качестве шпильки.

Сенера была не просто обычным волшебником, если такое слово, как «*обычный*», вообще может быть применимо к *волшебнику*. Она владела Краеугольным Камнем, одним из немногих великих артефактов. Пусть он и был менее применим для боя, чем большинство других, но он все равно был весьма ценным. Имя Всего Сущего делало только одну вещь, но оно делало это лучше, чем даже боги.

Оно отвечало на вопросы.

В этом процессе была определенная медленная элегантность. Имя Всего Сущего не терпело спешки. Поэтому Сенера принялась растирать чернила, проводя кистью по скользкой воде на гладком камне и делая чернила должным образом, в стиле, столь отличающемся от чернильниц и гусиных перьев западного Куура.

Талея поставила рядом с нею чашку.

Сенера оторвалась от растирания чернил и искоса глянула на Талею.

Талея озорно улыбнулась:

– Наслаждайся.

Коун издал сдавленный звук, когда Сенера намеренно обмакнула кисть в чай, смачивая ее.

– *Спасибо*, – сказала Сенера.

Затем Сенера провела кистью по чернилам и принялась писать.

Талея находила эту часть весьма увлекательной, так как, очевидно, пока волшебница использовала артефакт, она не могла лгать в ответах, которые записывала.

У Талеи было так много вопросов, которые она хотела бы задать³⁸.

Сенера закончила писать свои ответы и изучила результат.

Талея посмотрела через плечо женщины.

– Долина Последнего Света. Где это?

– Долтар. – Релос Вар нахмурился.

– Этот глиф означает Долтар, – объяснила Сенера, постукивая по рассматриваемому ею символу концом кисти.

Талея не скрывала удивления:

– Ты имеешь в виду, откуда ты родом?

Взгляд Сены мог резать плоть:

– Я из *Столицы* Куура³⁹.

Сенера оглянулась через плечо на Релоса Вара:

– Сулесс знает, на что способно Имя Всего Сущего. И она знает, что есть отличный шанс, что Ксиван получит нашу помощь. На ее месте я бы не останавливалась.

– Да, и я тоже, – согласился Релос Вар. Он склонил голову к Ксиван Каэн. – Но вопрос в том, что ты намерена делать?

Ксиван холодно ответила на его взгляд:

– Я хочу напомнить тебе, что ни одна из моих женщин не способна открыть врата, так что, если ты хочешь смерти Сулесс, мне понадобится чуть больше помощи, чем волшебный меч.

– И в самом деле. Вероятно, это было весьма полезным напоминанием. Ты ведь должна это сделать. – Ксиван решила, что Вар заставит ее повторить просьбу, и лицо ее начало темнеть, но волшебник рассмеялся: – Очень хорошо. Сенера, я хочу, чтобы Сулесс была уничтожена. Сделай так, чтобы это случилось.

Беловолосая женщина нахмурилась.

– Но, мой господин, Столица...

– Мы с Коуном займемся делами в Столице.

Жрец удивленно моргнул.

– Мы?

– О да, – ответил Релос Вар. – Возможно, тебе даже понравится. – Он хлопнул мужчину по плечу. – Целители сейчас очень востребованы. У меня есть планы⁴⁰. – Он оглянулся на Сенеру. – Не смотри на меня так. Я знаю, почему ты хочешь вернуться в Столицу. Твоим планам придется подождать⁴¹.

– Почему нет? Они ждали так долго. – Выражение лица Сены было столь мягким, что можно было не заметить горькую нотку в ее голосе. Сенера выпила чай, не обращая внимания на сдавленный смех Талеи⁴². Затем она повернулась лицом к Релосу Вару. – То есть вы хотите, чтобы я просто... отправила их в Свободные Долтарские государства, чьих языков и обычаев мы не знаем? И чтобы там, в городах-государствах бог знает скольких *других* богов-королей, мы выследили ренегатку королеву-богиню, все это время неся меч, печально известный тем, что он убивал тех же самых богов-королей?

Вар улыбнулся:

– Ничего такого, с чем бы ты не справилась, моя дорогая.

Талея улыбнулась Сене:

³⁸ Хотя некоторые вопросы, вероятно, были бы вполне обыденными, я должен признать, что Талея иногда удивляет.

³⁹ И это правда. Я изучил достаточно, чтобы знать, что Сенера родилась у родителей-рабов Иналии и Вимора, которые принадлежали Дому Де Джоракс и размещались в Высшем Круге. Оба родителя умерли, как и их конкретные владельцы, а также все, кто когда-либо владел самой Сене. Я уверен, что все это лишь совпадение.

⁴⁰ Это означает, что Релосу Вару не надоело заниматься Домом Де Мон.

⁴¹ Признаюсь, мне несколько любопытно, что же может желать сделать Сенера. И, главное, как.

⁴² Надеюсь, Сенера добросовестно чистит свои кисти перед использованием. Или ей просто нравится вкус чернил.

- Но есть бонус – у нас будет время узнать друг друга.
- Как восхитительно, – сказала Сенера сквозь стиснутые зубы⁴³.
- Я чувствую то же самое, – ответила Талея.
- Итак, мы договорились, – сказала Ксиван. – Мы немедленно отправляемся.

⁴³ Может возникнуть соблазн подумать, что Сенера здесь не совсем честна. Разумеется, это не так.

6. Шиповник и кость

(Рассказ Кирина)

Сражение оказалось одновременно и ближе, и дальше, чем я первоначально предполагал. Несколько глубоких расщелин и долин отделяли нас от поля битвы, отчего звук казался далеким и приглушенным. Те же самые расщелины и долины мешали туда добраться.

Мы почти поравнялись с Джанель, когда из соседнего каньона взмыла вверх, а затем снова обрушилась на того, с кем сражалась, огромная фигура.

Существо было одушевленным, но я не решался назвать его *живым*. Скорее оно походило на огромный змеевидный скелет, скрепленный паутиной соединительной ткани, высохших сухожилий и мертвой плоти, которая расходилась и сливалась при каждом движении. Чудовище существовало в постоянном, бесконечном состоянии одновременного разложения и регенерации. Единственным цветным пятном на этом теле выделялись синие точки его глаз и зеленые лозы, обвивающие его массивные крылья и длинную шею.

О, кроме того, оно было размером в несколько сотен футов и казалось столь огромным, что, вероятно, могло бы уничтожить большинство врагов, просто наступив на них. И его форма была удручающе узнаваемой.

– Это ведь дракон, да? – спросил я.

Джанель бросилась бежать. К нему, естественно.

– Дерьмо! – выругался Тераэт.

Мы рванулись следом за Джанель.

– Это Роламар! – крикнул Турвишар на бегу.

Я вспомнил это имя. Релос Вар говорил о Роламаре с необычайной ненавистью, но это не означало, что Роламар захочет быть нашим другом. Драконы, как правило, ни с кем не дружат⁴⁴.

На гребне каньона тропа обрывалась вниз. Покрытая коркой поверхность превратилась в горячие источники и обжигающие, пузырящиеся бассейны, наполненные жидкостью, которая, вероятно, не была водой и уж точно была совсем не безопасна. Каньон продолжался, следуя по прямому, как стрела, твердому каменному полу, очертания которого с назойливой фамильярностью царапали мой разум.

В основном я изучал дракона. Когда мы подошли ближе, обнаружилось, что его размеры могли внушить благоговейный трепет. Он был не так велик, как Мориос, металлический дракон, который опустошил Атрин, но легко мог сравниться с Шаранакалом. Сражаться с таким существом казалось невозможным, но я знал, что раньше это уже делали.

По крайней мере, с *другими* драконами.

Со зверем сражался отряд моргаджей. Может, они с этим и не очень хорошо справлялись – по земле по всему каньону валялись многочисленные тела, – но их упрямой решительностью можно было восхититься. Женщина-моргаджа в глубине каньона вскинула руку, и в ее ладони блеснуло что-то зеленое. Она что-то выкрикнула, и со дна каньона поднялись, обвивая кости дракона, поросшие листьями лозы. Они буквально выстрелили вверх, вырастая из безжизненной до этого земли. Несколько лиан лопнуло – хорошо, большинство лиан лопнуло, но та часть, которая осталась, смогла замедлить дракона. Воины-моргаджи выиграли достаточно времени на то, чтобы их люди смогли отступить.

⁴⁴ Особенно Роламар. К сожалению, он кажется еще менее здравомыслящим, чем большинство драконов, вероятно, из-за того, что тысячелетиями испытывает неопишемую боль.

Джанель метнула копье, которое описало в воздухе идеальную дугу. Оружие попало прямо в центр светящегося голубого глаза, пролетело через пустую глазницу дракона и врезалось в стену, не причинив змею никакого вреда.

Но Джанель привлекла внимание дракона.

– Это Роламар, – повторил Турвишар, остановившись рядом со мной и Тераэтом и хватая ртом воздух. Турвишар был потрясающе мускулист для человека, который всю жизнь просидел в библиотеках и читал книги, но он явно не привык к постоянным нагрузкам⁴⁵. – Вы не можете убить Роламара. Ничто не может убить его. Роламар – не *живой*.

– Должен быть способ, – сказал Тераэт. – Все драконы уязвимы для чего-то.

– О, Роламар тоже, – ответил Турвишар. – *Для магии*.

Я слушал его слова вполуха. Попытавшись сразить дракона копьем в глаз, Джанель не остановилась и подбежала к мертвой женщине, лежавшей на земле.

Нет, Джанель бежала к ребенку, лежащему рядом с трупом. К ребенку, который все еще был жив. А над ним возвышался мертвый дракон, готовый обрушиться огромной лапой на труп матери, ребенка и Джанель.

– Проклятье! – Я ринулся вслед за Джанель.

– Кирин! – закричал мне вслед Тераэт, но я не обратил на него никакого внимания.

Джанель проскользнула между когтями дракона, упала и вскочила, подхватив на бегу ребенка. Дракон рванулся к ней, но дюжина лоз оплела его голову, так что он не смог дотянуться до нее.

Я нырнул в сторону, стараясь, чтобы меня не раздавили. Упал и уперся рукой в драконью кость, чтоб выстоять.

Интересно, вся магия здесь имеет неприятные последствия? Моргаджа явно использовала магию. А драконы и сами были магией – или, точнее, хаотическими магическими искажениями⁴⁶. В то же время я подозревал, что Джанель проигнорировала требования Тераэта не использовать магию для того, чтобы стать сверхъестественно сильной. Но никакого шторма хаоса не было. Может быть, проблема была только в определенных видах магии?

Да и какая магия могла повредить дракону, который уже был мертв?

Я коснулся рукой лапы дракона и сосредоточился на исцелении. И там, где прикасалась моя рука, вместо обычного ощущения тепла потекли черные миазмы. Кость превратилась в пепел, начала отслаиваться, разноситься ветром...

Дракон оглушительно заревел, мгновенно отреагировав на прикосновение.

Я заморгал. Это не было исцелением. Это было полной противоположностью исцелению. Что означало, что моя догадка оказалась верна.

Дракон поднял лапу и начал ее опускать. Прямо на меня.

Я бросился в сторону.

Моргаджи не бездействовали, пока я отвлекал Роламара. Женщина сзади продолжала вызывать растения и лианы, так что я побежал в ее направлении. Позади меня из земли поднимался колючий шиповник – непроницаемая живая изгородь высотой с горный кряж. Даже дракону пришлось остановиться. Я сполз в грязь рядом с моргаджем. Воин помог мне подняться, произнес что-то хриплое и гортанное на неизвестном мне языке. Возможно, Аргас и благословил нас способностью говорить на языке ванэ⁴⁷, но никто не предполагал, что наше путешествие закончится в Пустоши, лицом к лицу с моргаджами.

⁴⁵ Это... справедливо.

⁴⁶ Думаю, драконы имеют сходство со штормами хаоса Кортаэнской Пустоши – и то же происхождение.

⁴⁷ Я забегаю вперед, но это всего лишь один из видов тех же методов импринтинга, которые боги используют при возвращении своих ангелов.

Турвишар и Тераэт, будучи чуть менее склонными к самоубийству, чем я или Джанель, не стали нападать на дракона, а вместо этого направились к основной группе моргаджей, пытаясь помочь раненым.

– Я ранил его, – выдохнул я, присоединяясь к ним. – Думаю, что исцеление действует на него наоборот.

Аккомпанементом моим словам послужили рев и стаккато влажных хлопающих звуков. Я оглянулся как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как дракон вырывается из лоз.

Одна из лиан хлестко, подобно копыю, ударила находившегося рядом моргаджа. Остальные тут же бросились на помощь.

Вся битва могла бы пойти по-другому, если бы мы могли использовать магию – если бы моргаджи могли использовать магию. Однако, кроме выращивания растений главной волшебницей моргаджей, моих попыток «исцеления» и, возможно, силы Джанель, другие попытки колдовать не срабатывали. Еще одна моргаджа попыталась бросить какое-то заклятье в дракона, но упала на землю, задыхаясь, ее желто-зеленая кожа стала уродливо пурпурной.

Похоже, использование магии по-прежнему было проблемой. За исключением тех случаев, когда это проблемой не было⁴⁸.

Дно каньона с его необычно прямыми углами вновь привлекло мое внимание.

Оно казалось мне знакомым. Но почему? Я никогда раньше не был в Пустоши, за исключением того короткого путешествия, которое я совершил в Харас-Гулгот, когда мне было шестнадцать.

Я не мог избавиться от ощущения, что знаю это место.

– Погодите-ка, – выдохнул я.

Никто не обратил на это внимания.

– Давайте просто будем благодарны, что этот проклятый дракон не дышит огнем, не выдыхает газ или не делает что-то в этом роде, – буркнул Тераэт.

Турвишар бросил на него страдальческий взгляд.

– Он ведь этого не делает? – уточнил Тераэт. Турвишар ткнул пальцем под ноги дракону: мертвые воины-моргаджи начали вставать.

– О, – сказал Тераэт. – Я должен был догадаться.

– В конце каньона есть туннель. – Я знал, что это правда. Не знаю откуда.

Никто меня не услышал.

– Всем приготовиться! – Тераэт сжал по кинжалу в каждой руке, наблюдая, как дракон рвет остатки ежевики и колючек. Выглядел он очень мрачно.

Я вздохнул. И закричал:

– *Мы должны отступить!* В конец каньона. *Прямо сейчас. Вперед!* – Я даже начал сам отступать на случай, если кто-то неправильно меня понял.

Джанель повернулась ко мне.

– Это нам поможет?

– Очень. – Я остановился, чтобы поднять раненую моргаджу. К счастью, она была без сознания, так что не должна была воткнуть мне нож под ребра. По крайней мере, я на это надеялся. – Но сначала мы должны туда добраться.

Джанель кивнула, затем повернулась к моргаджам и что-то низко и гортанно выкрикнула. Она говорила по-моргаджски.

Когда Джанель научилась говорить по-моргаджски?

⁴⁸ События часто кажутся случайными, когда нам не хватает контекста для правильной интерпретации. В этом случае мы не принимали во внимание, что наше собственное тень может защитить нас от эффектов хаоса. Короче говоря, личная магия все еще работала. А что-нибудь на расстоянии выстрела вызывало катастрофические последствия.

Впрочем, я и так знал ответ. Она выучила моргаджский так же, как я знал, что в конце каньона мы найдем туннель. Джанель Теранон не знала моргаджского, но в прошлой жизни, когда она была Эланою Кандор, она, должно быть, усвоила его основы.

Главная моргаджка что-то приказала своим людям. Должно быть, то, что выкрикнула Джанель, показалось ей прекрасной идеей, потому что все почти сразу же начали действовать.

Моргаджи произвели на меня неизгладимое впечатление. То, что я поначалу принял за хаос и дезорганизацию, оказалось совсем иным. Их навыкам построения могла бы позавидовать Имперская армия. Мужчины прикрыли женщин. Женщины подхватили детей, рюкзаки, припасы, и моргаджи все как один отступили вниз по каньону. Ко мне подошел моргадж, решивший, как я понял, забрать у меня раненую. Я не стал с ним спорить. Слишком много ядовитых шипов было у него на руках.

Глава моргаджей, которая *тоже* казалась мне странно знакомой, подняла руку повыше. Из огромного зеленого камня, который она сжимала в руке, вырвалась зеленая вспышка, которую мы видели раньше, и из стен каньона прорвалась растительность, образовав вторую колючую изгородь, отделившую нас от дракона.

Отступив на шаг, Турвишар спросил:

– Ты сказал, исцеление дракона повредило ему? И не вызвало никакой негативной реакции?

– Со мной все в порядке, и шторма хаоса тоже не было, – сказал я. – Но я не уверен, что это вредно для самого дракона. Я думаю, что все искажает сама Пустошь. Ты пытался телепортировать нас прочь, а вместо этого она телепортировала к нам кучу всего остального. Я пытался исцелять, так что, должно быть, вместо этого я его разрушал.

– Интересная гипотеза. Жаль, что у нас нет времени на исследование. В любом случае я не уверен, что в этом месте разумно использовать исцеляющую магию.

– В любом случае это ведь не убьет его? Ну или не навсегда. У нас нет его Краеугольного Камня. У нас ведь его нет, точно? Пожалуйста, скажи мне, что это не тот зеленый камень, который держит эта женщина. – Я не думал, что Релос Вар лгал, когда говорил, что единственный способ убить дракона – это уничтожить одновременно и его, и соответствующий ему Краеугольный Камень. Мой брат бережет ложь для тех случаев, когда это действительно имеет значение.

Конечно, поскольку Релос Вар украл у меня Уртанриэль, разрушить Краеугольный Камень я не мог, но давайте решать проблемы по мере поступления.

– Нет, – сказал Турвишар. – Это не он. Краеугольный Камень Роламара – Кандальный Камень⁴⁹.

– О, как это мило! Мы с Роламаром знаем одни и те же артефакты.

Дракон взревел, сообразив, что мы не просто куда-то перебегаем, а на самом деле задумали побег.

Когда мы приблизились к тому месту, которое я помнил, я направился вперед. Я пытался не думать, что будет, если окажется, что моя память врет или, что более вероятно, проход окажется запечатанным за тысячу лет износа и стихийных бедствий.

Я начал осматривать стены. Отполированные каменные стены были совершенно незнакомы, но их стыки – то, как скалы пронзали небо, этот поворот там, склон здесь...

Он должен был быть здесь. Должен был.

И вдруг я его увидел. Гладкий серый камень, частично скрытый за обломками.

– Турвишар! – позвал я. – Турвишар, ты мне нужен!

⁴⁹ Нам нужно выяснить, что с ним случилось. Стал ли он чем-то другим на Арене? Или где-нибудь еще? У кого он сейчас? И что произойдет, когда кто-то, кому не сказали, что отныне невозможно создать гаэши, все равно пытается это сделать и это работает?

Несколько следовавших за мной по пятам моргаджей закричали. Мне не нужно было говорить на их языке, чтобы заподозрить, что они требуют, чтобы я материализовал то чудо, которое им пообещала Джанель. Я изо всех сил старался не обращать на них внимания, а учитывая, что средний моргадж на два фута был выше меня и в два раза шире, это было совсем не просто. А если серьезно, давайте не будем забывать об отравленных шипах у них на руках.

Турвишар подбежал ко мне.

– В чем дело?

Я указал на утес.

– Мне нужно, чтобы ты убрал этот камень.

Турвишар посмотрел на меня так, словно я был глупейшим из когда-либо рождавшихся людей:

– Я не могу использовать магию, помнишь?

– Можешь. Положи руку на камень, прижми ее посильнее. И попробуй.

На лице у Турвишара появилось скептическое выражение, но он положил ладонь на камень и закрыл глаза. Учитывая, что вокруг кричали моргаджи, ревел дракон и существовала реальная вероятность того, что жить нам осталось всего несколько секунд, сосредоточиться ему, вероятно, было сложно⁵⁰.

Скала взорвалась мелким пеплом и обломками.

Моргаджи поблизости вскрикнули от удивления, закрыли лица руками и закашлялись.

А мы с Турвишаром, благодаря воздушным знакам, не пострадали.

– Что за пакость вы творите?! – выдохнул Тераэт и, шагнув вперед, замолчал.

За отвалившимся камнем обнаружилась вделанная в гладкий серый камень панель. Я хлопнул ладонью по квадрату, и он с мягким щелчком опустился.

Из-за стены донесся скрежещущий звук. Серый камень соскользнул в землю, открыв отверстие, достаточно большое, чтобы в него мог пройти моргадж, но достаточно маленькое, чтобы не мог пролезть дракон. За ним виднелась лестница, ведущая в темноту.

– Всего лишь чудо, как и просили. – я сбежал по ступенькам.

⁵⁰ Он преувеличивает. Я был уверен, что мы прожили по меньшей мере минуту.

7. Посещение бара

Турвишар усмехнулся и покачал головой.

– Ты понимаешь, как нам повезло, да? Потому что ты ошибался насчет того, как там работает магия.

– Ну что ж. Никто ведь не пострадал? – Кирин прочистил горло. – Да, да, я знаю. Слава Тадже... – Кирин осекся.

Повисло неловкое молчание.

Турвишар взял бумаги и начал читать.

(Рассказ Сенеры)

В Кишна-Фарриге стояла зима.

Три женщины – Сенера, Талея и Ксиван – появились на крыше, на которой их было не разглядеть с улицы. Релос Вар когда-то, много лет назад, показал Сенере это место на случай, если ей когда-нибудь понадобится прибыть туда самой. Она уже несколько раз бывала здесь, но местные обычаи показались ей слишком странными, чтобы чувствовать себя комфортно.

Сенера взяла с собой своего любимого дола, Бунтарку, поскольку волшебнице казалось, что миссия затянется надолго. А еще потому, что, хотя Сенера могла нанять кого-нибудь приглядывать за собакой, Бунтарку можно было считать одомашненной только по самым щедрым стандартам. Взмолвленная тем, что оказалась снаружи, питомица дернула поводок, занервничав из-за шума и гомона, раздававшегося с мощенной булыжником улицы. Вдали – ряды ярко раскрашенных зданий. Это был самый большой город на континенте, знаменитый торговый порт и перевалочный пункт, куда стекались богатые и бедные, боги и смертные, свободные люди и рабы. Все они стали либо его бенефициарами, либо его жертвами.

Город пах чуть сладко и чисто. Надо льдом и снегом разносился гостеприимный запах древесного дыма и выпечки. Это была ложь. Большую часть года в Кишна-Фарриге пахло дохой рыбой, немытыми телами и неприкрытой жадностью – в отличие от родного города волшебницы, столицы Куура, где всегда пахло специями, обожженной солнцем плиткой и отчаянием.

Портовый город был шокирующе покрыт снегом, который в то же время не сильно замедлил активность в доках. Торговые суда курсировали взад и вперед, доставляя товары, забирая новый груз и вновь отплывая прочь. Снег, однако, упростил работу Сенеры. По дороге от портала к месту назначения троиче не нужно было переодеваться.

Перед прибытием Сенера заставила Ксиван и Талею на время раздеться. И теперь под подбитыми мехом туниками и толстыми зимними плащами они носили несколько новых иероглифов, нанесенных на кожу, – иероглиф понимания языков и, в случае с Ксиван, иероглиф, скрывающий ее уникальный статус умершего, но все еще полностью одушевленного существа.

Но, разумеется, ни один глиф не стоил бы чернил, которые Сенера использовала, чтобы нарисовать их, если бы Ксиван или Талея решили обнажить Этот Проклятый Меч (так Сенера называла Уртанриэль). От этой штуки у нее по коже бежали мурашки. Она, честно говоря, не знала, как кто-то может выдержать его присутствие.

– Почему мы не можем сразу отправиться в Долину Последнего Света? – спросила Ксиван.

– Потому что я никогда не была там раньше, – ответила Сенера.

– Да, полагаю, в этом есть смысл. – Ксиван окинула взглядом открывающийся перед ней пейзаж. – Признаюсь, я думала, что Кишна-Фаррига будет более... не знаю...

– Белой, – подсказала Талея.

– Белой? – Сенера поднял бровь. – Снег повсюду.

– Нет, я не это имела в виду... – Талея прикусила губу.

Сенера вздохнула. А, в этом смысле «белой».

– Нет, это будет южнее. Кишна-Фаррига слишком много контактировала и смешивалась с Кууром, Джериасом, даже с Манолом⁵¹. Даже когда мы окажемся дальше в Свободных государствах, там можно будет увидеть смесь всех оттенков кожи. Уж поверьте мне, никто не будет столь «белым», как йорцы.

– Давайте найдем убежище, – предложила Ксиван.

Сенера знала, что герцогине не может быть холодно. Скорее она проявляла уважение к двум своим смертным спутникам. Или просто поняла, что стоять в снегу и вести себя так, будто холод – это проблема, которая тебя не касается, не считается таким уж нормальным.

Сенера указала вперед:

– Там есть таверна.

Честно говоря, Сенере хотелось как можно скорее войти внутрь. Не из-за холода – ей хотелось попасть внутрь до того, как она заметит невольничий корабль, или какого-нибудь богатого торговца, наслаждающегося своей новой покупкой, или следующую партию рабов, которую везут в аукционный дом.

До того как Сенера поддастся вечному жгучему желанию выровнять значительные участки такого города, как Кишна-Фаррига. Искушение это делалось еще более проблематичным, поскольку она была достаточно сильна, чтобы исполнить это.

Она ненавидела этот город почти так же сильно, как Куур.

Зайдя в таверну, троица замолчала, давая себе время привыкнуть к плохому освещению. Сенера поджала губы и снова задумалась о возможности того, что Таджа просто ее не любит. Болтовня в таверне стихла; и все темнокожие матросы-куурцы, которыми была забита комната, повернулись, чтобы посмотреть на них.

Хотя Кишна-Фаррига была более эгалитарной, чем ее аналоги в Кууре, она часто давала приют путешественникам. И в настоящий момент они зашли в бар, который обслуживал посетителей из Куура и их вкусы. Женщины в комнате могли находиться лишь в «профессиональном качестве» – продавая либо напитки, либо себя.

Стоящая рядом Талея напряглась.

Ксиван направилась к бару.

В комнате поднялся шум, но разговоры сменились: прибыло новое развлечение.

– Эй, красавицы, почему бы вам не подойти сюда?

– Ну что, дамы, пришли согреть старика?

– Сколько – за всех?

Ксиван окинула взглядом бармена, осторожно смотрящего на нее из-за прилавка:

– Вы принимаете куурский металл?

Бармен поразмыслил над вопросом и кивнул:

– Принимаю. Но собакам сюда вход запрещен.

Ксиван пододвинула по стойке три трона.

– Три сливовых вина. Сдачу оставь себе, а о собаке забудь.

Три трона – это было намного больше, чем стоило сливовое вино, даже если учесть расходы на импорт и текущий обменный курс.

– Сейчас принесут. – он сделал паузу. – не считите за неуважение, леди, но вы уверены, что находитесь в нужном месте?

⁵¹ Что означает, что «среднестатистический» житель Кишна-Фарриги, как можно ожидать, представляет собой помесь всех четырех рас, поскольку, если учитывать их близость к родине дреггов, их близостью к Манолу и высокий процент джериасцев, которые утверждают, что происходят от ворамеров, в эту помесь было добавлено всего понемногу.

Талея фыркнула и села. Задом наперед, так что оказалась лицом к таверне. Она положила одну руку на эфес меча, а другую на рукоять кинжала. Любой, у кого была хоть капля здравого смысла, понял бы, что все в Отвергнутой воительнице кричит: «Только прикоснись ко мне, я убью тебя, а затем использую твою плоть как приманку, чтоб поймать себе обед», но эти люди не казались разумными. Куурские матросы видели лишь трех женщин, которые пришли одни, пусть даже две из них были в кольчугах и не пытались скрыть, что они вооружены.

Сенера не села. Они не пробудут здесь долго.

Ксиван улыбнулась в ответ на вопрос бармена.

– Снег закончился, так что да. А теперь, может быть, вы можете мне найти ответ на один вопрос?

Пьяный матрос – крупный, широкоплечий парень, легко выигрывавший любую затеянную им драку в баре, – шагнул к ним.

Талея встала и преградила ему путь.

– Эй, розовый лепесточек, ты просто очаровашка. Садись за мой столик. Мне как раз надо согреть колени, – усмехнулся он, окинув Талею взглядом.

– Нет, спасибо, – ответила Талея.

Сенера закатила глаза. Она со всеми такая милая?

– Иди сядь, – приказала Сенера мужчине.

– Я не с тобой разговаривал, сука!

Сенера выдохнула. Она бывала в ситуациях, когда дипломатия и ее цели требовали, чтобы она вела себя хорошо, притворялась кроткой, вела себя как хорошая маленькая рабыня. И в этом она преуспела.

Сегодня она играла не по этим правилам.

– Ты хоть представляешь, сколько костей в человеческой руке? – спросила Сенера мужчину.

Он уставился на нее:

– Что?

– Э... Извините. Можно здесь никого не убивать? – уточнил бармен. – Я только что прибрался.

Слегка удивленная Сенера оглянулась на мужчину. Он действительно осознал реальную угрозу.

– Я не собиралась убивать ни души, – заверила она его. – И раз уж ты так любезно попросил, я даже не пролью крови.

Тем временем моряк сосредоточил свое внимание на Сенере, а не на Талее.

– Проклятая баба! У тебя шикарные маракасы! Эй, Гракир, иди сюда. Возможно, мы получим две за одну цену.

– Была не права, – сказал Сенера. – Точнее, слишком сложно сказала. Хотя должна была сказать просто: «Сядь обратно, пока я не переломала тебе все кости, иначе ты сможешь драть лишь с помощью своего друга Гракира».

Моряк заморгал на нее в тупом коровьем замешательстве.

– Что? Такая крошка? Я тебе покажу...

Матрос шагнул к ней; Бунтарка с рычанием бросилась вперед. И тогда моряк совершил самую страшную ошибку в своей жизни. Он попытался пнуть собаку.

Еще до того, как он закончил это движение, он вдруг закричал. Воздух наполнился звуком, словно кто-то разом сломал связку маленьких веток. Это был странный хлопающий, щелкающий звук. А сам мужчина, всхлипывая, прижал к груди странно изогнутые руки.

В воздухе повис сердитый ропот, люди в таверне начали вставать, и Талея потянулась за мечом.

Ксиван не обнажила меч. Похоже, ее это не заинтересовало. Она взяла со стойки кружку сливового вина и неспешно отхлебнула, наблюдая за толпой.

Сенера сверкнула глазами, уперев руки в бока.

– Неужели вы думаете, что я не могу сделать то же самое с вами всеми? Сядьте и пейте свое проклятое пойло. Нам не нужны неприятности, так что не создавайте их.

В таверне воцарилась тишина.

Если бы они не были возгордившимися пьяными дураками, то, возможно, прислушались бы к ней. Но они были пьяны. Они были куурцами. И они, безусловно, были дураками. Они просто не могли смириться с мыслью, что какая-то долтарка будет указывать им, что делать. Что, по мнению Сенеры, было весьма глупо в стране, где в любую дверь может войти королева-богиня.

Повторим снова: дураки.

И пусть вперед шагнули не все, но трое мужчин, казалось, воспылали желанием отомстить за своего павшего товарища.

Сенера разбила им коленные чашечки. Это было проще, чем ломать пальцы на руках у всех троих.

Они упали на землю и от этого закричали лишь сильнее. Люди, стоявшие позади, замерли, когда до них наконец начало доходить, что они дорого заплатят за победу. Если предположить, что они вообще могли победить.

А они не могли.

– Пошли. Вон. И сели.

По полу загрохотали стулья – клиенты вспомнили, что они оставили свои игры и выпивку без присмотра или что у них есть дела поважнее.

– Мне никогда не нравился Мабрик, – пробормотал кто-то.

Все вернулись к своим напиткам и разговорам. Кто-то, возможно тот самый Гракир, сгреб Мабрика и отнес его обратно к другому столу, в то время как остальные помогли убрать трех нападавших.

Ксиван повернулась к бармену.

– Так как же попасть отсюда в Долину Последнего Света?

– Долина Последнего Света? – Мужчина был явно озадачен. – Почему ты хочешь... – Он замолчал, окинул взглядом Сенеру, Талею и, вероятно, сделал поспешные выводы. – Я хочу сказать, что вам нужно пойти на восток, к горам. Она расположена у их подножия. Не пропустите. – Он скорчил гримасу. – Хотя я не могу себе представить, зачем кому-то может понадобиться туда ехать. Это не очень хорошее место.

– Все в порядке, – сказала Сенера. – Мы не очень хорошие люди.

– Спасибо. – Ксиван кивнула Сенере и Талею, и все трое вышли наружу.

Бунтарка завияла хвостом и потерлась о ногу Сенеры.

– Это будет происходить везде, куда бы мы ни пошли? – спросила Талея Сенеру.

– О нет, – ответила Сенера. – Большинство барменов не настолько полезны.

8. Подземные дороги

(Рассказ Кирина)

Как только я ступил на четвертую ступеньку, в огромной зале, расположенной за ней, зажегся свет. Открывшаяся комната была столь же большой, как банкетный зал Синего дворца, который ранее получил от меня наивысшие оценки как самое большое внутреннее помещение, которое я когда-либо видел в своей жизни⁵². Комнату через равные промежутки заполняли колонны, расставленные по полу, украшенному повторяющимися черными и белыми плитками. Некоторые столбы были покрыты трещинами и повреждениями, но комнате, казалось, не грозило обрушение. Из виднеющихся вдали разветвляющихся коридоров – гигантских круглых провалов, ведущих во тьму, – вливались в помещение грязь и ил, повредившие лишь покрытие кафельного пола. По всей комнате были расставлены скамейки, но больше ничего, что можно было бы назвать мебелью.

В прежние времена помещение было бы заполнено. Тут были бы магические сооружения, зачарованные повозки, люди. Теперь остались лишь пыль и тени.

– Пошли. – Я перепрыгнул через две ступеньки и побежал к панели внизу. К рычагам управления, которыми можно снова закрыть дверь. Роламар, возможно, и не доберется до нас внутри комнаты, но бродячие мертвецы, которых оживил дракон, наверняка пролезут. Я понятия не имел, сможет ли дракон пробиться внутрь, но я надеялся, что мы спрячемся прежде, чем он заметит, куда мы ушли.

Моргаджи вбежали внутрь, согнав в центр толпы женщин и детей для их защиты. Несмотря на эту гендерную расстановку, моргаджа с зеленым камнем и Джанель вошли в комнату последними.

– Закрывай! – выкрикнула Джанель.

Я ударил по панели.

Ничего не произошло.

Наступила ошеломленная тишина.

Я ударил снова.

По комнате эхом разнесся скрежет шестеренок, и двери начали закрываться.

– О чем ты только думала? – Тераэт немедленно повернулся к Джанель. – Нельзя каждый раз бросаться на шум драки!..

Джанель вцепилась Тераэту в ворот халата и дернула ванэ вниз, заставляя его согнуться перед ней.

Я огляделся, обеспокоенный таким количеством зрителей. Когда непосредственная опасность нападения «дракона-нежити» миновала, или, говоря буквально, скрылась из виду, моргаджи обратили внимание на нас.

Эти взгляды были совсем не дружелюбными. Моргаджи традиционно награждали незваных гостей смертью. Не знаю, кого они больше ненавидели: куурцев или ванэ⁵³.

– Заткнись. Немедленно, – прорычала Джанель Тераэту сквозь стиснутые зубы. – Позже мы поговорим о том, что я сделала и почему, но сейчас я должна быть главной, а ты должен вести себя так, как будто я здесь главная. Понял? – Чуть склонив голову, она повысила голос так, что он эхом разнесся по залу. – Не торопись становиться старухой. Я могу придумать твоему рту лучшее применение.

⁵² Я подозреваю, что главный аукционный зал Восьмиугольника больше, но, честно говоря, я бы тоже вычеркнул его из своей памяти, если бы мог.

⁵³ Сравнивать бесполезно. Конечно, ванэ.

Ошеломленный, Тераэт уставился на нее, а затем начал сердито ей отвечать. Начал, но потом тоже заметил, что моргаджи бросают на нас мерзкие взгляды. Его взгляд заметался из стороны в сторону, а затем он опустился на колени перед Джанель.

– Пожалуйста, прости меня. – И склонил голову.

Я чувствовал повисшую в воздухе паузу, колебание...

...а потом моргаджи перестали обращать на нас внимание, принявшись лечить своих раненых, оценивать потери.

– Что только что произошло? – спросил я Турвишара.

Волшебник, казалось, понимал не больше меня.

– Я не... не уверен. Тебе не кажется, что эта группа матриархальна?

– Да, – сказал я, – но я почти уверен, что группа, с которой я встречался в прошлый раз, была такой же. – Я посмотрел на несшую зеленый камень главу моргаджей – чернокожую с полоской серебряной чешуи на лице. – Подожди... знаешь, я думаю, что это одна и та же группа. Это та самая моргаджа, которую я встретил в Харас-Гулготе в прошлый раз.

– Невероятно, – выдохнул Турвишар.

Чувствую, если бы у нашего друга де Лора были при себе перо и бумага, он бы был по уши погружен в конспектирование⁵⁴.

Несколько неуклюжих моргаджей направились к нам, вернее, к Джанель.

– Сухая Мать примет тебя, – сказал один на удивительно хорошем гуаремском. – Только тебя.

Джанель рассмеялась:

– Думаешь, я вчера была мальчишкой? Мои мужья пойдут со мной.

– Муж... – начал было я.

Тераэт шагнул мимо меня.

– Просто смирись с этим. – Для того, кто плохо начал, он весьма неплохо адаптировался. Тераэт встал перед Джанель, открыто крутя в руке кинжал. Запугивание с помощью проникновения в чужое личное пространство всегда ему хорошо удавалось. И разница в размерах не имела большого значения.

Моргадж хмыкнул и пожал плечами, высунув шипы вдоль предплечья:

– Только один муж.

Джанель закатила глаза.

– А я говорю – все. Если другая женщина хочет со мной спорить, пусть придет сама и объяснит почему.

Подшло еще несколько моргаджей с обнаженным оружием: копьями, дротиками и шипами на руках. Отравленными шипами, напомнил я себе. Несколько воинов зарычали, подергивая носовыми щупальцами.

Джанель расправила плечи, словно готовясь к бою.

– Тебе так этого хочется? – Этот вопрос она задала риторически; очевидно, она и так уже знала ответ. Джанель усмехнулась, выражение ее лица было почти шокирующе диким.

Она была воспитана в культуре, которая наслаждалась борьбой. Ей не обязательно было притворяться, что ей это нравится. Я подозревал, что то же самое можно сказать и о моргаджах: нас окружало все больше гигантов. Ни один из них не был ниже семи футов ростом.

– Отлично, – пробормотал я. По крайней мере, у меня был меч.

Женский голос что-то произнес на моргаджском. Мужчины отреагировали мгновенно – вздохнули и начали убирать оружие.

– Ладно, – неохотно согласился один. – *Все твои мужья.*

⁵⁴ Как будто их отсутствие меня остановит. Чтобы волшебника моего уровня волновала такая мелочь, как бумага? Как глупо.

– Ты еще можешь умереть старухой, – улыбнулась Джанель. Моргадж ухмыльнулся в ответ и склонил голову, что можно было легко истолковать как поклон.

Мы последовали за Джанель. Я по-прежнему не убирал меча, но моргаджи, кажется, не сочли это необычным или, что более важно, грубым.

Мужчины проводили нас к женщине с зеленым камнем – он теперь уютно примостился у нее на груди. Вблизи драгоценный камень сверкал желто-зеленым, цветом новых листьев или свежей травы. Хризоберилл или перидот.

И это *наверняка был* Краеугольный Камень. В прошлый раз, когда я с ней столкнулся, у нее его с собой не было, иначе она бы использовала его против Релоса Вара⁵⁵. Сейчас у нее была та же черная кожа, та же характерная серебристая чешуя на лице, те же шипы и колючки в том месте, где у человека были бы волосы. На этот раз на ней были доспехи – маленькие наплывающие друг на друга бронзовые пластины, похожие на рыбью или драконью чешую.

Она усмехнулась, когда мы подошли. Интересно, подумал я, считают ли моргаджи это выражение лица дружелюбным.

– Прошло много времени с тех пор, как мы встречали лидера людей, который знает наши обычаи, – сказала она в знак приветствия. – Я Бевроса, в прошлом хранительница мертвого города, а теперь хранительница Весеннего камня, Дикое Сердце.

– Камень Баэлоша, – прошептал мне Турвишар.

Имя показалось мне знакомым, и я вспомнил почему. Император Симиллион украл ожерелье со Слезами звезд из сокровищницы Баэлоша. Я приложил руку к шее. За всеми этими волнениями я не заметил, что ожерелье пропало. Наши похитители, очевидно, решили, что просто не могут позволить этим бесценным драгоценностям пропасть. Отлично. Я указал в своем списке нужных дел возврат украшения.

– Я Джанель Теранон, – ответила Джанель. – Мы не хотели вторгаться в ваши земли, но ванэ бросили нас здесь, чтобы никто не совершил Ритуал Ночи.

Все разговоры в зале стихли.

– Ха, – прошептал я Турвишару. – Похоже, они *все* понимают гуаремский.

Улыбка Бевросы погасла.

– Вы – дети Восьми? – Ее взгляд скользнул по нам и остановился на мне.

Я помахал ей рукой.

– Я тебя знаю, – сказала мне предводительница моргаджей. – Ты вторгся в мертвый город.

– Да, не по своей воле, – ответил я. – Спасибо, что помогла с Релосом Варом. И, знаешь, не убила меня. – Ее люди, конечно, *пытались* убить меня. Один даже зашел так далеко, что проткнул мне ногу копьем. Однако после всего произошедшего я понял, что эта конкретная группа моргаджей, похоже, считала своим священным долгом не пускать чужаков слишком близко к Вол-Кароту. Никому не пришлось в голову сказать им, что я был в списке допуска.

Хотя теперь, когда я думаю об этом, я почти уверен, что я *ни за что* не должен быть в списке допуска.

Выражение лица Бевросы стало настороженным.

– Ты... Тебя не должно быть здесь. Это небезопасно.

Джанель откашлялась.

– Мы не собираемся здесь оставаться. Мы должны вернуться к ванэ и все исправить, но у нас нет припасов, и поэтому нам нужна ваша помощь. Мы понимаем, что у вас мало свободного времени, но я надеюсь, что вы понимаете, что нам нужно.

Бевроса повернулась в сторону и что-то прорычала на своем языке.

Люди разбежались, по-видимому, чтобы собрать то, что у них осталось.

Бевроса повернулась к Джанель:

⁵⁵ Мне действительно интересно, откуда она его взяла.

– Сейчас неподходящее время, чтобы находиться в Пустоши. – Она усмехнулась. – Конечно, время никогда не бывает подходящим, но все же... Дитя Войны проснулось. – Она указала в мою сторону. – Этот должен уйти. Сейчас же.

Я проглотил рвущийся с губ протест. Немедленный отъезд прекрасно вписывался во все наши планы. Когда бой закончился, я снова услышал гудение, но теперь оно звучало все тише и тише. По крайней мере, теперь я не шел ни в какую сторону, не осознавая этого. Это был отличный знак.

Тераэт начал что-то говорить. Я толкнул его в бок и покачал головой.

– Поэтому вы и двинулись на юг? – спросила Джанель. – Ты пытаешься оставить Пустошь?

Моргаджа кивнула.

– Время сторожить закончилось. Никто из тех, кто остался рядом со святым городом, больше не дышит. Мы взяли наших сыновей и мужей и отправимся в путь так далеко, как только сможем, но, если вы не сможете убедить этих слабых ванэ выполнить свою работу, скоро весь мир не будет достаточно велик, чтобы спрятать нас. – Она сплюнула в сторону в знак окончания своих слов.

– Мы знаем, – сказала Джанель. – Но мы собираемся все исправить...

Комната изменилась. Все существование замедлилось, само время растянулось наружу, подобно выдернутой шерстяной нити. Звук приглушился, как будто я нырнул под воду. И лишь гудящий звук, который я слышал с тех пор, как проснулся, стусился, обострился, стал узнаваемым.

Это была речь. Это всегда была речь.

Вернись. Присоединись ко мне.

Вол-Карот явился в зале.

9. Руки убийцы

Кирин остановился:

– Как ты думаешь, здесь есть чайник? Я бы с удовольствием выпил немного чая.

Турвишар уставился на него.

– Это дурная привычка, которую я перенял у Джанель. Как бы то ни было, можно подумать, что ты не знаешь, что там случилось. Ты там тоже был.

Турвишар закатил глаза и указал в конец захламленной комнаты.

– Мне кажется, я видел чайник на другом верстаке, – честно говоря, понятия не имею, как в этом беспорядке вообще можно что-то делать. Обычно кажется, что волшебник такого калибра должен быть по крайней мере организован. Наверное, он просто знал, где что лежит. – Турвишар хотел было продолжить, но потом отложил бумаги в сторону. – Мы должны пока что пропустить часть истории Сенеры, Талеи и Ксиван.

Кирин нахмурился.

– Ты не собираешься ее закончить?

– О, я вернусь к этому позже, в промежутке между этим и нашим появлением. – Турвишар скривился, глядя на свои записи, как будто сама бумага была чем-то виновата. – Они прошли еще по меньшей мере через десять городов-государств. Всегда одна и та же история – прибытие в город на шаг позади Сулесс. Я думаю, что эта история, вероятно, устареет от повторения.

– О, конечно. К тому же не так уж часто надо услышать: «Пожалуйста, страшная леди, перестань делать мне больно», прежде чем до тебя дойдет смысл. – Кирин рассмеялся, радуясь возмущению Турвишара.

Турвишар мстительно схватил другую папку.

– Хорошо. Тогда давай попробуем вот это. Думаю, тебе будет интересно.

– Почему мне кажется, что это угроза?

Турвишар улыбнулся.

(История Хаэриэль)

Двумя месяцами ранее...

Жужжание пчел и щебет птиц смолкли, когда в мире открылась дыра. Мерцающая радужная оболочка хаотических энергий вспыхнула вращающейся гармонией, извергла два силуэта, а затем захлопнулась, прежде чем исчезнуть, как будто ее никогда и не было.

Птицы возобновили свое пение. Пчелы летели к новым цветам.

Силуэты распались на две фигуры: стоящая женщина и распростертый мужчина, парящий в воздухе. Женщина была высокой и красивой, ванэ до кончиков пальцев, с длинными голубыми волосами и с кожей, словно присыпанной серебряной пылью. Мужчина был темнее, его рост угадать было трудно, но он в некотором роде соответствовал своей спутнице: был одет в голубое, того же оттенка, что и его глаза и ее волосы. Женщина подняла руку, указывая на лианы и старые камни, прислоненные к стволу огромного небесного дерева Манола.

Они находились на окраине джунглей, там, где теплые золотисто-зеленые лучи солнца все еще падали на землю. Дальше не было бы никакого света, небо закрывал полог растений, но здесь мир существовал в счастливом пении птиц и обезьяньих криках, в запахе суглинистой земли, сладких орхидей и разложения. Дальше была расположена защита от открытия врат, подобных тем, которые только что создала Хаэриэль, но этот маленький карман выходил за пределы барьерных роз.

– Здесь все еще есть убежище, – сказала Хаэриэль своему спутнику. – Какое счастье для нас.

Терин Де Мон не мог пошевелиться и уж точно не мог ответить. Остекленелый и одурманенный взгляд его ярко-голубых, широко распахнутых глаз был расфокусирован.

Хаэриэль вновь взмахнула рукой, и лианы джунглей раздвинулись, открывая дверь, аккуратно спрятанную за листовым занавесом. Она подошла, положила руку на поверхность и немного подождала.

Слабый щелчок возвестил об успехе; дверь приоткрылась.

Хаэриэль вошла внутрь, Терин заплыл след за нею. Дверь закрылась.

Убежище состояло из нескольких комнат неправильной формы, спрятанных под корнями огромного небесного дерева. Высокий человек или обычный ванэ без труда мог стоять здесь. Хаэриэль указала на расположенную в боковой комнате низкую кровать. Тело Терина проплыло к ней и замерло. Мужчина не шевелился, лишь дышал.

Хаэриэль опустилась в кресло и впервые позволила себе расслабиться, дав себе возможность выглядеть столь же усталой и измученной, какой она себя чувствовала. Она долго смотрела на свои руки – воздух оставался неподвижным, прохладным и тихим. А руки уже двадцать пять лет были не похожи на ее собственные.

Вероятно, потому, что они и не были ее.

Это были руки убийцы.

Что ж. Она продолжила эту традицию, не так ли?⁵⁶

Дрожь пробежала по ее телу, когда она вспомнила членов Королевского дома Куура, погибших от ее рук. Она прогнала эти мысли из головы, как грызущих ее демонов вины, но этих демонов было не так уж легко изгнать. Враги, напомнила она себе. Де Моны были ее врагами. Работоторговцами и сторонниками злой и коррумпированной империи. Ни один из них не заслуживал пощады.

Хаэриэль могла только надеяться, что однажды она поверит в это.

Она была там, когда *родился* Гален Де Мон. Когда родилось так много де Монов. И жизни обрывались, сначала из-за Гадрита, потом ее собственной рукой. Кто бы мог подумать, что именно она закончит работу, начатую некромантом? Но когда гаэш исчез – когда она наконец освободилась от цепей, сковывающих ее душу, – она отомстила.

Она вспомнила труп Кирина, брошенный на жертвенный алтарь, и собрала волю в кулак.

Терин по-прежнему не шевелился, вернее, не мог пошевелиться. Даже самая примитивная мысль была выше его сил – и это была необходимая предосторожность против использования им заклинаний.

Хаэриэль села на кровать рядом с ним и махнула рукой у его лица.

Голубые глаза сфокусировались на ней, стали ядовитыми, уставились на нее. Терин попытался что-то сказать, что-то сделать.

Хаэриэль снова взмахнула рукой и вернула его в состояние паралича.

Она вернулась в главную комнату и занялась поисками, пока наконец не нашла маленькую коробочку на полке. Открыв коробочку, она достала из прелестного гнездышка, свитого из веточек и ниток, яйцо малиновки⁵⁷.

И раздавила его в руке.

Когда ничего не изменилось, она медленно выдохнула. И подождала еще.

Ничего.

⁵⁶ Думаю, теперь я определенно могу сказать, что Хаэриэль, или Мия, действительно была ответственна за резню в Доме де Монов во время Столичного Адского Марша.

⁵⁷ Отец Зайхера дал брату Коуну такое же. Весьма небрежно со стороны Релоса Вара, не так ли?

Прошла целая дюжина минут, и она рассмеялась. Релос Вар был занят. Этого и следовало ожидать.

Хаэриэль вернулась в спальню, где ее ждал Терин.

Терин был проблемой.

После того как Хаэриэль убила семью Терина у него на глазах и связала его магией, она сказала верховному лорду, что он никогда не возненавидит ее так же сильно, как он сам ненавидит себя. Но Хаэриэль была в этом совсем не уверена. Разве она не дала Терину видимую причину винить ее? Кто осудит его за то, что он ее возненавидел? Терин никогда ее не простит и будет иметь на это полное право.

А если он будет винить себя? Ведь нельзя не предполагать, что однажды он решится действовать, чувствуя к себе лишь отвращение. А если эти чувства усилятся настолько, что переход к следующей жизни покажется естественным решением всех его бед? Все это приводило к настоящей проблеме: *Хаэриэль нуждалась в нем.*

Она надеялась, что это не так. Она надеялась, что для исполнения ее планов по возвращению трона ей не потребуется последний истинный наследник королевского рода ванэ из Кирписа. Даже при самых благоприятных обстоятельствах было бы почти невозможно добиться сотрудничества верховного лорда Куура – гордого, высокомерного, своевольного. А уж если учесть, что она двадцать пять лет была его рабыней. Двадцать пять лет была не в состоянии послушаться ни одного приказа. Двадцать пять лет кротко, тихо и всегда послушно служила ему.

Он никогда не выполнит ее приказ. Если только она предпримет *соответствующие шаги.*

Так что Хаэриэль собралась с духом, готовясь совершить уже второе злодеяние за этот вечер.

Она села рядом с Теринем, обхватила его голову руками и принялась плести чары⁵⁸.

⁵⁸ Следует отметить, что чары весьма сложны в исполнении, ненадежны и невероятно опасны. Ей несколько столетий, так что я полагаю, у нее было время попрактиковаться, но все же...

10. Тень Вол-Карота

– *Серьезно?* – Кирин прищурился, глядя на Турвишара. – *Моя мать?*

Турвишар улыбнулся.

– *Тебе разве не интересно, что произошло с твоими родителями?*

Кирин усмехнулся:

– *Ладно. Признаюсь, мне немного любопытно. Но мне не нужно...* – Он вздохнул. – *Как бы то ни было, на чем я остановился? Ах да, все полетело в ад.*

(Рассказ Кирина)

Никто не мог по-настоящему *увидеть* Вол-Карота. Он образовывал вырезанную из реальности дыру в человеческий рост, силуэт абсолютной, совершенной черноты. Его появление принесло последнее, абсолютное доказательство моих худших кошмаров: Вол-Карот был *свободен*.

И когда Вол-Карот явился, все вокруг него умерло.

Все произошло совершенно внезапно. Я даже не мог точно сказать, какое количество погибло. Группа моргаджей сидела рядом с тем местом, где он появился, а потом их просто... не стало. Я не думаю, что у них было время нырнуть в сторону. Четверо моргаджей, стоящих слишком близко, закричали, а потом распались, обратившись в прах. Каменные колонны отслаивались лохмотьями, пол осыпался под ногами Вол-Карота. Сама вселенная съежилась от его присутствия. Он был самой анафемой.

Мне к горлу подкатил комок. Черный осыпающийся пепел походил на то, что стало с Роламаром, когда я прикоснулся к нему. Все выглядело именно так, а значит, раньше я ошибался по поводу того, почему мог причинить вред дракону⁵⁹.

Судить, куда пал взгляд Вол-Карота, было невообразимо. Оценить выражение его лица было невозможно. О нем вообще ничего нельзя было понять.

Но я знал: Вол-Карот смотрит на меня.

Силуэт протянул ко мне руку.

Иди ко мне. Присоединись ко мне...

Время снова ускорилося. Голос снова растянулся в неразборчивый низкий гул.

– Кирин! – Тераэт повалил меня на землю.

Видишь ли, я снова шагнул ему навстречу.

Воздух распороли крики. Какими бы храбрыми ни были моргаджи, это было совсем другое дело. Кто мог сразиться с Вол-Каротом? Его нельзя было победить или убить. Его нельзя было умертвить. Вол-Кароту даже не нужно было пытаться убивать кого бы то ни было. Все, что ему нужно было делать, – это просто *существовать*.

Бевроса уставилась на Вол-Карота широко раскрытыми глазами, в которых светилась паника, а затем снова повернулась к нам.

– Вы Адские Воины! – Она произнесла это одновременно и как обвинение, и как откровение.

– Похоже на то, – согласился Турвишар.

– Идите по туннелям, – приказала она. – Я не знаю, куда они ведут, но мы постараемся прикрыть ваш отход. Берите еду и воду и уходите. – Бевроса уставилась на меня. – Он не должен тебя забрать!

Джанель хотела возразить, но потом просто кивнула:

⁵⁹ Очень, очень ошибался.

– Спасибо. – Она подняла тюки, которые моргаджи бросили к нашим ногам, и направилась к туннелю.

– Это не он, – слова сорвались с губ, прежде, чем я сам понял, что говорю.

– Что? – Тераэт помог мне встать, но рук не разжимал. Не могу описать словами, как я счастлив, что он меня не отпустил.

– Вол-Карота здесь нет, – настойчиво повторил я. – Это лишь эхо.

Тераэт нахмурился:

– Если мы останемся, то это эхо убьет здесь всех.

Я покачал головой.

– Если бы он действительно был здесь, было бы уже слишком поздно. – Я схватил Тераэта за мантию. – Мы должны уходить прямо сейчас.

– Я *пытаюсь*, – прорычал Тераэт. Я второй раз видел его таким напуганным, и повторять этот опыт еще раз мне не хотелось.

Тераэт крепко держал меня за талию, другой рукой – за руку, пока мы бежали.

– Нет, подожди! – выкрикнул я. – В другую сторону! Мы должны идти другой дорогой! – Меня пронзила дикая волна паники. В душе горела чистая уверенность, что безопасный путь находится сзади.

– Нет, спасибо – сказал Тераэт. – Так мы пойдем мимо Вол-Карота. Не надо!

Я оглянулся через плечо. Бевроса вытянулась во весь рост, зажав в руке Дикое Сердце и призывая растения, которые рассыпались в пепел, не дотягиваясь до Вол-Карота и десяти футов. Она никак не могла выиграть этот бой или даже выжить в нем, но она все равно сражалась до последнего.

Я не знал, смогу ли я когда-нибудь быть столь смелым. Я мог только восхищаться этим племенем моргаджей и оплакивать их. Я не знал, переживут ли они все это. Впрочем, как и мы.

Но в следующий миг Тераэт увлек меня вслед за собою в туннель, и тысячелетняя каменная кладка скрыла от меня судьбу племени моргаджей.

Не могу сказать, как долго мы бежали. Встроенные в стены туннеля крошечные шары давали ничтожно мало света, достаточно, чтобы разглядеть, что у нас под ногами, но не более того. Мне казалось, что это освещение не включилось в ответ на наше приближение, подобно огням в главном зале, а светило всегда. Всегда, на протяжении тысячелетий, еще до разрушения Каролена и создания Вол-Карота.

Очевидно, ворары действительно знали, как соткать заклинание.

Я больше не слышал монотонных призывов Вол-Карота.

– Он ушел. – Я остановился. – Подожди. Дай мне отдышаться. Теперь здесь безопасно.

– О, хвала богам. – Турвишар согнулся, уперевшись руками в колени и тяжело дыша.

– Ты уверен? – спросил Тераэт, по-прежнему не отпуская меня. Впрочем, мне этого и не хотелось. Это давало ощущение безопасности.

Тем не менее я освободился из его хватки и прислонился спиной к изогнутой стене туннеля.

– Да, уверен.

Я чувствовал, что я болен – не физически, а болен душой, омертвел. Как бы ни оценивать все происходящее, но последняя пара месяцев выдалась крайне плохой. Я все еще не мог прийти в себя от того, как быстро все пошло наперекосяк.

И как много всего пошло не так из-за меня.

– С тобой все в порядке? – спросила Джанель.

Я уставился на нее.

– Мне очень жаль. Это был глупый вопрос.

Я сделал глубокий, медленный вдох:

– Это я прошу прощения. Я не знал, что он мог вот так пристать ко мне. Я просто не думал...

– Вол-Карот никогда не освобождался из своей тюрьмы одновременно с тобой, – сказал Турвишар. – Каждый раз, когда он убегал, твои души все еще были в ловушке. Никто не мог предсказать, как он отреагирует на твое отсутствие. Лично я никогда бы не подумал, что он так отреагирует.

– Он хочет, чтобы я вернулся, – сказал я. – Это гудение, которое я слышу: Вол-Карот зовет меня. Он просто говорит слишком медленно, чтобы я мог понять, что он говорит.

Турвишар поднял бровь:

– Медленно? О, вот это уже интересно.

Джанель присела на корточки и, отделяя припасы от вещей, принялась рыться в тюках, которые она прихватила:

– Неужели?

– Я видел подобные звуковые искажения, когда, находясь внутри Маяка в Шадраг-Горе, пытался магически с кем-нибудь связаться, – объяснил Турвишар. – Не забывайте, время там течет очень быстро. Это, кстати, причина, почему императрица Тьенцо не смогла с тобой связаться, – он указал на Тераэта, – после того, как ты последовал туда за Дарзином⁶⁰. Она послала сообщение, но поскольку ты воспринимал время иначе, то не распознал речь.

– Но для меня время течет нормально, – сказал я.

– В самом деле. Так что это, должно быть, *Вол-Карот* находится в замедленном времени. На самом деле, интересно... – Турвишар моргнул.

– Что? – спросил Тераэт. – Мне не нравится твое выражение лица.

– Я задумался, не ошиблись ли боги, – сказал Турвишар. – Хоред сказал, что Вол-Карот проснулся, но все еще находится в тюрьме. Но что, если заключение – не что иное, как замедленное темпоральное состояние?

– О Вуали! – уставился на него Тераэт. – Теперь мне точно будут сниться кошмары!

– Ты сам спросил, – вздохнул Турвишар.

– Мне бы очень хотелось сказать, что ты ошибаешься, но я не могу.

– Я часто это слышу.

– Это эхо, – настаивал я. – Ментальная проекция. На самом деле его там не было.

– Его вообще не должно было там быть, Кирин. Восемь сказали нам, что кристалл разрушен, он проснулся, но все еще был заключен в тюрьму. Не думаю, что это правда.

Я слотнул комок, застрявший в горле:

– Ты думаешь, он освободился?

– Не совсем. Но что, если «тюрьма» – это не то, что мы думали? Что, если ворары поймали Вол-Карота в ловушку, заморозив его *во времени*? Технически он не находился в ловушке, просто время двигалось для него так медленно, что секунды становились вечностью. Когда кристалл разбит, время для него движется быстрее. Ведь он может в течение нескольких месяцев сделать один шаг. Вот почему он до сих пор не впал в ярость и даже не покинул Пустошь. Это многое объясняет⁶¹. – С каждым словом Турвишар выглядел все взволнованней.

– Турвишар. – Я тупо посмотрел на него. – Рядом со мной он двигался быстрее.

Турвишар начал было что-то говорить, но потом замолчал.

– Да, так оно и есть. Хорошо, что мы ушли.

⁶⁰ Насколько я понимаю, план убийства Гадрита зависел от возможности магически общаться друг с другом, и, значит, он провалился, поскольку никто не знал о Шадраг-Горе.

⁶¹ Если бы только эта теория была верна... Увы.

Джанель бросила сумки и бурдюки на землю.

– Вот, – сказала она. – По одному на каждого из нас. Таким образом, если мы будем разделены, то, по крайней мере, не умрем сразу от голода или жажды. – Она скорчила гримасу. – Хотя, честно говоря, еда моргаджей явно не для слабонервных. Уж поверьте мне, сперва нам захочется съесть мясо вяучных животных. Кроме того, у нас явная нехватка одеял, так что будем надеяться, что здесь будет тепло.

Тераэт повернулся к ней:

– Мы можем поговорить о том, что там произошло?

Она помолчала.

– О чем именно? Существует много вариантов.

Я ущипнул себя за переносицу, взмолившись про себя, чтобы Тераэт не сказал того, что, как я думал, он собирался.

– Ты бежишь сломя голову на этого проклятого дракона, не сказав нам ни слова, – начал Тераэт. – А что, по-твоему, должно произойти?

Он сказал.

Джанель склонила голову набок и уставилась на него:

– А, понятно. Так ты имеешь в виду то, что я побежала вперед, зная, что единственный способ заставить моргаджей поделиться с нами едой и водой – это если я, единственная «женщина», произведу на них впечатление своей храбростью. Приятно это осознавать. – Ее голос был обманчиво мягким. – Ты ведь понимаешь, почему моргаджи всегда убивают наших женщин? Они думают, что нападают на наших лидеров.

Обычно Джанель не использовала для обозначения себя слово «женщина». Культура ее народа была такова, что она не была женщиной, даже если признавала, что биологически относится к женскому полу. Это всегда приводило к некоторым интересным семантическим дискуссиям.

– Спасибо, я знаю, как устроена физиология ворамеров, – отрезал Тераэт.

– Так в чем проблема?

Я вздохнул. Тераэт не делал секрета из своего романтического интереса к Джанель. Но ему, похоже, было трудно смириться с мыслью, что Джанель не нуждается в том, чтобы ее возводили на пьедестал и защищали. Честно говоря, меня это дико сместило: при других обстоятельствах Тераэт бы признал, что именно такой типаж, не требующий никаких пьедесталов, ему и нравился.

Конечно, она была и в моем вкусе. Так что все это было весьма неловко.

Короче, Тераэту надо было от этого отказаться. Но он не собирался этого делать.

– Ты подвергла нас всех опасности, – настаивал Тераэт.

– Я подвергла нас всех опасности? – Джанель указала на туннель. – Ты там точно присутствовал? Или, может, Вол-Карот явился, чтобы выпить винца и дружески с нами поболтать? Я подвергла нас всех опасности? Скажи это еще раз.

Глаза Тераэта сузились:

– Хватит показывать, кто здесь главный!

– О, так вот что тебя задело! – Джанель подхватила свой бурдюк с водой и ранец. – Не то, что я выскочила вперед, а то, что я заявила на тебя идорру.

Тераэт нахмурился:

– Я даже не знаю, что означает это слово.

– О, это джоратская идиома... – начал было Турвишар, но тут же замолчал, заметив, как я резко черкнул пальцем поперек горла. – Но сейчас это не важно⁶², – уже другим тоном закончил он.

⁶² Как я уже говорил, слово «идорра» – это джоратская идиома, означающая на каро лидерство и влияние на территорию

– Ты должна была посоветоваться с нами, – настаивал Тераэт. – Я привык к тому, что он убегает без предупреждения... – Он указал на меня.

– Эй! – возмутился я. – Обычно я предупреждаю!⁶³

– ...но я не могу нянчиться с вами обоими, – продолжил Тераэт, обмениваясь с Джанель гневными взглядами.

Она была почти на фут ниже его, но все равно занимала все пространство. Я вдруг вспомнил ее отца, верховного генерала Корана Миллигреста. В основном потому, что у нее был его характер.

Неужели в этот момент в комнате стало теплее? Мне вдруг так показалось.

– Нянчиться? Кто тебе сказал, что со мной надо нянчиться? Кто тебе это поручил? – Джанель щелкнула пальцами по груди Тераэта. – Слушай внимательно, потому что я объясняю только один раз: чтобы поступить правильно, мне не нужно твое разрешение. – Она улыбнулась, хотя и не очень дружелюбно. – И раз уж я об этом задумалась: мне ни на что не нужно твое разрешение. – Она перекинула бурдюк с водой через плечо. – Отдых окончен. Мы должны двигаться, – и, не дожидаясь нас, она пошла по туннелю.

Я в этот спор вмешиваться не собирался, тем более она была права насчет того, что мы должны двигаться дальше, так что я взял свои припасы и последовал за ней. После недолгого колебания Тераэт и Турвишар последовали моему примеру.

Тераэт догнал меня и вздохнул:

– Она *определенно* начинает вспоминать нашу прошлую совместную жизнь⁶⁴.

и группу – людей, собственность, домашний скот, – которые человек защищает и, следовательно, имеет власть над ними.

⁶³ В зависимости от того, что понимать под словом «обычно».

⁶⁴ Честно говоря, учитывая культурные стандарты Джората, Тераэт сам виноват, что Джанель расстроилась.

11. Совсем не любовная история

(Рассказ Терина)

Двадцать четыре дня назад...

Проснувшись, Терин обнаружил, что он лежит на кровати, покрытой бледно-зелеными шелковыми простынями, в комнате неправильной формы, в которой не было окон и чьи каменные стены были покрыты резьбой, изображающей деревья, листья и летние цветы. В воздухе пахло свежестью и зеленью. От свисающих с потолка крошечных кристалликов исходило розовое свечение, окрашивающее комнату в мягкие цвета. Где же он? Не во дворце Де Мон. Возможно, даже не в Кууре.

Он чувствовал дикую слабость и безумный голод – что означало, что он был магическим образом исцелен от травм. Он потянулся, радуясь тому, что способен на это.

Мия, Мия, которая была так прекрасна, что даже после двадцати пяти лет знакомства у него перехватывало дыхание каждый раз, как он ее видел, сидела на краю кровати рядом. Неподалеку стоял поднос с едой, как доказательство того, что она ждала его пробуждения. Терин не знал, что это за блюда.

Мия улыбнулась и коснулась его щеки.

– Как ты себя чувствуешь?

Внезапно его охватила паника:

– Подожди, что случилось? Где...

– Что последнее ты помнишь? – Она прижала руку к его плечу, настойчиво предлагая ему остаться в постели.

Терин не пытался сопротивляться. Все было так туманно: в голове вспышками молний проносились и тут же растворялись – прежде чем он хоть что-то понимал – какие-то сцены невыразимого насилия, но он что-то помнил...

Гадрит. Он помнил Гадрита, Ксалтората и тело своего сына Кирина, лежащее на алтаре, с зияющей раной, расположенной там, где должно было быть сердце. Он вспомнил ярость, боль и осознание того, что его предали.

– Мы проиграли? – спросил он.

– Я полагаю, все зависит от того, что ты под этим понимаешь, – после долгого молчания призналась Мия. – Если ты имеешь в виду, что Столица превратилась в дымящиеся руины, а Де Монов больше... нет... то да, мы проиграли.

Его дыхание сбилось от горя и гнева, которые он изо всех сил пытался побороть:

– Всех? Всей семьи?

– Твои дочери отсутствовали, – сказала Мия, – так что нет причин считать их мертвыми. Я не знаю, что случилось с твоим... – Она помолчала. – Я не знаю, что случилось с Дарзином, разобрался ли с ним кто-нибудь или нет. Я решила, что лучше всего удалить тебя из города; это вторая попытка государственного переворота, устроенного Де Монами за двадцать пять лет, и она положила начало Адскому Маршу. Сомневаюсь, что Совет закроет на это глаза⁶⁵.

Сердце Терина разрывалось на части. Он не помнил... И в то же время он помнил достаточно. Более чем достаточно. Чувство вины было невыносимым. Кирина ведь пытался предудить его? А он не слушал. Скольких людей убила его гордость?

– Гадрит? – наконец спросил он.

⁶⁵ Честно говоря, это почти разумное объяснение. Я подозреваю, что, скорей всего, у Высшего Совета возникли бы неприятные вопросы, если бы Терин остался.

– Император, – ответила Мия таким холодным и ровным голосом, что его бросило в дрожь. – Но, – добавила она, – надолго ли? Этого я не знаю.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотри на свое запястье.

Сначала он не понял, что она имеет в виду. Но затем осознал, чего не хватает: гаэша Мии, маленького серебряного медальона в виде дерева, висевшего на запястье. На мгновение он растерялся, подумав, не украл ли его кто-нибудь или, может, он каким-то образом потерялся в бою. За все годы, что он знал Мию, талисман, хранящий частичку ее души, ни разу не покидал его запястья. Она не могла снять его сама; гаэши не позволяли этого сделать.

– Как?.. – Терин не мог выразить свои мысли словами. – Кто его взял?

– Его не украли, – сказала Мия. – Он уничтожен. Распался. У меня нет больше гаэша – недостающий фрагмент моей души вернулся. Кто-то разрушил Кандальный Камень. Не знаю как. Не могу себе представить, чтобы Гадрит сделал это, так что, возможно, кто-то наконец убил злодея. Конечно, это предположение. Я не могу знать наверняка.

У Терина скрутило живот.

– Почему я здесь?

Мия нахмурилась:

– Я ведь объяснила...

Терин чуть было не схватил ее за руку, но в последний момент остановился.

– Нет, я имею в виду не то, зачем ты привела меня сюда. А зачем ты вообще *увела* меня? Если у тебя больше нет гаэша, почему *бы тебе не* оставить меня наедине с гневом Высшего Совета? Почему ты все еще здесь, со мной? Зачем вообще спасать меня от Совета? Ты была со мной не по своей воле. Это не так-то легко простить.

Мия, приоткрыв рот, уставилась на него, а затем отвернулась и рассмеялась – легко и сладко, подобно самому красивому звону хрустальных колокольчиков.

– Пойми правильно, – начал Терин, – я рад, что ты здесь, но...

Она подвинула поднос к кровати.

– Тебе нужно вернуть силы. Ты должен поесть.

– Мия...

Она посмотрела ему прямо в глаза:

– Я не обязана больше отвечать на твои вопросы. Так что ешь, иначе я рассержусь на тебя.

Ошеломленный, Терин потянулся к блюду. Это был какой-то фрукт. На вкус он напоминал спелую терпкую ягоду, хотя мякоть больше напоминала манго. Следующим было что-то вроде сахарных нитей – сладкое и сливочное на вкус, с легким оттенком ванили. Банан был более узнаваем, но на вкус напоминал лайм. Единственное мясное блюдо состояло из плотной, похожей на лобстера плоти, покрытой пикантным коричневым грибным соусом. Он чуть было не спросил ее, что это было последнее, но передумал. Еда была восхитительна, ему нужен был белок, и, если бы происхождение пищи могло вызвать брезгливость, он бы сделал только хуже самому себе⁶⁶.

Он потянулся к кубку и обнаружил, что в нем тоже был фруктовый сок, напоминавший по вкусу кокосовую воду.

Тонкий лаваш, используемый в качестве приборов, отсутствовал, были лишь ложка да тонкая, изящная вилка – четырехзубая и весьма запоминающаяся. Учитывая все это, можно было бы решить, что они в Кирписе, но еда...

– Это Манол?

– Да.

⁶⁶ Это разновидность гусеницы. По-видимому, деликатес, и, как это ни странно для Маноло, не ядовитый.

Терин глубоко вздохнул и сосредоточился на еде. Манол. Сердце и дом народа ванэ, неприветливого к чужакам. Особенно неприветливого к куурцам. Терин бы не удивился, узнав, что нарушение границ карается смертной казнью.

Закончив, мужчина отодвинул поднос, удивляясь, насколько лучше себя чувствует.

– Итак, теперь я поел. Можем ли мы вернуться к вопросу, почему ты помогаешь мне, а не занимаешься всем тем, чем ты должна заниматься по праву? Честно говоря, я удивлен, что до сих пор жив.

Это снова рассмешило ее. Мия наклонилась и поцеловала его в нос.

– Идиот. Ты действительно не догадываешься?

В комнате стало нечем дышать. Горло Терина сжалось; он поднял колено, пытаясь скрыть, что это простое прикосновение заставило его напрячься, как подростка.

– Нет. Нет! Я и раньше ошибался в догадках...

– Нет, – перебил его Кирин. – Абсолютно нет. Этого не было.

Турвишар перестал читать.

– Извини?

– Если в этом повествовании пойдет речь о сексе между моими родителями, мне этого слушать не надо. Этого никому не надо слушать. Просто убери все эти эпизоды. – Кирин указал на бумаги.

Турвишар прищурился.

– Нет.

– Нет, дальше речь не пойдет о том, что мои родители будут дурачиться? – Кирин скептически глянул на него.

– Нет, я не собираюсь прекращать читать сцену только потому, что она предполагает физическую близость между двумя людьми, которые оказались твоими родителями. – Турвишар закатил глаза. – Нуали, Кирин, я не собирался вдаваться в подробности⁶⁷.

Вошебник продолжил читать, а Кирин старательно раздумывал над тем, не заткнуть ли ему уши.

На лице Мии проскользнула вспышка боли.

– Ты не ошибся, – сказала она, – но обладать моим сердцем – не то же самое, что держать в плену мою душу. Как я могла сказать тебе «да», если никогда не могла сказать «нет»?

Терин уставился на нее, забыв, как дышать. Она ведь не имела в виду...

Проклиная себя, он закрыл глаза, вновь и вновь называя себя полным дураком. Никогда в мире, думал он, не существовало большего идиота, чем он⁶⁸.

Терин поднес руку к лицу Мии и заправил за ухо прядь выбившихся волос. Он не мог ничего сказать, слова застревали в горле. Он онемел от жгучего раскаяния, от воспоминаний о том, как он раз за разом предлагал освободить Мию, всегда получал отказ⁶⁹ и постепенно перестал спрашивать.

Он перестал предлагать, потому что боялся, что она в конце концов согласится.

– Прости, – прошептал он. – Прости меня за все, через что я заставил тебя пройти.

⁶⁷ Как бы то ни было, без графических подробностей.

⁶⁸ Мне кажется... Точнее, я уверен, что это не совсем так...

⁶⁹ Я подозреваю, что изначально Хаэриэль, должно быть, отказалась, потому что видела необходимость приспособиться к своему новому телу и заново освоить магические навыки. Дом Де Мон, должно быть, обеспечил ей разумную безопасность. Это могло быть весьма умно.

Его извинения застали ее врасплох. Из ее горла вырвался звериный всхлип, а на глазах выступили слезы.

Затем ее губы столь яростно прижались к его губам, словно он был противоядием от всех ее ядов. Она упала в его объятия, и ему больше не нужно было ни о чем догадываться. Он обнял ее, прерывая поцелуй лишь для того, чтобы схватить ртом воздух, а затем скользнул вниз по ее щеке, к ее шее. Она была всем, что он жаждал, зная, что это желание недостижимо. Это все напоминало какой-то сон. Невозможный. Потрясающий.

– Нет, – прошептал он, убирая руки с ее тела.

– Что? – Мия вздрогнула, словно пробуждаясь ото сна, и потрясенно уставилась на него. – Нет?

– Скажи мне, что хочешь этого, – попросил он. – Я не хочу никаких догадок. Никаких предположений. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я занялся с тобой любовью.

Мия выдохнула с явным облегчением.

– Боги, да, – прошептала она, срывая с себя одежду. Еще даже не раздевшись до конца, она стащила с него простыню и оседлала его.

– Богини, – благоговейно прошептал он. – Мия...

Терин мгновенно понял, что сделал что-то не так. Она застыла.

– Что случилось? Я сделал что-то не так?

Она вздрогнула и глубоко вздохнула, а затем покачала головой:

– Нет. Нет, все в порядке. – Она опустилась и стянула с себя раисиги, обнажив груди, о которых он мечтал уже более двадцати лет.

Его тело предало бы его сотню раз, если бы он не использовал магию, чтобы форсировать события. Он хотел этого слишком отчаянно, слишком страстно и слишком долго. Будь он проклят, если потратит на это всего лишь несколько минут. Он собрал губами слезы с ее кожи, не зная до конца, ее это слезы или его. Боль и ужас последнего дня – во всяком случае, того дня, что он помнил, – были слишком свежи, слишком шокирующи. Он потерял все.

Но пока Мия была с ним, Терину было все равно.

12. Четыре ветви

Кирин показал Турвишару грубый жест.

– Ну, все не так уж и плохо.

– Тебе легко говорить, это были не твои родители.

(Рассказ Кирина)

В туннеле мы постепенно дошли до перекрестка, четыре «ветви» которого уходили в темноту. В воздухе пахло сыростью и плесенью; по сравнению с той жарой, что царила наверху, это казалось настоящим бальзамом. Но в то же время вызывало клаустрофобию. Я обнаружил, что рад, что туннели изначально были построены для того, чтобы по ним могли проехать большие экипажи – это удерживало меня от того, чтобы свернуться в клубок и закричать.

Не люблю замкнутых пространств.

Тераэт повернулся ко мне:

– Куда?

Я пожал плечами.

– Как будто я знаю? Я потерял след, когда мы не повернули налево к Вол-Кароту.

– Если тоннели ведут не в ту сторону, мы могли бы ходить кругами, – сказала Джанель.

Никто с ней не спорил, но и предложений ни у кого не было.

– Как ты думаешь, мы ушли достаточно далеко, чтобы ты смог открыть ворота? – спросил я Турвишара.

– А если нет – ты хочешь рискнуть? – Турвишар покачал головой. – На этот раз нам негде будет укрыться.

Упоминание о разбрасывающей мечи буре хаоса напомнило мне об оружии, которое я все еще носил с собой. Теперь металл выглядел поржавевшим и покрытым изъязвлениями.

– Как долго, ты говоришь, должно продержаться это оружие?

Джанель покачала головой.

– Я думала, что несколько дней, но, похоже, на этот раз меньше.

Пока мы с Джанель разговаривали, Турвишар подошел к перекрестку и присел на корточки, положив руку на каменную землю и склонив голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, что нельзя было услышать обычным слухом.

Турвишар встал.

– Юг в той стороне. – Он указал на правый туннель.

– Откуда ты это знаешь? – спросил я.

Турвишар бросил на меня косой взгляд:

– Я наполовину дрет.

– А, точно. – Я почти ничего не знал о дредах, кроме того, что они жили под землей, но казалось разумным, что они могут быть чувствительны к направлению – весьма удобно, когда ты не видишь неба.

Я был рад, я совершенно не дрет⁷⁰.

– Нам не следует медлить. – Джанель шагнула вперед. Мы последовали за ней, все сильнее чувствуя, что этот поход будет бесконечным.

Не знаю, как скоро мы остановились. Возможности судить, день сейчас или ночь, у нас не было, так что мы шли, пока не уставали.

⁷⁰ Я постараюсь не принимать это близко к сердцу.

– У меня к тебе вопрос, Джанель, – сказал я, главным образом чтобы поддержать разговор.

– Да?

– Почему для этих моргаджей комплимент стать старухой? В смысле, ты сказала этому воину, что надеешься, что он умрет старухой, а он покраснел, как будто ты заявила, что он милый.

– Я иду на разведку, – объявил Тераэт.

Я нахмурился, хотя Джанель не обратила внимания на то, что он, конечно же, не «посоветовался с остальными», несмотря на то что сам же говорил ранее. Тераэт скрылся в темном туннеле.

– Моргаджи весьма забавны. – Джанель почесала подбородок. – Ты видел в их лагере маленьких девочек?

– Я не обратил на это внимания, – ответил я. – Но я не уверен, что смогу отличить моргаджскую девочку от мальчика.

– Тебе и не придется этого делать. Моргаджских девочек не существует.

Я заморгал:

– Извини? Ты о чем?

Джанель кивнула в ответ на мое удивление.

– Моргаджские дети рождаются мужчинами. Всегда. Так что все моргаджские дети – мальчики. Я знаю, как странно это звучит. Меня это тоже сбilo с толку.

Турвишар откашлялся.

– Не хочу показаться педантом, но мы ведь видели женщин моргаджей. Для меня это тоже было необычно, хотя из записей Кирина я знал, что они существуют. Бевроса, несомненно, женщина.

– Да, – ответила Джанель, – но она не родилась женщиной. Ни один моргадж не родился женщиной. Все эти моргаджские мальчишки вырастают в крепких молодых моргаджских мужчин, которые должны доказать свою храбрость, защитить племя, напасть на врагов и оплодотворить как можно больше женщин, хотя бы они этого или нет. – Она скорчила гримасу. – Нельзя сказать, что это совсем уж звездный комплимент культуре моргаджей – поясняя, чтобы вы не подумали, что мы ужасно недооценивали их все эти годы. После того как они докажут свою ценность и покроются боевыми шрамами, они остепенятся и станут женщинами. Буквально станут женщинами. Они физически изменятся. И эти женщины возглавляют племена – потому что считается, что они обладают наибольшим опытом и мудростью, – и, став матерями, рожают все больше мальчиков. Мне страшно подумать, что произойдет, если моргадж не захочет выполнять свои общественные обязанности, но я предполагаю, что это тоже нельзя назвать фантастическим комментарием к культуре моргаджей.

– Что? – Я даже остановился. – Нет, серьезно. *Что?*

– В этом вопросе я согласен с Кирином. – Турвишар тоже повернулся к ней. – Что?

Джанель пожала плечами.

– Это нетрудно понять. У моргаджей два биологических пола, но они переживают их последовательно. Они рождаются мужчинами, и если им повезет и они окажутся крепкими и умными – как бы это ни сочеталось, – то они умрут женщинами. Для них это совершенно нормально. Так что «Да умрешь ты старухой» считается у моргаджей благословением.

Я моргнул и покачал головой.

– Удивительно, – сказал Турвишар. – Понятно теперь, почему ученые в Академии так и не расшифровали моргаджские социальные структуры. Это... это более странно, чем любая теория, с которой я сталкивался, включая теорию жужжания старого профессора Догала. Ты не знаешь, эта черта является специфичной мутацией моргаджей или ворамеры тоже были такими же?

Я так и застыл.

– Ты же не думаешь... – Я напряг мозги, пытаюсь вспомнить, встречал ли я когда-нибудь мужчину-ворамера. Конечно, с тех пор, как они пожертвовали своим бессмертием ради Ритуала Ночи, существовало не так уж много ворамеров. Я знал только двоих: Таэну и Галаву. Обе были женщинами. Шаранакал был мужчиной, но теперь он был драконом. Наверное, это не в счет.

Турвишар задумался.

– Интересно, сколько поколений на это уйдет, чтобы проявилась эта черта?

Я встретился с ним взглядом. Кроме дракона у Таэны было двое детей: Хаэвац и *Тераэт*, оба наполовину ванэ и наполовину ворамеры. И если быть наполовину ворамером достаточно...⁷¹

Я вспомнил предыдущий разговор – ладно, пусть будет *спор* – между Тераэтом и Джанель. Когда она объясняла, что моргаджами всегда командуют женщины, а он парировал, что прекрасно знает, как *работает* физиология ворамеров. Как он был зол и как в этом было мало смысла.

– Торговец в Восьмиугольнике однажды предложил мне продать девочку, которая наполовину была моргаджем... – Я прикусил губу. – Но кто знает, не врал ли он.

– Возможно, это не всегда срабатывает, – предположил Турвишар.

Я сглотнул комок:

– Ты хочешь сказать, что есть шанс, что когда-нибудь Тераэт соберется... сменить пол? Джанель, проходившая мимо нас, склонила голову набок:

– Быть женщиной – не проклятие.

Из туннеля донесся свист.

– Это Тераэт, – сказал я.

Мы бросились на звук.

⁷¹ Признаюсь, мне по-прежнему любопытно, как это будет работать. Как ворамер, Тераэт должен в соответствующее время превратиться в женщину, но ванэ может быть того пола, какого пожелает.

13. Сильнейшее убеждение

(История Хаэриэль)

Двадцать три дня назад...

Позже Хаэриэль уютно устроилась в объятиях Терина – что оказалось менее обременительной задачей, чем она ожидала. К ее восхищению, Терин оказался талантливым любовником. В прошлый раз все было не так, но тогда он был пьян и груб, а потому забыл обо всех удовольствиях, кроме своего собственного. На этот раз все отличалось от предыдущего, как джунгли от пустыни.

Она счастливо вздохнула, чувствуя, как кончики пальцев Терина чертят узоры на ее коже.

Он поцеловал ее в щеку.

– Я передам сообщение Корану. Я уверен, что мы сможем договориться, чтобы Совет был доволен...

Она села и отодвинулась от него:

– Нет. Я не буду выступать перед Советом. И нам нужно поговорить о том, что ты говорил раньше.

– «О боги, о боги»?

– Нет, до этого. – Хаэриэль прикусила губу. Звезды. Он *улыбался*. У него была такая красивая улыбка.

– «Я люблю тебя»?

Хаэриэль чуть не поперхнулась. Чары действовали намного лучше, чем она могла ожидать. В ее груди разлилось чудесное тепло... и трепет предчувствия. Возможно, они действовали *слишком* хорошо.

– Ты этого не говорил, – прошептала она.

– Не удивительно, что тебе захотелось поговорить об этом. Непростительная оплошность с моей стороны. – Он протянул руку и провел пальцем по ее щеке, а затем повторил: – Я люблю тебя.

Хаэриэль охватило новое чувство. Отвращение.

Отвращение не к Терину. Она должна была быть счастлива узнать, что ее заклинание подействовало столь сильно, но вместо этого Хаэриэль почувствовала стыд. Неужели это столь уж отличается от того, что сделали с ней? Хуже того, даже если бы она умерла за неподчинение приказу, она все равно могла бы в полной мере ощутить все свои эмоции, свою ненависть. Терин же, вместо презрения к женщине, которая убила его семью, был очарован.

Его использовали, а он сам этого не знал.

Хаэриэль никогда не ненавидела себя так сильно, как сейчас⁷².

– Эй! – Терин сел и потянулся к ней. – Я не хотел, чтобы ты из-за этого плакала!

Она вытерла глаза.

– Это не из-за тебя, это... – На его лице появилась добрая сотня эмоций, в том числе и страх, и она прокляла себя. Хаэриэль судорожно попыталась подыскать правдоподобно звучащую ложь. – Я не заслужила такого счастья.

– Ты?... – Терин мрачно рассмеялся и снова притянул ее к себе. – О боги, я все понимаю. Честно. Последние два дня были ужасны, и я... – Он покачал головой. – Я такой идиот. Это все моя вина. Я *знаю*, что это моя вина. Если бы я остановил Дарзина, когда должен был... – Терин содрогнулся. – Ты – единственное, что удерживает меня в здравом уме.

– Я столько всего натворила, Терин. Ты... ты не знаешь.

⁷² И, на мой взгляд, вполне заслуженно. Не зря же чары считаются черной магией.

Он сжал ее в объятиях:

– Это не имеет значения. Что бы это ни было... какая разница? Ты прекрасно знаешь, что я и сам далек от совершенства. Если ты можешь простить меня за то, что я сделал, то ничто из того, что ты могла совершить, тоже не столь уж непростительно. Возможно, за счет этого мы будем хорошей парой. Мы уже давно вышли из того возраста, когда люди ждут, что любовники будут идеальными и не будут иметь изъянов.

Хаэриэль отстранилась, чтобы видеть его лицо. Ей нужно было сосредоточиться.

– Я имею в виду, раньше, когда ты называл меня Мией. Я не хотела, чтобы ты называл меня Мией, потому что это не я. Буквально. Я не Мия. Я *никогда* не была Мией. За все то время, что мы друг друга знаем, я никогда не была той женщиной, чьим именем ты меня назвал.

Его улыбка дрогнула:

– Что? Я понимаю, что это прозвище...

Она глубоко вздохнула.

– Настоящая Миятреалл умерла раньше, чем мы с тобой познакомились. Женщина, которая создала мне гаэш, – Хаэриэль еще не была готова сказать, что это была ее бабушка Хаэмеэра, более известная как Таэна, Богиня Смерти⁷³, – также запретила мне кое-что тебе рассказывать. Или показывать. Я не лгала, когда сказала тебе, что Мия была служанкой королевы Хаэриэль. Но только потому, что Мия была *моей* служанкой. А также моей убийцей.

Терин моргнул:

– Я не понимаю.

– На мне было ожерелье. Артефакт, называемый Кандальным Камнем, – пояснила она, мрачно рассмеявшись. – Я не знала, какова его сила! Что он способен обменять меж собой душу владельца ожерелья и душу его убийцы. Мия была убийцей, которого мой брат послал убить меня⁷⁴. Когда она это сделала, я оказалась в ее теле, но я всегда была Хаэриэль.

Он вздрогнул, услышав имя королевы Манола. Сердце Хаэриэль затрепетало от страха, когда она задалась вопросом, не вызвали ли эти слова скрытое воспоминание о том, как она впервые произнесла это имя, когда все закончилось кровью и смертью. На ранних стадиях чары весьма хитры.

Терин покачал головой:

– Я даже не знаю, что сказать. Правда? Королева ванэ? И никто не узнал тебя? Не то чтобы я избегал брать тебя с собой на люди...

– Я же только что объяснила. Сейчас я не похожа на Хаэриэль; это тело Мии, и, хотя я сделала его своим, мне никогда не разрешалось менять внешнее обличье.

Он наклонил голову и прищурился в замешательстве:

– Сделала его своим? Я все равно не понимаю.

– Моя раса непостоянна. Мы выбираем свою внешность. Возможно, будет лучше, если я продемонстрирую это. Хочешь увидеть?

– ...да, – сказал он.

Она легла на кровать и скрестила ноги, а затем, глубоко дыша, погрузилась в надлежащее медитативное состояние. То, что она собиралась сделать, обычно делалось медленно – в течение недель, если не месяцев. Сделаешь это быстро – и впадешь в безумие, что мог подтвердить любой мимик⁷⁵.

И все же у Хаэриэль не было недель или месяцев.

Однако ей все равно потребовалось несколько мучительных часов. Она не позволила потрясенному вздоху Терина нарушить ее концентрацию, хоть это и подтвердило, что процесс

⁷³ Поскольку Терин когда-то был жрецом Таэны, я подозреваю, что это было мудро. Это увело бы весь разговор в сторону.

⁷⁴ После этого сестра Мии вышла замуж за короля, так что это интересно.

⁷⁵ Мне говорили, что ускорение процесса также чрезвычайно болезненно.

работает. После стольких лет она не могла позволить, чтобы чьи-то чувства помешали ей вернуться.

Для ванэ физическое тело изменчиво. У мимиков была та же способность, пусть и доведенная до крайности, но прошло четырнадцать тысяч лет с тех пор, как кто-либо был настолько глуп, чтобы восстановить ванэ с такой точностью.

Когда она снова открыла глаза, они были не синими, а золотыми, яркими, как ее золотистые волосы, и почти светящимися на фоне темно-бронзовой кожи. Она знала, что ее лицо, ее тело, каждая часть ее, все выглядело по-другому. Если Хаэриэль добьется своего, она никогда не появится как Мия – или кто-то еще – снова.

В ее внешности – очертаниях скул, подбородке – можно было заметить сходство с некоторыми Де Монами: Педроном, Тишаром и ее сыном Кирином.

Терин уставился на нее.

– Мы... мы родственники?

Хаэриэль улыбнулась.

– Когда я Хаэриэль – да, – заметила она. – Ты мой внучатый племянник. Мы близки, но инцестом это не назовешь. По крайней мере, у ванэ.

Она видела, как он делает мысленную гимнастику, складывая кусочки вместе. Он знал историю ванэ лучше, чем большинство куурцев, и даже лучше, чем большинство ученых. До Хаэриэль в его генеалогическом древе была только одна ванэ – рабыня по имени Вальрашар. То есть если это родство было верно...

Это означало, что отец Вальрашар должен был быть дядей Хаэриэль, печально известным Теринделом⁷⁶.

– Истории лгали, ты же понимаешь, – признала Хаэриэль. – Я любила своего отца, но он исказил историю, чтобы упрочить свое правление, как это часто делают правители. Правда в том, что мой отец узурпировал трон своего брата Териндела, а затем воспользовался своим новым положением, чтобы жениться на правительнице ванэ из Манола, Хаэвац. Чтобы устранить угрозу, жену Териндела казнили, а дочь продали в рабство. – Она горько рассмеялась. – Можно сказать, что мой младший брат Келанис просто поддерживает почтенную семейную традицию.

– Я родственник Териндела Черного? – У Терина возникли проблемы с усвоением новостей.

– Да, – ответила она. – Он был твоим прадедом. Что делает тебя, – она погладила его по лицу, – мой дорогой, истинным наследником ванэ из Кирписа. Принимая во внимание, что, даже если я откажусь от притязаний моего отца, купленных за бесцельную монету, никто не будет отрицать, что я – первенец королевы Хаэвац. Итак, ты – истинный наследник ванэ из Кирписа, а я – истинный наследник ванэ из Манола⁷⁷.

Его прекрасные голубые глаза стали расчетливыми:

– Ты хочешь вернуть себе трон.

– Да, – ответила Хаэриэль. – Но не одна. Мы вместе вернем. Наши претензии на престолы сильнее, чем у Келаниса.

– Но я не ванэ.

– Не трать время, беспокоясь о несущественных деталях, мой дорогой. Когда мы закончим, никому не будет до этого дела.

Терин, казалось, был настроен скептически, но не стал развивать эту тему.

– И что потом?

⁷⁶ Сейчас самое время еще раз подчеркнуть, что Тераэт и Кирином никоим образом не связаны друг с другом в биологическом смысле. Просто на случай, если вы, возможно, обеспокоены этим.

⁷⁷ Все это делает Кирина настоящим политическим узлом. Кирином действительно имеет серьезные права на трон ванэ из Кирписа через своего отца. Статус его матери более открыт для обсуждения.

Хаэриэль улыбнулась, снова скользнув в его объятия:

– А потом мы соберем армию, вторгнемся в Куур и сожжем всю эту проклятую империю дотла.

Это было последней проверкой того, насколько хорошо сработали чары, потому что, если он согласится, это будет означать, что Терин принадлежит ей. Если бы он оставался верен Кууру, верен тому, что он верховный лорд, то он никогда бы не согласился на этот план. Он бы попытался отговорить ее. Он бы понадеялся *образумить* ее. И если бы он смог противиться ее чарам, она знала его достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, что сможет распознать притворство.

Терин зарылся лицом в ее волосы и улыбнулся.

– Да, – прошептал он. – Этот план меня вполне устраивает.

14. Дочери песка

(Рассказ Кирина)

Мы нашли Тераэта, скорчившегося за сломанной плитой, торчащей из пола. В этой части туннелей мы впервые столкнулись с какими-то признаками упадка или запустения; на полу и потолке отсутствовали большие секции, а постоянный поток песка создавал острова среди обломков. Влажные запахи туннеля сменились запахом горячего песка.

Тераэт бросил на нас раздраженный взгляд:

– Я подразумевал, что вы должны присоединиться ко мне, а не бежать сюда, подражая стаду слонов. Ты был вором, Кирина. Ты что, разучился вести себя тихо?⁷⁸

– О, виноват. Я думал, у тебя *неприятности*, – заявил я.

Тераэт нахмурился и повернулся к обломкам.

– У нас у всех неприятности. Успокойся на минутку и посмотри, что преграждает нам путь.

Мы присели за обломками. И долго ждать не пришлось.

На поверхность плавной дугой всплыл волнистый поток плоти, через мгновение скрывшийся в песке.

– Что это за пакость?! – спросила Джанель.

– Щупальце, – прошептал я. – Огромное щупальце. Это песчаный кракен? Неужели существуют песчаные кракены?

Турвишар выдохнул:

– Если верить своим глазам, то да. Хотя он не так велик, как описанная тобой во время путешествия на «Страдании» Дочь Лааки.

Я взглянул на волшебника. Иногда я забывал, что он знает о моей жизни гораздо больше, чем мне удобно.

– Я не могу гарантировать, что он всего один, – сказал Тераэт. – Трудно предположить...

– К чему уязвимы кракены? – спросила Джанель.

– К огнедышащим драконам, – ответил я, – но я оставил своего на другом острове.

– Все гораздо хуже, чем ты думаешь, – сказал Тераэт. – Учítывая, что он прячется под песком, думаю, что он слеп, а это значит, что он, вероятно, охотится, реагируя на вибрацию.

Турвишар встал:

– Это значит, что он уже знает, что мы здесь.

Тераэт, конечно, мог ошибиться в методах охоты на песчаного кракена. Но едва Турвишар встал, как из щели в полу вылетело щупальце, обвившееся вокруг тела волшебника. Естественно, он закричал⁷⁹. Существо двигалось с необычайной скоростью, но, по крайней мере, на щупальце кракена не было шипов, заменяющих присоски. Впрочем, это было слабое утешение.

Джанель замахнулась клинком на щупальце, но ее меч сломался, и по туннелю громким эхом разнесся звон.

– Проклятье! – рявкнула она. Она нырнула за спину Турвишара, уходя от еще одного щупальца, вынырнувшего из песка, дабы помочь оттащить новую добычу кракена в наверняка предусмотрительно распахнутую пасть.

Я тоже замахнулся мечом на щупальце. Я не ожидал, что мой клинок окажется лучше, но это все, что у меня было. И пусть мой меч не сломался, но и пользы от него было мало. Острие моего клинка не оставило и следа на жесткой чешуйчатой коже этой твари.

⁷⁸ Как будто Тераэт забыл, что подозревал нас свистом.

⁷⁹ Скорее это был мужественный рев! Ну ладно. Я закричал.

Тераэт вонзил кинжал. Четыре сломанных лезвия уже валялись около его ног, так что этот клинок был уже пятым. По крайней мере, он смог отрезать несколько щупалец, но их, казалось, было бесконечно много.

Затем щупальце обвилось вокруг моей руки с мечом и вздернуло меня в воздух.

– Вот дерьмо! – выругался я.

– О, будь оно все проклято! – Джанель коснулась черными ладонями щупальца, и ее руки вспыхнули огнем. Воздух наполнился кошмарным звериным воем.

Я был почти уверен, что мы только что разозлили кракена.

Песок бурно закипел. Из него возникло нечто. Это походило на голову осьминога, пусть она и не была такой же мокрой или влажной. Выглядело это так, будто какой-то сумасшедший бог взял осьминога и изменил его для жизни в пустыне. К Джанель потянулись еще больше щупалец.

Рванувшийся к девушке Турвишар оттолкнул ее в сторону, и они оба рухнули на землю перед самым щупальцем, хлестнувшим над ними.

– Прощу прощения. – Лицо Турвишара заливала бледность. – Я действовал инстинктивно.

– От тебя я этого меньше всего ожидала, – усмехнулась Джанель. – На этот раз я оставлю это без внимания.

Девушка вскочила на ноги, и ее глаза вспыхнули алым. Похоже, она... наслаждалась боем.

О себе то же самое я сказать не мог. Щупальце швырнуло меня об потолок, разом вышиб дыхание. Пытаясь отдышаться и придумать что-то похожее на план, я услышал, как Турвишар сказал:

– Прикрой меня! Я собираюсь кое-что попробовать.

Но едва он это сказал, как одно из щупалец схватило Тераэта и отшвырнуло его назад.

– Но... – запротестовала Джанель, переводя взгляд с Тераэта на меня и не зная, кого спасти в первую очередь.

– Пожалуйста! Прощу! – Турвишар присел на корточки и коснулся ладонями песка. – Я научился этому у Тьенцо⁸⁰.

Тераэту удалось упереться ногами в клюв чудовища. Его ноги напряглись от усилий, но я знал, что совсем скоро он сдастся и окажется втянутым прямо в ожидающую пасть твари.

Крошечная часть меня, та, которая никогда не переставала быть менестрелем, задавалась вопросом: что же эта тварь ела, когда рядом случайно не оказывалось Адских Воинов.

Еще одно щупальце рванулось к Турвишару и Джанель. Девушка подняла кусок обрушившегося потолка, размером, наверное, с половину ее самой и весивший, должно быть, несколько сотен фунтов, а затем отмахнулась им от щупальца с такой легкостью, словно камень был изящным серебряным блюдом с главного стола в Доме Де Мон.

Щупальце снова ударило ее, а то, что удерживало меня, продолжало играть в зажигательную игру «Шлепни-Кирина-О-Стену».

Поскольку я только и мог, что тщетно пытаться высвободиться из держащего меня щупальца, у меня было мгновение, чтобы посмотреть на монстра. Все тело чудовища покрывали хитиновые пластины, между которыми были небольшие промежутки, позволяющие конечностям сгибаться. Судя по всему, это чудовище должно было быть менее маневренным, чем Дочь Лааки.

– Что бы ты ни делал, делай это *быстрее!* – рявкнула Джанель, поднырнув под щупальце, попытавшееся поймать ее.

⁸⁰ Почти. Благодаря Тьенцо я узнал, что это возможно. Это, конечно, не совсем одно и то же.

Турвишар не обратил на нее никакого внимания. Воздух наполнило слабое гудение. Песок завибрировал, и песчинки каскадом посыпались вниз с холма, с которого высунулся кракен.

Внезапно Турвишар отдернул руки. И стоило ему сделать это, как от того места, где он прикасался, распространилась... волна... чего-то странного. Получившаяся масса смещалась, текла, трансформировалась, а затем затвердевала. Всего несколько мгновений – и песок превратился в сплошное стекло.

– Прелестно, – сказала Джанель, – но я не уверена, что это поможет...

Трансформация, похоже, не остановила кракена. Из песка по-прежнему было освобождено гораздо большее количество ртов и щупалец, чем мне было удобно.

– погоди, – выдохнул Турвишар, держась за бок и отступая назад. По голове его стекал пот.

Песчаный кракен согнул щупальце, удерживающее меня в воздухе, но затем вдруг, вместо того чтобы размазать мои мозги по ближайшей стене, закричал. Оглушительный звук эхом отозвался в тесном коридоре. Щупальце разжалось, отпустив меня.

Я поднял голову. Из всех щелей в панцире чудовища капала кровь. Стоило твари пошевелиться, и она вздрагивала и вновь начинала кричать. И кровь хлестала все сильнее.

Кракен замер. Он не был мертв. Я мог сказать это по тому, как его глаза следили за Тераэтом, когда он вырвался из его слабой хватки и спустился вниз.

– Что ты сделал? – спросил ванэ Турвишара.

– Стекло. – Турвишар выглядел бледным, опустошенным, измученным. – Это существо живет в песке... Оно должно быть покрыто им. Поэтому я превратил весь песок вокруг нас в стекло. – он смущенно откашлялся.

– А бури хаоса? – уточнил Тераэт.

– Я рискнул, – признался Турвишар.

– Рискнул... – Тераэт закатил глаза и что-то пробормотал себе под нос, оглядываясь вокруг в поисках спасительных кинжалов.

– Теперь он не может двигаться, иначе порежет себя на ленты, – подытожила Джанель. – Славно сделано. – Она хлопнула Турвишара по спине.

По туннелю прокатился шум, воздух вокруг монстра заискрился фиолетовыми, алыми и зелеными вспышками.

– Буря Хаоса! – выдохнул я. – Бежим!

Дважды повторять не пришлось.

15. Фундамент из лжи

(История Хаэриэль)

Четырнадцать дней назад...

Когда Терин постучал о косяк распахнутой двери, Хаэриэль подняла голову от письма. Казалось, что последние несколько дней были заполнены только письмами, кодами и тщательно сформулированными сообщениями, пока она пыталась выяснить, какие союзники у нее оставались, не предупредив при этом своего брата о возвращении.

Она была рада, что ее прервали.

Терин улыбнулся ей. Хаэриэль была поражена, как он изменился... прошло всего несколько недель. Он казался по меньшей мере на десять лет моложе, казалось, годы таяли вместе с его напряженным бременем.

Она отложила перо и повернулась к нему.

– Как долго ты наблюдал за мной?

– Недолго, – признался Терин. – Вообще-то у тебя посетитель. Он появился из ниоткуда – буквально из ниоткуда – и спросил, как тебя зовут.

Хаэриэль моргнула.

– Что? – Она подавила приступ паники.

Ее убежище было очень хорошо спрятано, и лишь немногие ванэ знали о его существовании. Еще меньше могли бы заподозрить, что она здесь. Тех, кто мог это сделать, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Стал бы враг вежливо знакомиться с Теринем и просить поговорить с ней?

– А как он выглядит? – Она подошла к нему.

– Куурец, среднего роста. Обычной внешности... – Терин заломил бровь. – А что, есть какая-то проблема?

– Релос Вар, – выдохнула она. – Наконец-то. – Хаэриэль коснулась ладонью щеки Терина. – Никаких проблем нет. Он мой старый друг. Но будет лучше, если ты подождешь здесь. Релос может быть скрытным в присутствии людей, которых он плохо знает.

Терин нахмурился.

– Я уже слышал это имя. И отзывались о нем совсем не хорошо.

– Он приобрел дурную славу в определенных кругах, – согласилась Хаэриэль, – но нам понадобится его помощь, если мы хотим, чтобы наши планы увенчались успехом.

Выражение лица Терина стало ироничным.

– Полагаю, не стоит отвергать его помощь лишь потому, что у него репутация врага Куурской империи, не так ли? – Он поцеловал ее в щеку. – Удачи.

Хаэриэль вцепилась в Терина, превратив целомудренный поцелуй в нечто более запоминающееся, а затем вышла на улицу.

Релос Вар ждал на небольшой поляне возле укрытия из корней. Он выглядел так же, как она его запомнила, – самым обычным куурцем, который мог быть кем угодно, от торговца до сапожника. Ему нравились хорошо пошитые сапоги, но в остальном он носил функциональную, практичную одежду, которая была скорее серой, чем модной.

Но нет, если присмотреться, можно было заметить, что что-то изменилось. Релос Вар выглядел изможденным. Его внешность не изменилась; все проявлялось в чем-то более эфемерном.

– Ваше Величество, – поклонился ей Релос Вар, едва она вышла на поляну.

– О, перестань, – сказала Хаэриэль, но его драматизм всегда вызывал у нее улыбку. – Я бы спросила, где ты был, но, судя по твоему лицу, можно считать, что ты был занят.

– Намного больше, чем могу вам поведать, – согласился Релос Вар. – Я прибыл как можно скорее. – Он сделал паузу и указал на укрытие от корней. – Но, если позволите, Ваше Величество, я был бы отвратительным другом, если бы не указал, что ваш нынешний курс чрезвычайно опрометчив⁸¹.

– То, что я прячусь здесь? Это убежище прослужит еще несколько дней...

– Терин Де Мон, Ваше Величество. – Релос Вар покачал головой. – Вы серьезно? *Терин?* Щеки Хаэриэль вспыхнули.

– Он прямой потомок Териндела. Почему я не должна использовать его?

– Тераэт тоже прямой потомок Териндела. Гораздо более близкий потомок. Но мы оба знаем, почему вы *не используете его*⁸².

Она отбросила эту мысль щелчком пальцев.

– Тераэт – прямой потомок Митраилла. Я знаю, как работает Кандальный Камень. Если бы не знала, Терин бы мне не понадобился. А с политикой я справлюсь, спасибо.

Релос Вар вздохнул:

– Хаэриэль, дело не в политике. Все дело в вас. Речь идет о том, что вы совершили трагическую ошибку. Он не может быть здесь по собственной воле. Я видел, какой беспорядок вы оставили в Столице. При обычных обстоятельствах Терин Де Мон никогда бы не упустил это из виду.

– Я его зачаровала.

Релос Вар уставился на нее.

Хаэриэль сглотнула комок и отвернулась.

– У него осталась свобода воли, он просто безумно в меня влюблен. И он не помнит последние несколько часов после того, как начался Адский Марш.

– Вы и воспоминания подавили? – Релос Вар казался все менее взволнованным.

– Да.

– Это ненадолго. Души *никогда* не теряют воспоминаний. Точнее, не навсегда. Однажды его воспоминания вернуться, шок разрушит любые чары, которые вы на него наложили. Чары не могут преодолеть травму.

– Мне нужно его сотрудничество, Релос. Я его получу.

– Дело не в этом. Вы можете лгать себе, но не мне. – Волшебник покачал головой. – Проклятье, Хаэриэль. Вы выбрали безумно удачное время, чтобы влюбиться.

У Хаэриэль отвисла челюсть.

– *Я?* Ты всерьез думаешь, что я влюблена в... – Она огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что Терин не выбрал этот момент, чтобы подслушать разговор. Хаэриэль понизила голос: – Ты действительно думаешь, что я влюблена в человека, который держал меня в рабстве четверть века? Ты хоть представляешь, какое унижение я перенесла от его рук? И вряд ли тебе следует судить об этом. Как звали ту маракорскую ведьму? Ту самую, которой ты был так увлечен несколько десятилетий назад? Был ли у нее выбор?⁸³

Релос Вар, похоже, не собирался заглатывать наживку.

– Я не говорю, что вы не можете владеть им; я говорю, что если вы думаете, что можете владеть им *вот так*, без последствий, то вы валяете дурака. Правда всплывет. Правда *всегда* всплывает сама по себе. Я говорю это вам не как соучастник или союзник, а как друг; снимите чары и скажите ему правду. Скажите Терину, что вы были не в своем уме. Может быть, он вам поверит. Возможно, он даже простит вас.

– Я не...

⁸¹ Мне совершенно некомфортательно осознавать, что в этом я согласен с Релосом Варом.

⁸² Потому, что он скажет нет?

⁸³ Зависит от того, что называть выбором.

– Клянусь своим словом, Хаэриэль, если вы этого не сделаете, я обещаю, что вы об этом пожалеете. Вы сами сказали, что у него есть свобода воли. Чары – это не гаэш. Если кто-то придет и скажет ему правду, эта шарада закончится. Неужели вы думаете, что наши враги не знают, что произошло? Вы думаете, *Таэна* не знает? Пока мы разговариваем, она возвращает членов Дома Де Мон, которых *вы убили*, и, пока вы наслаждаетесь приятными идиллиями в этой живописной беседке, Вол-Карот был освобожден. Мне не нужно объяснять вам, что это значит.

– Нет. – Хаэриэль почувствовала, как в ней поднимается паника. – Я думала, у нас будет больше времени.

– Я могу только предположить, что у определенных сил были причины поторопиться с графиком, – вежливо пояснил Релос Вар⁸⁴. – Значит, у нас больше нет времени, и вам придется действовать прямо сейчас, чтобы помешать вашему брату сделать то, о чем мы все будем сожалеть, – провести Ритуал Ночи.

Хаэриэль закрыла глаза и выдохнула:

– Ты сегодня принес мне целый букет печалей, ты это понимаешь?

– Тогда позвольте мне сделать вам два подарка, чтобы облегчить ваше тяжелое сердце. –

Релос Вар щелкнул пальцами, и рядом с ним на земле появился треугольный сверток⁸⁵.

Хаэриэль узнала его: арфа Валатея.

– Королева Валатея.

– Согласно нашему соглашению. Полагаю, вы знаете, что с ней делать.

Хаэриэль благоговейно провела рукой по арфе, нащупывая сквозь чехол струны.

– Да, да, конечно. – Она подняла глаза и встретила взглядом с Релосом Варом. – Два подарка?

– Второй дар – знание, – сказал Релос Вар. – Ваш сын, Кирина, жив.

Она уставилась на него. Казалось, воздух на поляне исчез, и она не могла сделать ни вдоха. Боль, торчащая в ее сердце кинжалом, начала исчезать. На лице Релоса Вара играла слабая улыбка, в глазах блеснул огонек – это был взгляд человека, который наслаждается реакцией, вызванной его словами.

– Это не смешно.

– А так и не должно было быть, – успокоил ее Релос Вар. – Я разговаривал с ним. Он жив.

– Дарзин и Гадрит принесли его в жертву Ксалторату. Я видела его тело. Оттуда никто не возвращается.

– Вы хотите сказать, никто не возвращался до Кирина, – сказал Релос Вар. – По причинам, которые мне не понятны и, честно говоря, которые я хотел бы понять, Ксалторат не съел душу Кирина и не превратил его в демона. Вместо этого, – он поднес пальцы ко рту и изобразил, что он что-то выдыхает, – они отпустили его. Ваш сын нашел Урганриэль. Он разбил Камень Оков. Он убил Дарзина, а затем убил Гадрита тем же мечом, после того как Гадрит завладел телом моего... – на последнем слове Релос Вар запнулся, – императора. Много лет назад я говорил вам, что ваш сын исполнит пророчества. Он делает это, и, честно говоря, без особой помощи с моей стороны.

– Значит, он собирается прибыть сюда.

Это был не вопрос. Она одновременно испытывала восторг и чистый ужас. Ее сын был жив...

Что означало, что ее грехи стали еще менее простительными. Оправдания испарились. Теперь он столкнется с ней – и со своим отцом.

⁸⁴ Разумеется, фактически это ведь не было ложью? Он просто упустил ту часть, что сам был теми «определенными силами», которые только что упомянул.

⁸⁵ Я полагаю, он скрывал его иллюзией? Призывы так не работают, но Вар действительно любит эти драматические жесты.

– Он уже здесь. Конечно, король Келанис вряд ли бросит все, чтобы увидеть его, даже с учетом Ритуала Ночи⁸⁶, – склонил голову Релос Вар.

Хаэриэль с трудом сдерживалась, чтобы не задохнуться.

– А он знает? Обо мне? О том... что случилось?

– Я уверен, что кто-то уже сказал ему об этом.

Она глубоко вдохнула.

– А теперь я должен задать вопрос: это что-нибудь меняет? Я был бы очень удивлен, если бы вы не замыслили мести тем, кто виновен в смерти Кирина. Теперь, когда вы знаете, что Гадрит и Дарзин мертвы, это отменяет ваши планы вернуть себе престол?

Глаза Хаэриэль расширились, и она громко рассмеялась:

– Нет. Боги, нет. Это не отменяет того, что мой брат предал меня, приказал убить, приговорил к Прогулке Предателя. Он заплатит за это. А Куур... Куур должен ответить еще за многое.

– Верно. – Релос Вар шагнул прочь, вскинул руки, словно призывая энергию, чтобы открыть врата, затем остановился и повернулся к Хаэриэль. – Знаете, в чем на самом деле проблема бессмертия?

Хаэриэль моргнула.

– Не уверена, что понимаю, о чем ты.

Релос Вар вернулся к ней.

– Бессмертие. Вам несколько сотен лет, так что я уверен, вы думаете, что все видели и знаете ответы на все вопросы. На самом деле – не видели и не знаете.

Она снова покраснела:

– Мне почти пятьсот лет...

Релос Вар махнул рукой.

– А мне больше четырнадцати тысяч. Я прожил больше, чем в этом мире живет все человечество.

Она закрыла рот. Иногда она забывала, что в гонке со временем Релос Вар мог посоревноваться с ванэ.

– Четырнадцать тысяч лет, – повторил Релос Вар. – И позвольте мне объяснить: проблема бессмертия не в том, что ты все забываешь. Не в том, что тебе становится скучно, – всегда есть чему поучиться. И даже не в том, как ты видишь, как люди, которых ты любишь, которые не бессмертны, умирают, – это трагично, но потеря – это часть жизни. Нет, ничего из этого. Проблема в том, что ты раз за разом видишь, как люди, о которых ты заботишься, совершают одни и те же *глупые* гребаные ошибки снова, снова и снова.

Хаэриэль нахмурилась:

– Я все контролирую, Релос.

– Контролируете? Я только что видел, как мой хороший друг растратил свою жизнь впустую, потому что тоже думал, что контролирует ситуацию. Хотя он совсем ее не контролировал⁸⁷. Не следуйте за ним, Хаэриэль. В *вашей* ситуации все закончится лишь слезами, если вы проигнорируете мой совет. Даже если не учитывать ничего иного, ложь – слабое основание для любви⁸⁸. – Он указал на укрытие под корнями и, по-видимому, на Терина, просто чтобы убедиться, что она поняла его мысль.

Хаэриэль выпрямилась:

– Я взрослая женщина. Я могу сделать свой собственный выбор.

На лице волшебника появилось покорное выражение:

⁸⁶ Разумеется, нет. Вы бы видели, какие впечатляющие бюрократические преграды поставили нам ванэ.

⁸⁷ Я предполагаю, что он подразумевает герцога Ажена Каэна Йорского. Он не может иметь в виду Гадрита.

⁸⁸ Честно говоря, кто знал, что он отнесется к этому так благоразумно?

– Как скажете, Ваше Величество. Но, пожалуйста, хотя бы подумайте над моими словами. Я предпочитаю, чтобы мои друзья умирали не от капризов какого-то трагического фарса, а от чего-то иного.

– Ты можешь *идти*, Релос.

Он открыл врата и ушел.

После того как он ушел, Хаэриэль на мгновение замерла, размышляя и положив руку на изгиб шейки Валатеи, а затем медленно выдохнула:

– Должна признать, утенок, это трудный выбор. Честно? Думаю, старикан в чем-то прав.

Хаэриэль резко обернулась. На краю поляны стояла женщина, которую Хаэриэль не видела уже двадцать лет – с тех самых пор, как она была служанкой Хаэриэль, той самой служанкой, которую Хаэриэль отправила к своим союзникам, поручив доставить к ним своего маленького сына и Кандалный Камень. Она совершенно не изменилась: красивая молодая куурка с кожей цвета меда и карими, как у лани, глазами. После двадцати прошедших лет это было невозможно, но Хаэриэль знала, что не стоит считать ее смертной.

Во имя всех звезд! Она даже носила то же самое платье.

– Лирилин? Но ты ведь уже не Лирилин, не так ли?

Коготь усмехнулась.

– И да и нет. Мы можем поговорить?

Хаэриэль не колебалась ни мгновения:

– Поговорить? Разумеется! – королева ванэ напала первой.

16. Путевые неудобства

(Рассказ Кирина)

Схватив Турвишара за локоть, я рывком потащил его по туннелю. Позади раздался злобный электрический вой, и пронзительно завопил песчаный кракен. Я не знал, какой эффект произвела буря хаоса, и, честно говоря, не хотел этого знать; я просто хотел выбраться из зоны ее действия.

Когда у меня начало колоть в бок и я стал задыхаться, я наконец остановился. И хотя, заметьте, я бежал не так уж быстро, как следовало, Турвишар все равно отстал.

Тераэт поднял руку:

– Этого должно быть достаточно.

– Ты думаешь, она нас не достигнет? – спросила Джанель.

– Думаю, если бы буря нас нагнала, это бы уже произошло.

Джанель прислонилась спиной к стене туннеля и медленно сползла вниз. Вытащив бурдюк с водой, девушка сделала глоток и поморщилась. Я отхлебнул вслед за ней и сразу понял, почему она сделала такое лицо. Я имею в виду, технически это, конечно, была вода, но ее чистота была весьма спорной⁸⁹.

– Мы можем остановиться здесь. – Тераэт сел. – Поспим немного, если сможем. Кто знает, как долго нам придется идти, пока этот туннель не закончится? Но если мы встретим еще одного песчаного кракена, я точно проверю, годится ли он в пищу.

Мой смех вышел весьма натянутым. Если мы встретим еще одного песчаного кракена, мы все просто умрем.

– Далеко не идеальный вариант, – сказал Турвишар.

Джанель улыбнулась:

– Мне нравится твой дар преуменьшать.

Но Турвишар не просто комментировал наше нынешнее затруднительное положение. Турвишар рассматривал свое длинное одеяние, темно-серое, а не то, обычно черное, которое носят члены Дома Де Лор. Ткань на поясе была окрашена в более темный цвет.

– У тебя кровь, – сказал я.

– Видите ли, я весьма блестяще заткнул за пояс кинжал, – пояснил Турвишар. – Значит, когда кракен схватил меня... – Он сильно побледнел. – Оглядываясь назад, можно сказать, что это была тактическая ошибка.

– Проклятье! Тераэт, помоги мне снять с него одежду. – Я пододвинулся к Турвишару, чтобы посмотреть, насколько серьезен был ущерб.

Весьма серьезен. Хотя кинжал и не нанес глубокой колотой раны, лезвие прошло весьма эффективно. Получалось, что Турвишар на протяжении всей битвы истекал кровью, но пока все сражались за свою жизнь, это можно достаточно легко игнорировать. Будь волшебник послабее, он наверняка истек бы кровью задолго до того, как превратил весь песок в стекло. Просто удивительно, что он не потерял сознания.

Я потянулся к ране, но Тераэт перехватил мою руку:

– Ты сказал, что исцеление здесь действует наоборот.

Я встретился с ним взглядом:

– Я был неправ. Сейчас все иначе. И он умрет, если я не исцелю его, так что давай выберем тот вариант, который даст ему хоть какой-то шанс. Вы двое должны быть готовы убежать.

⁸⁹ Учитывая, что у Бевросы было Дикое Сердце, я теперь нахожу это любопытным. Возможно, она не осознавала всей полноты своих способностей.

Я скользнул взглядом за Первую Завесу и посмотрел на Турвишара. Вуаль выглядела не так, как я ожидал; вместо обычных радужных аур мир заполняли хаотические вихри, мерцающие уродливые фрактальные водовороты. В одном из направлений переплетения хаоса становились все сильнее, и я знал – был абсолютно уверен, – что, если я последую к источнику, в центре меня будет ждать Вол-Карот. Чем дальше от этого монстра, тем меньше эффект. Я остановился на мгновение, ожидая, пока вихри вокруг меня ослабнут, а затем коснулся ладонью бока Турвишара.

Пока я был с Де Монами, моя мать недолго обучала меня, но гораздо больше я узнал во время своего пребывания на контролируемом Черным Братством острове Инистхана. Тьенцо с энтузиазмом одобряла возможность лечить раненых товарищей – или ее саму, – если возникнет такая необходимость. И разве вы этого не знаете? Оказывается, у меня есть талант к целительству.

Я снова связал меж собой перерезанные артерии и вены, извлек бактериальную инфекцию, которая уже начала распространяться, и, наконец, подарил Турвишару энергию, необходимую ему для пополнения запасов крови. Я был доволен собой, Мия бы мной гордилась.

Разве что ее звали не Мия. Это была Хаэриэль. Я постарался не думать о своей матери.

Под конец Турвишар посмотрел на меня своими более чем черными глазами, и пусть он был слаб, но, по крайней мере, улыбался.

– Я даже не могу придраться к твоей технике. Спасибо.

Я улыбнулся ему:

– Не за что. Но тебе следует поспать. Это нужно, чтобы восстановить силы.

Турвишар кивнул:

– Сомневаюсь, что смогу, учитывая, что спать не на чем, но я постараюсь.

– Ха! Думаю, твое тело с тобой не согласится... – Я осекся, почувствовав запах жареного мяса.

Я оглянулся и увидел, что Джанель нагрела каменный пол, используя его горячую поверхность для приготовления пищи. На мгновение меня охватила паника, но Джанель либо повезло, либо она работала с достаточно крошечными порциями энергии, чтобы избежать эффекта хаоса. А может быть, Тераэт помог, потому что именно он жарил куски выючного животного, осторожно переворачивая мясо, чтобы поджарить обе стороны.

– К счастью, в особых приправах они не нуждаются, но, боюсь, нам придется есть их по-кирписки. – Он завернул кусок мяса в ткань, оставшуюся от шелкового халата, и протянул Турвишару.

– И что значит «по-кирписки»? – спросил я.

– Просто *представь*, что это вкусно⁹⁰.

– Я безумно рада, что ты здесь, Тераэт, – сказала Джанель. – Я никогда в жизни не готовила. Я бы, наверное, просто дотла все это сожгла.

Эти слова вызвали одну из редких ярких улыбок Тераэта, которые заставляли облака расступаться и солнце сиять после месяца бурь. Я не успел отвернуться, и Тераэт поймал мой взгляд. На мгновение наши глаза встретились.

– Лови.

Тераэт перебросил мне все еще обжигающе горячий кусок. Я поймал мясо и принялся подбрасывать его на ладонях, пока оно не остыло, а затем вонзил в него зубы. Никаких специй. Никаких приправ. Это была самая вкусная еда, которую я когда-либо пробовал. Даже представлять ничего не требовалось.

Я подозревал, что это было больше связано с тем, что я был голоден, чем с качеством мяса.

⁹⁰ Это действительно является отличным описанием практически всей кухни ванэ из Кирписа.

Мы съели все мясо, которое разделал Тераэт. Поскольку у нас не было возможности его сохранить, не стоило оставлять его, чтобы оно испортилось. Ну нам ведь совершенно нечем было рисковать.

Оставалось только надеяться, что мы сбежим из Пустоши, прежде чем все умрем с голоду.

– Кажется, я знаю, почему заклинание Турвишара дало обратный эффект, – сказал я после того, как мы, покончив с ужином, уселись, скрестив ноги, освещаемые тусклым красным светом, горевшим в туннеле.

– Ты имеешь в виду, узнал точно так же, как в прошлый раз? – поинтересовался Тераэт.

– С первой попытки это сложно объяснить, – вздохнул я. – Как бы то ни было, всякий раз, когда я смотрю за Первую Завесу, весь этот регион кажется... порченным. Повсюду плавают хаотические скопления. Мне кажется, чем сильнее заклинание, тем больше вероятность того, что ты можешь попасть в это скопление. А ворота занимают довольно большую площадь. – Я намеренно не упомянул о том, что я сделал с Роламаром, или о том, что это весьма напоминало то, что сам Вол-Карот делал с людьми и предметами вокруг него.

Я отчаянно пытался об этом не думать.

– Как и человеческое тело. – Джанель откашлялась. – Я, конечно, не использовала свою силу специально, но... разве я не должна была тоже натолкнуться на такое скопление?

– Специально? То есть непреднамеренность ты понимаешь именно так? – Тераэт заломил бровь.

Джанель старательно не обращала на него внимания.

– Совсем не обязательно, Джанель, – сонно откликнулся Турвишар. – У тебя сильная аура без талисманов, в связи с чем она может служить буфером. Тебя может защищать твоя внутренняя сила. Именно поэтому в Академии учат не целиться в броню, и поэтому же для убийства волшебника лучше использовать кинжалы, а не мечи – они достаточно малы, чтобы быть защищенными аурой их владельца.

Я взглянул на Тераэта. Я всегда считал, что он использует кинжалы, потому что их легче спрятать.

– Предполагается, что ты спишь, – ткнул я пальцем в Турвишара.

– Но вы-то разговариваете! – Смешок Турвишара перешел в стон. – Кроме того, кто-нибудь из вас может ошибаться.

– Прости, Шарик, – Джанель.

Взгляд, которым он ее одарил, был столь восхитительно гневным, что я с трудом не расхохотался.

– Если это правда, – сказала Джанель, – мы, вероятно, сможем использовать магию, посмотрев за Первую Завесу, чтобы знать, что мы воздействуем на небольшую область или используем ее только на наших собственных телах.

– Это все равно слишком рискованно, – возразил Тераэт. – Мы все равно должны использовать как можно меньше магии!

– Разумеется! – отрезала она.

Глаза Тераэта сузились:

– Да что с тобой происходит?

– А, так мы сейчас будем говорить *о том*, что ты каждый раз сомневаешься или противоречишь всему, что я делаю или говорю? Я думала, мы уже это прошли.

– То, что я предлагаю быть более осторожными, не означает, что я противоречу всему, что ты делаешь или говоришь, – возразил Тераэт. – Ты ведешь себя безрассудно даже по твоим собственным меркам.

– Может быть, мне просто не нравится, что ты обращаешься со мной как с ребенком! – она повысила голос, Турвишар страдальчески вздохнул, и Джанель покачала головой и бросила на волшебника виноватый взгляд. – Прости, Турвишар.

Тераэт прищурился, изучая ее взглядом, а затем встал.

– Значит, я обращаюсь с тобой как с ребенком. Отлично! – Он повернулся ко мне. – Я собираюсь размять ноги. – и шагнул в темноту.

– Дай мне знать, если найдешь там няню, – крикнула Джанель ему вслед.

Молчание после ухода Тераэта стало напряженным и неловким.

– Ты ведь понимаешь, что он так со всеми обращается? – наконец сказал я. – Я имею в виду, я, конечно, не собираюсь оправдывать Тераэта, но он тебя не выделяет.

Джанель нахмурилась:

– А выглядит наоборот.

Я смерил ее долгим взглядом:

– Разве дело только в Тераэте?

Она скрестила руки на груди:

– Конечно!

Я ждал продолжения, заломив бровь. Джанель глубоко, судорожно выдохнула:

– Ладно, хорошо. Может быть, я веду себя так просто потому, что не могу поверить, что я позволила ему так обращаться со мной. Он превратил меня в приманку, использовал в качестве наживки, чтобы заставить тебя сотрудничать, иначе бы ты не согласился. Я позволила выставить себя душой! А потом он забрал Коуна...

Джанель имела в виду *не Тераэта*. Она говорила о *Релосе Вар*.

– Знаешь, что Релос Вар сказал мне сразу после того, как я разбил кристалл управления и освободил Вол-Карота? – Я мрачно усмехнулся. – Он сказал: «Не расстраивайся; на этот трюк поймалось довольно много очень умных людей», подразумевая при этом, что к этому числу «очень умных людей» я совсем не принадлежу. Я просто придурок! – Я покачал головой. – Это не твоя вина.

– Я знаю, – сказала она. – Но легче от этого не становится. Он превратил меня в игрушку, которую можно использовать и выбросить. Я никогда его не прощу.

– Вполне справедливо, – согласился я. – Меня он превратил в Вол-Карота, так что, знаешь... Я последний человек, который предложит тебе его простить. Но... Ты хочешь поговорить о Коуне?

Джанель уставилась на дальнюю стену, хотя я сомневался, что она задумалась именно о ней.

– Я просто не понимаю. Я этого даже не предполагала! Я не...

– Думаю, Коун пытался нам все рассказать, – сказал я. – Мы просто... мы не поняли его сообщения. Ты как-то сказала мне, что Вар окучивал тебя, но на самом деле он окучивал именно Коуна. В конце концов, Релос Вар – глава его религии. И даже то, что Коун нам рассказывал, не показывало Вара в плохом свете. Он всегда был так мил с Коуном. Всегда приносил Коуну его любимые блюда. Релос Вар открылся ему, доверил секреты, заставил почувствовать себя особенным. Кто бы не поддался на это? Уж точно не я!⁹¹

– Я просто надеялась, что это могут быть какие-нибудь чары... – Джанель сжала кулаки на коленях, а затем медленно, палец за пальцем, разжала их. – Я не хочу верить, что Коун ушел по собственной воле. Я так хочу, чтобы он находился под каким-нибудь заклятием. – Она

⁹¹ И ты поддался. Только тебя окучивал не Релос Вар. Как ты думаешь, что случилось на Инистахане?

покачала головой. – Я знаю, на самом деле все было совсем не так. Коун думает, что поступает правильно. Что бы это ни значило.

– Эй, а я не хочу верить, что моя мать убила всех Де Монов, до которых могла дотянуться, но... – Я скорчил гримасу. – Мне очень жаль. Я знаю, что для тебя значил Коун.

– *Значит*, – поправила Джанель. – Он очень много *значит* для меня. Коун – мой лучший друг, Кирин. Он стольким пожертвовал ради меня, никогда ничего не прося взамен. И разве я принимала это как должное? Если бы я была рядом с ним...

Я подошел, сел рядом с Джанель и обнял ее. Возможно, при других обстоятельствах я бы этого не сделал, но моя спутница была родом из культуры, где физическому контакту придавали гораздо больше значения, чем в моей.

Джанель уткнулась лицом мне в грудь и крепко обняла.

Слабый красный свет, горящий в туннеле, отразился в глазах Турвишара, и я понял, что волшебник все еще не спит. Он молча и не шевелясь наблюдал за нами.

Я чувствовал, что в глубине туннеля, там, где я его не вижу, находится Тераэт. Я знал, что он остановился и обернулся. Что Тераэт наблюдает за нами из темноты.

Я прижал Джанель к себе и постарался выкинуть это из головы.

17. Клятвы верности

(История Хаэриэль)

Четырнадцать дней назад...

Коротким жестом призвав порыв ветра, Хаэриэль заставила мимика взмыть в воздух и постаралась привести мысли в порядок, создавая молнию – невероятно горячий электрический разряд, способный оглушить даже такое существо.

Но Коготь не сопротивлялась.

Когда ветер швырнул ее в небо, она выглядела почти безмятежной и не сделала ни малейшего движения, чтобы освободиться. Никаких попыток напасть на Хаэриэль. Она лишь протяжно взвизгнула:

– Уи-и-и-и!⁹²

Хаэриэль не опустила ее на землю, а лишь уменьшила силу шторма.

– Знаете, а я ведь пришла с миром, – выкрикнула Коготь, перекрывая вой ветра.

Дверь в убежище, спрятанное среди корней, отворилась, и наружу выглянул Терин.

– Что тут происходит?.. – Он уставился на парящую в воздухе фигуру. – Кто это?

– Ох, утенок, я так разочарована, что ты меня не узнаешь, – промурлыкала Коготь. – Право, это ранит мои чувства. Я так расстроена!

– Возвращайся в дом, – сказала Хаэриэль Терину.

– Да, так и сделаю! – ответил он и, выйдя наружу, пинком закрыл дверь за собой.

Хаэриэль нахмурилась, но и протестовать не стала. Чары – это не гаэш, напомнила она себе.

– Это мимик, проникший в наш дом. Тот самый мимик, который работал на Дарзина. У нее не может быть никаких добрых намерений.

– О, вы так ошибаетесь, – возразила Коготь, – но – хей! – я вас понимаю. В самом деле. Я бы тоже себе не доверяла. Дарзин мне доверился – и посмотрите, к чему это привело. Кстати, мне безумно нравится, что вы сделали со своими волосами.

– Сейчас я разорву тебя на мелкие кусочки, – сухо обронила Хаэриэль.

– Может, нам стоит хотя бы послушать, что она скажет? – Терин прикрыл глаза ладонью, разглядывая фигуру мимика, распростертую в позе парящего орла. Мужчина нахмурился и потряс головой, словно надеясь прояснить ее содержимое.

– Да, – согласилась Коготь. – Может, вам стоит хотя бы послушать, что я скажу?

Хаэриэль гораздо сильнее волновало выражение лица Терина. Сейчас, когда мимик находилась в воздухе, это очень напоминало то, как она обращалась с самим Терином в той битве, которую она заставила его забыть. И если продолжить, воспоминания могут вернуться.

Хаэриэль опустила Коготь на землю.

– Очень хорошо. Говори. Но если мне не понравится то, что ты скажешь, я тебя убью. И, поверь мне, я знаю очень много способов убить такую, как ты.

– О, я вам верю, – согласилась Коготь. – В конце концов, именно вы меня создали. Не в смысле, что вы – как *вы*. Скорее *вы* – как главные ванэ.

– И это была дорогостоящая ошибка, – прорычала Хаэриэль. – И мне совсем не *нравится*, что ты говоришь!

Коготь вздохнула:

– Раньше у вас было чувство юмора получше. Вам кто-нибудь это говорил? Вообще-то, недели супружеского блаженства должны были вызвать больше улыбок на вашем лице. Ой!.. –

⁹² Мне совершенно не трудно в это поверить.

Она вскинула руку, чтобы предотвратить нападение Хаэриэль, но вместо этого вдруг распростерлась на земле перед ванэ.

– Что ты делаешь? – удивился Терин.

Коготь подняла голову:

– Разве это не очевидно? Я вверяю себя королеве. Обещаю полную и безоговорочную преданность. Клянусь, я никогда не переставала быть преданной вам, Ваше Величество. Ни на миг. Теперь, когда вы свободны, я хочу продолжить помогать вам любыми способами, которые вы сочтете нужными.

Хаэриэль не отводила взгляда от Коготь.

– Ты ведь это несерьезно. Я не могу довериться мимике. И, разумеется, я не могу доверять ни одной клятве, которую ты мне дашь.

– Тогда вы можете довериться моему хорошо развитому эгоизму, – сказала Коготь. – Я... знакома... с пророчествами и знаю, что происходит, а потому могу сообразить, что Вол-Карот проснулся.

– Подожди, что ты только что сказала? – спросила Терин. – Вол-Карот проснулся?

– Эй, утенок, ты знаешь, кто такой Вол-Карот! – ухмыльнулась Коготь. – Получается, ты действительно лучше образован, чем большинство куурцев?

– Я сама только что узнала о Вол-Кароте, – призналась Хаэриэль. – И собиралась рассказать тебе, как только вернусь.

Коготь продолжила:

– А значит, следующий шаг заключается лишь в том, чтобы истинный правитель для единственной нестареющей расы провел Ритуал Ночи, который лишит ванэ бессмертия и снова заключит Вол-Карота в тюрьму. Хотя бы на какое-то время.

Взгляд Хаэриэль стал ледяным:

– Я никогда не позволю свершиться Ритуалу Ночи.

– О, я тоже этого не хочу! Не могу не заметить, что продолжительность заключения Вол-Карота с каждым разом становится все короче, и у нас почти закончились все бессмертные расы. И от чего же нам, по требованию богов, придется отказаться в следующий раз? – Коготь встала на колени и положила руку на сердце. – Ну, я могу быть сумасшедшей, опасной и, признаюсь, чересчур люблю нетрадиционную кухню⁹³, но под моей очаровательной, постоянно меняющейся внешностью я – ванэ⁹⁴. Я не хочу быть смертной. – Она перестала улыбаться. – Я отказываюсь быть смертной. А это ведь значит, что я не могу поддерживать короля Келаниса?

Хаэриэль посмотрел на Терина.

– Это ведь будет ошибкой? Я ведь совершу ужасную ошибку, если оставлю ее в живых?

Он нахмурился:

– Я ненавижу себя за эти слова, но она может быть полезна.

– Как и огонь, пока он не выйдет из-под контроля, – согласилась Хаэриэль, опуская руку. – Хорошо. Давай обсудим, как ты можешь послужить своей королеве.

Коготь в восторге захлопала в ладоши.

⁹³ Нетрадиционную, канибалистскую кухню.

⁹⁴ Технически. Или, по крайней мере, физически.

18. Плохие сны

Кирин покачал головой.

– Да, это была ошибка. Огромная ошибка. Подружиться с Релосом Варом и пощадить Коготь. Моя матушка совершенно несовместима со здравым смыслом.

– Они не знали Коготь настолько хорошо, как ее знали мы, – сказал Турвишар. – А последний раз, когда я увидел твоих родителей, я был не в состоянии предупредить их.

(Рассказ Кирина)

Моргаджи дали нам всего два одеяла. В туннеле не было холодно, но нам не хотелось спать на голом камне. Так что мы расстелили наши одеяла и расположились поудобнее, устроившись спать совершенно по-джоратски: прижавшись друг к другу. Я настаивал на том, чтобы Джанель спала рядом с Турвишаром, потому что температура ее тела была столь вулканически горячей, что она могла согреть не хуже камина. Кончилось тем, что благодаря тому, что я раньше с ней познакомился, я спал рядом с Джанель – до тех самых пор, как Тераэт вернулся в лагерь. И как только Тераэт вернулся, он свернулся калачиком рядом со мной.

Чуть позже чья-то рука тряхнула меня за плечо, вырывая из кошмара, который мне снился.

– Эй! – Губы Тераэта скривились. – Некоторые из нас пытаются заснуть, – прошептал он.

– Извини, – сказал я. – Плохой сон. – Я медленно моргнул, просыпаясь. Я почувствовал, что к моей спине прижимается спина Джанель, и увидел, как Тераэт повернулся на бок, подперев голову локтем, и посмотрел на меня.

– И с чем он связан? – прошептал Тераэт.

– Дам тебе подсказку. Это рифмуется с *Память души*.

– «Хлеб и гуляши»? Странно, что это может быть кошмаром. – красное свечение фонарей, горящих в туннеле, озаряло его лицо. В их свете его глаза казались темными, но я помнил достаточно, чтобы заставить себя поверить, что они зеленые.

Я невольно усмехнулся и повернулся на тонком одеяле лицом к нему:

– Если бы.

А потом я все испортил. Меня охватила паника. Я не мог точно определить ее источник, понять, было ли это волнение, или тревога, или смесь того и другого, но глаза Тераэта расширились. Он сделал слишком поспешные выводы о том, что же может означать моя реакция. Он был обижен, расстроен, даже зол... Его глаза сузились.

Рядом застонала во сне Джанель.

Мы с Тераэтом долю секунды смотрели друг на друга, затем услышали все так ясно – и обернулись. Джанель вздрогнула, как иногда бывает при плохом сне, и пробормотала себе под нос что-то неразборчивое, а потом тихо и испуганно выдохнула:

– Нет!

Джанель тоже снился кошмар. Вот только Джанель не могли сниться кошмары, потому что Джанель не видела снов. Когда другие люди спали, Джанель скорее умирала, все ее телесные реакции замедлялись, а ее душа-близнец бродила по Загробному миру.

И все же сейчас она *спала*.

Я коснулся ее плеча так же, как до этого Тераэт касался моего, а ванэ наклонился надо мной, чтобы лучше рассмотреть. Я не мог разбудить Джанель, но только если сейчас действительно была ночь. Ее тело, казалось, знало разницу, независимо от того, где мы находились. И все же у меня было ощущение, что здесь происходит что-то еще.

Ее глаза распахнулись.

– Тебе приснился плохой сон, – сказал я.

Глаза Джанель распахнулись.

– Мне... что? – Некоторое время она лежала неподвижно, тяжело дыша, а затем побледнела. – Как мило. Так вот чего мне не хватало все эти годы.

– Предполагаю, что Вол-Карот вмешивается в твою способность перемещать твои души в Загробный мир, – прошептал Тераэт.

Джанель села:

– Вот тебе и попытка связаться с Арасгоном.

Я мысленно дал себе пощечину. Я забыл – как всегда! – о способности Джанель общаться в Загробном мире со своим спутником – огнекровкой. Теоретически она могла бы передать сообщение Восьми Бессмертным, хотя не ясно, могли ли они что-то сделать для нас в Пустоши. И все же я об этом не подумал. А вот Джанель вполне, но это не сработает, если она не сможет попасть в Загробную жизнь.

– Знаешь, – сказал Тераэт, – когда я был маленьким, если мне снился кошмар, я забирался в постель к матери. Звучит банально, но это всегда помогало. – Тераэт похлопал по одеялу между нами. – Почему бы тебе не придвинуться? С Турвишаром все будет в порядке, а мы защитим тебя от дурных снов. – Он улыбнулся ей. Думаю, Тераэт хотел извиниться за то, что было раньше вечером.

Я сочувственно поморщился. Я понимал его чувства, они отзывались эхом у меня в душе, но они были готовы взорваться у него перед носом. «*Я защищу тебя*» – это фраза, которую не стоило произносить при Джанель Теранон. Юношеская шутка только усугубила ситуацию, подчеркнув детскую роль. Это мог бы провернуть Турвишар, потому что Джанель не считала его «жеребцом»⁹⁵ и поэтому не восприняла бы его предложение как вызов ее авторитету. Коун? Ну да. Это бы спустили с рук Коуну. Но, вероятно, не мне и уж *точно* не Тераэту.

Джанель моргнула, всего один раз.

– Мне и тут хорошо.

Я потер шею и вздохнул. Джанель выглядела раздраженной, Тераэт был в замешательстве. И мне не хотелось играть роль рефери и объяснять, как они оба облажались.

– У всех нас достаточно боеприпасов, чтоб отбиться от ночных кошмаров. Я проснулся, потому что мне приснился такой же. – Я улыбнулся Джанель. – Давай просто... давай попробуем немного отдохнуть.

Ее взгляд смягчился, и она кивнула. Я снова устроился рядом с ней. Я знал, что позади меня находится злобный убийца – ванэ из Манола, но сейчас было не время и не место, чтобы все исправлять. Свободной рукой я жестом подозвал Тераэта поближе. Это было лучшее, что я мог сделать.

Тераэт устроился рядом со мной. И мы снова попытались уснуть.

Ни одна история о божьей короле, которую я когда-либо изучал на коленях моего приемного отца Сурдые, никогда не готовила меня к тому, что я застряну в древнем ворасском туннеле без еды, воды и возможности уединиться.

Как раз последнее и было проблемой.

Когда на следующее утро (или тогда, когда было утро, а может, и не было) я проснулся, выяснилось, что Джанель, Тераэт и я сменили позы. Все были полностью одеты, но в таком тесном помещении шелк Манола казался чертовски тонким.

Вполне обычная ситуация для утреннего пробуждения.

К счастью, Тераэт все еще спал, а это означало, что это должно было быть невероятно неловко только для одного из нас.

⁹⁵ Должен ли я обижаться на это? Честно говоря, не уверен.

Я высвободился и медленно сполз с импровизированной кровати. Тераэт пошевелился и издал какой-то звук – наверное, несмотря на все мои усилия, я его все-таки разбудил. Джанель продолжала спать – похоже, она, даже не впадая в магическую кататонию, спала довольно крепко. Я решил, что безопаснее всего ничего не говорить, а потому встал и, неловко спотыкаясь, пошел по туннелю к уборной.

В качестве уборной мы использовали небольшой отрезок туннеля, расположенный достаточно далеко от лагеря, чтобы нам не пришлось нюхать результат. Поскольку у нас не было безопасного способа выкопать яму или даже помыться, все это было совершенно ужасно.

Если мы не сбежим из этих туннелей, болезнь может прикончить нас задолго до голодной смерти.

Когда я вернулся, Тераэт прошел мимо меня, ничем не показывая, что несколько минут назад произошло что-то неловкое. Я избегал смотреть ему в глаза, по-прежнему чувствуя себя некомфортно. Единственным человеком, с которым он, казалось, хотел глубоко преданных романтических отношений, была Джанель. По крайней мере, я так предполагал; он лгал мне о Джанель и даже зашел так далеко, что однажды сделал ей предложение руки и сердца⁹⁶. Так что до тех пор, пока я не придаю этому большого значения, Тераэт не примет близко к сердцу, если я скажу ему, что меня это не интересует.

Я напомнил себе, причем довольно твердо, что меня это не интересует.

После возвращения Тераэта ушла Джанель, а когда она вернулась – Турвишар. Я в последний раз осмотрел Турвишара, стараясь не касаться раны грязными руками. Думаю, я залечил все как следует, но мне бы очень не хотелось ошибиться.

– Ты готов как никогда, – сказал я ему.

– И мы не можем ждать, пока я полностью выздоровею, – сказал Турвишар.

– И это тоже.

Никто не упомянул, насколько все было ужасно. Все и так это знали.

Мы не бежали, зная, что не можем позволить себе загнать себя до истощения. Если говорить точнее, мы просто шли до тех пор, пока не были вынуждены останавливаться: от судорог, или голода, или, как это было несколько раз, натерев волдыри. Мы останавливались, решали проблему и снова двигались дальше.

Через некоторое время это все уже перестало иметь какое-либо значение. Мы не знали, как долго мы шли. Мы просто понимали, когда мы слишком устали, чтобы продолжать идти. Мы еще несколько раз ложились спать; ни у кого не было достаточно сил, чтобы болтать или флиртовать. Моргаджи дали нам сушеного вяленого мяса (я не знал и не хотел знать его происхождения) и маринованных личинок. Мы заставили себя съесть и то и другое. Я проклинал себя за то, что я так и не попросил мастера Лоргрина, главного лекаря Синего дворца в Кууре, научить меня вызывать воду. Лоргрин был прав: это было бы чрезвычайно полезно.

Когда, как мне казалось, шел уже четвертый день, мы увидели впереди свет.

– Тераэт...

– Я тоже это вижу. Давай я разведу, что там впереди. – ванэ из Манола рванулся вперед. Мы замедлили ход, но никто не остановился.

Я услышал глухой рев.

– Это что, вода? – спросила Джанель.

Мы посмотрели друг на друга, а затем ускорили шаг. Поравнявшись с Тераэтом, мы увидели, что туннель заканчивался большой железной решеткой, пропускавшей солнечный свет. Было слышно, что за ней бежит вода, но увидеть ничего было нельзя.

– Этой решетки не должно здесь быть, – сообщил я. – Похоже, ее поставили ванэ.

⁹⁶ По общему признанию, упомянутое предложение произошло в Загробном мире, и я не уверен, что Тераэт был при этом серьезен, но, полагая, я могу понять, почему Кирил мог прийти к другому выводу.

Тераэт кивнул:

– Туннель обрывается слишком резко. Я предполагаю, что ванэ просто поставили заглушку, чтобы монстр не сбежал с Пустоши. К сожалению, она так же отлично справится и с тем, чтоб помешать *нам* сбежать с Пустоши.

– Думаю, мы достаточно далеко от Вол-Карота, – сказал Турвишар. – Пожалуйста, позвольте мне. – Он подошел к решетке, положил руки на металл, и он просто разошелся в разные стороны, словно состоял из тонкой бумаги, а не из трех дюймов прочной стали.

– Я вдруг вспомнил, почему мы позволяем тебе быть с нами, – сказал Тераэт.

– Благодарю. Похоже на то.

Я выглянул наружу.

– У нас есть другая проблема.

Вода лилась не из водосброса, а из настоящего водопада, расположенного в пятидесяти футах от нас, где тот же самый утес, в который выходил наш туннель, описывал широкую дугу, уходя от Кортаэнской Пустоши на север. Проблема заключалась в том, что нам необходимо было как-то спуститься вниз, на сорок футов, к расположенному там озеру.

В общем, нас ждал долгий путь вниз.

19. Город на пути

Турвишар покачал головой.

– По-моему, ты не в том положении, чтобы что-то говорить относительно постельных привычек своих родителей.

Кири́н заломил бровь.

– Извини?

– У тебя не возникло проблем с описанием собственного физического возбуждения, – заметил Турвишар. – Чем это отличается от Терина и Хаэриэль?

– Я не боюсь эрекции, Турвишар. Я просто не хочу представлять, как ее испытывал мой отец.

Волшебник потянулся за чаем и покачал головой.

– Возможно. Я просто не могу поверить, что я все это проспал.

(Рассказ Терина)

Терин подозревал, что Хаэриэль задерживается из-за него. И поскольку он был человеком, привыкшим быть одним из самых могущественных людей в Кууре – и, следовательно, во всем мире, – ему это совсем не нравилось. Ведь если бы его не было, Хаэриэль немедленно приступила бы к исполнению своих расчетов, поиску союзников, возобновлению связей, осуществлению планов по возвращению трона. Вместо этого она потратила время на то, чтобы дать Терину ускоренный курс по воралу, языку ванэ, а также научить упрощенным заклинаниям, которые знал каждый ванэ. Эти заклинания позволяли видеть в темноте, отпугивать насекомых и спасти себя от грязной смерти, если случайно споткнешься и упадешь с высокого моста. Ванэ редко посещали надземную часть джунглей – вот почему убежище Хаэриэль располагалось именно там.

И если бы его там не было, их следующая поездка вообще бы не требовалась.

– Это место называется Колодцем Спиралей, – объяснила ему Хаэриэль. – Его можно считать святым местом. Именно здесь мы обучаем наших детей.

– А зачем мы туда едем? – спросил Терин. – Насколько я знаю, мы не взяли с собой детей, хотя, конечно, практиковались в их изготовлении. – Теперь он мог шутить об этом. Известие, что Кири́н не мертв, сняло с плеч Терина груз, о существовании которого он не подозревал до его исчезновения.

Хаэриэль улыбнулась ему через плечо.

– Это не единственное предназначение колодца. Скоро все станет ясно.

Открыть врата было невозможно из-за чего-то, называемого *барьерной розой*, поэтому они поехали на вельсанаунде, очень напоминавшем игуану размером с лошадь. Велсанаунды были специально выведены, чтобы легче ориентироваться в лесистых окрестностях джунглей, где был их дом; Терин мог только представить, насколько страшными они могут быть в бою.

Конечно, на самом деле вельсанаунда у них не было, хотя Хаэриэль предупреждала его, что в джунглях могут быть дикие вельсанаунды.

Итак, они ехали верхом на Коготь. Терин старался не думать об этом.

Кроны деревьев сомкнулись над головой, и пятнистое желто-зеленое освещение, к которому он привык у границ Манола, быстро потемнело. Земляной покров становился все меньше по мере того, как тускнел солнечный свет, и наконец они оказались в лабиринте деревьев, напоминавших темные элегантные башни, торчащие из земли. Запах цветов, суглинистой земли и запах, который он мог описать только как «зеленый», окутывал их, иногда перемежаясь смолистой пряностью древесного сока. Терин и не заметил, как начались древесные дороги. Только

что они все еще ехали по земле, а в следующую минуту гигантский ящер – *Коготь*, напомнил он себе, – прыгнул вперед и вверх на ряд ветвей, которые, как можно было только предположить, росли так совсем не случайно.

Дальше они двигались не ниже тридцати футов над землей, причем это расстояние быстро сменилось тридцатью футами над водой, когда они въехали в затопленные джунгли. От буйства дикой природы воздух казался липким. Немногие существа в Маноле жили на вечно затопленной земле, большинство либо спускалось под воду, либо устраивало свои дома под навесом.

В том числе так поступали и ванэ.

Когда они наконец добрались до ослепительно сиявшего города ванэ, на высоких, толстых деревьях был срезан лесной полог, так что солнечный свет вспыхивал золотом на словно вылепленных зеленых листьях. Окутанная деревьями, оплетенная ветвями, кружевная сеть зданий лежала, подобно браслетам из драгоценных камней, на идеально вылепленных ветвях деревьев. В лучах послеполуденного солнца сверкали рубинами, изумрудами или аметистами витражи, а цветочные ароматы, яркие надкрылья насекомых и крылья бабочек создавали гобелен, слишком сложный и удивительный, чтобы охватить его сразу.

– Боги, – ошеломленно прошептал Терин.

– Это маленький город, – сказала ему Хаэриэль, – и мы здесь не для того, чтоб смотреть на него. К сожалению, он стоит у нас на пути.

– «К сожалению»? Что это значит? – От ужаса у Терина сжался желудок, хотя он еще не понимал почему⁹⁷.

Словно в ответ, на мостике возникла стена фиолетовой энергии. Коготь, завизжав, остановилась.

Из здания вышел ванэ с темно-зеленой кожей и более светлыми волосами, цвета омбры. Терин не мог сказать, мужчина ли это или женщина.

– Стой, – сказал он на ворале, который Терин едва понимал.

Хаэриэль спешила, прижимая арфу к себе, как ребенка:

– Рада снова тебя видеть.

Незнакомец прищурился, а затем распахнул глаза. А затем заговорил столь быстро, что Терин ничего не понял.

Терин тоже спешил. Возможно, он и не понимал, о чем идет разговор, но это не было похоже на то, что гостей принимают дома с распростертыми объятьями.

– Пожалуйста, – сказала Хаэриэль.

По крайней мере, это слово Терин знал.

У ванэ было очень неприятное выражение лица, так что Терин не особо надеялся на мирное разрешение конфликта. Внезапно он заметил, что здание через дорогу вдруг осветилось изнутри и из дверного проема вырвался сопровождаемый криками гигантский восьмилапый паук.

Демон. Демон поджег дерево.

Ванэ резко развернулся к Хаэриэль.

– Я не имею к этому никакого отношения, – запротестовала она.

Поверили ли ей или нет, но ванэ посчитал демонов более могущественной угрозой. Бросив в их сторону последний встревоженный взгляд, ванэ рванул сражаться с новыми захватчиками.

В магическом барьере, преграждавшем им путь к выходу с моста, открылась новая брешь в реальности, и появился еще один демон – чудовище около десяти футов ростом, с головой огромного тигра и гигантскими орлиными лапами вместо рук и ног. Если он и был какого бы

⁹⁷ Полагаю, из-за всей этой бойни у Де Монов. А ведь Релос Вар ее предупреждал.

то ни было пола, это было не очевидно, хотя, исходя из выпуклых мышц и их размера, его можно было бы принять за мужчину. Это казалось столь... знакомым, но, с другой стороны, с тех пор как были сломаны гаэши, вокруг сновало слишком много демонов.

Демон заметил их, оглянулся, а затем отвлекся от остальных и направился в их сторону.

****Я ТЕБЯ ЗНАЮ, – прорычал он. – Я ВСТРЕЧАЛ ТЕБЯ И ТВОИХ ДРУЗЕЙ В ФЕОНИЛЕ.****

Хаэриэль в замешательстве повернулась к Терину, догадавшись, что демон обращается именно к нему. Сначала мужчина не понял, о чем говорит чудовище, но потом вдруг вспомнил.

– Феонила? – Терин усмехнулся. – Ты тот демон, которого мы убили?.. Это было тридцать лет назад!⁹⁸ – нахмурился он.

****Я НИКОГДА ЭТОГО НЕ ЗАБЫВАЛ.****

– Пустая болтовня о проклятой обиде... – Терин обнажил меч. – Напомни, кем из них ты был? Фегасором?

****БЕЗАГОРОМ!**** – взревел демон.

– Неважно. По правде говоря, ты не такой уж запоминающийся.

Хаэриэль цокнула языком, и Терин был совершенно уверен, что это сопровождалось закатыванием глаз.

Демон зарычал и, вытянув лапы, рванулся к нему, цокая птичьими когтями по деревянному полу.

Хаэриэль призвала ветер, а Терин вышел вперед с мечом. Он взмахнул клинком в воздухе, и на брюхе демона появилась алая линия. Безагор глянул на себя и зарычал, затем взмахнул лапой, и рана затянулась.

Терин подавил желание поморщиться; если бы демон был способен на это в прошлый раз, он бы помнил:

– На этот раз все пройдет для тебя не лучше, чем в прошлый.

****ПРОШЛО ТРИДЦАТЬ ЛЕТ. С ТЕХ ПОР Я ПИРОВАЛ ТЫСЯЧАМИ ДУШ.****

Терин сосредоточился на нанесении ран демону, а из одного из дверных проемов, расположенных в дереве, выскользнула и метнулась вперед тень. Терин не замечал этого, пока Безагор, отброшенный назад одной из атак Хаэриэль, не споткнулся. Отвечая на неверный шаг, тень прыгнула вперед, бесшумно скользя за спину Безагора с изогнутым мечом, и легким взмахом отрезала руку демона, словно та была из бумаги.

Терин глянул в лицо мужчине и вздрогнул. Он ожидал увидеть ванэ из Манола, умеющего хорошо скрываться и смертоносно владеющего мечом. Но это был вовсе не человек. Это был другой демон. Тени, окружавшие незнакомца, были самыми настоящими, они спиралью расходились в теневые завитки, собравшись у ног демона, когда существо замерло, воспользовавшись тем, что Безагор отвлекся. Лицо было скрыто безглазой керамической маской. Демон-тень остановился. Возможно, он смотрел на Терина, но сказать наверняка было трудно.

Терин ожидал злорадства или оскорблений. Для демона это было бы нормально. Но этот? Лишь промолчал. Демон коротко кивнул ему и продолжил рубить Безагора.

Впрочем, тот пал совсем не легко.

****Я УНИЧТОЖУ ВАС ВСЕХ!****

Голубое пламя спиралью вырвалось из его тела, а из обрубка выросла рука, полностью состоящая из огня.

– Терин, беги! – закричала Хаэриэль.

⁹⁸ Я нашел упоминание о группе путешественников, столкнувшихся с демоном в городе Феонила, изгнавших и уничтоживших его. Их имена не назывались, но, основываясь на описании, я подозреваю, что это вполне могли быть Терин Де Мон, Корен и Никали Миллигресты, а также Санд.

Терин отступил на шаг, и там, где он только что стоял, пронесся огонь. Мужчина даже сквозь подошвы ботинок почувствовал ледяной холод – острую, доводящую до онемения, похожую на обморожение боль. А затем на жестокого демона прыгнул вопящий шар из чешуи и когтей, с какими-то странными придатками, похожими на щупальца, растущими из спины.

– Уходите! Это ваш шанс! – рявкнула Коготь.

Хаэриэль подняла арфу и схватила Терина за руку:

– Сюда!

Терин видел, что Коготь была права: магическое поле, преграждавшее им путь, исчезло.

Он слышал, как зашипел Безагор. Второй голос принадлежал Коготь, хотя Терин не смог бы сказать, кричала ли она от боли или удовольствия. Терин почувствовал укол раскаяния, но быстро его подавил. Он не понимал, что заставило Коготь сделать столь героический жест, но сейчас было не время задавать вопросы.

Демон-тень вообще не издал ни звука.

Они взбежали по деревянным пандусам, расположенным вокруг города, пробираясь между зданиями и стараясь избежать беснующихся демонов. Весь город пылал. Терин предполагал, что ванэ, конечно, обладали какой-то фантастической магией для тушения пожаров, но все усложняло то, что демоны убивали любого, кто пытался это сделать.

Хаэриэль провела Терина через металлическую арку – единственную металлическую конструкцию, которую он видел до сих пор, – а затем повела вниз по пандусу. Теперь Терин начал понимать, как город может быть «на пути».

Городские деревья соединялись вместе, так что в центре гигантских стволов образовалась пустота – примерно сорок футов в диаметре. Серебряные желоба ловили дождевую воду и направляли ее по спирали вокруг внутренней части здания, в то время как толстые ветви, достаточно широкие, чтобы идти вниз, создавали пандус, спиралью спускающийся к самому дну.

Хаэриэль без колебаний направилась вниз, сжимая в руках арфу. Немного поколебавшись, Терин направился за ней.

Когда они спустились по пандусу, свет снова потускнел, и светящиеся фонари, свисающие с ветвей и стен, стали единственным освещением. Потом на стенах вспыхнуло огромное количество огней – их было слишком много для того, чтобы они были обычными фонарями. Скорее они походили на звезды. И чем дальше спускались путешественники, тем заметнее становилось сходство.

– Мне следует начать беспокоиться? – спросил Терин.

– Нет, это займет всего мгновение.

Звезды начали кружиться, все быстрее и быстрее, образовав светящуюся белую стену, вспыхнувшую последний раз – до боли в глазах – и погасшую.

А потом они оказались совершенно в другом месте.

20. Они охотятся стаями

– Система Врат ванэ намного круче нашей, – проворчал Кирина.

Турвишар вздохнул.

– Ты не ошибаешься.

(Рассказ Кирина)

Мы с Тераэтом осмотрели окружавшую нас скалу. Туннель выступал на несколько футов вперед, так что вернуться к скалам было затруднительно. Конечно, лианы и ползучие растения довольно крепко цеплялись за скалу, а та выглядела достаточно прочной, чтобы выдержать вес альпиниста. Но видимость может быть обманчива. А вот водопад казался достаточно безопасным; я сомневался, что он достаточно силен, чтобы затянуть кого-нибудь под воду.

Тераэт посмотрел на меня.

– Что ты думаешь?

– О нас двоих? Влегкую. А вот эти двое? – Я указал на Джанель и Турвишара. – Не думаю.

– Я умею карабкаться! – Джанель скрестила руки на груди.

– Уверен, что умеешь, – согласился я, – но это требует немного другой специализации, чем та, к которой ты привыкла.

– Я просто открою врата, – сказал Турвишар. – Мы больше не в Пустоши.

– О! Точно. Разумеется, дерзай. – Я отступил, чтобы дать мужчине место.

Турвишар сосредоточился и произнес заклинание.

– Это уже не смешно! – Турвишар выглядел оскорбленным. – Вы ведь понимаете, что я в этом весьма хорош!⁹⁹

Мы все ждали, но никакой бури хаоса не последовало. Тераэт скорчил гримасу.

– Держу пари, мы снова внутри барьерной розы.

Мы застонали. Единственная причина, по которой именно Восемь Бессмертных должны были открывать врата в Столицу ванэ, заключалась в том, что магическая сеть ванэ – барьерная роза – препятствовала использованию врат и телепортации. Что, хотя и было просто прекрасно с оборонительной точки зрения – именно поэтому, собственно говоря, император Кандор и был вынужден вторгаться в Манол по старинке, – оказалось неудобным с нашей точки зрения.

– Подождите. – Я повернулся к остальным. – Как долго мы были без сознания? В смысле, транспортировка нас на Пустошь заняла, должно быть, несколько недель.

– Вернемся, тогда и узнаем, – пожал плечами Тераэт.

Я снова сосредоточился на нашей нынешней проблеме и указал вниз, на озеро:

– Ладно, тогда я спущусь и посмотрю, достаточно ли глубоко озеро, чтобы просто в него прыгнуть.

– Я пойду. – Тераэт бросил на Джанель быстрый взгляд.

Я нахмурился:

– Эй, кто из нас профессиональный грабитель?

– Я лучше плаваю. – И, прежде чем я успел возразить, Тераэт развернулся и прыгнул на покрытый виноградными лозами утес.

Джанель вздохнула.

Я старался держать Тераэта в поле зрения, но мне безумно мешал угол наклона стен туннеля. Тераэт спустился почти до самого озера, а затем просто рухнул вниз. Я ждал, когда Тераэт всплывет.

⁹⁹ И так, между прочим, и есть! Открыть врата без Привратного Камня очень сложно.

Он не всплыл.

Мы ждали. Пусть поверхность озера и не была неподвижной, учитывая водопад и отток воды из озера, но, по крайней мере, вода приняла спокойный вид.

– Тераэт? – крикнула Джанель. – Тераэт!

– Проклятье! – Я сделал несколько шагов назад.

Турвишар, должно быть, почувствовал мои намерения.

– Ты не знаешь, насколько это безопасно. Что, если то же самое...

Но я уже прыгнул.

Я вошел в воду ногами вперед, вода сомкнулась над моей головой, и всплеск резко оборвался. Все звуки стали приглушенными, освещение позеленело, отчего казалось, что я нахожусь в бутылке. Найти Тераэта в этой грязной жиже казалось невозможным. Я вынырнул, и в тот же миг чья-то рука схватила меня за запястье и потянула вверх.

Я начал хватать ртом воздух. Рядом вынырнул Тераэт.

– Ты действительно прыгнул? – спросил Тераэт. – Зачем ты это сделал? Ты ведь не знал, почему я не вынырнул!

Я покраснел.

– Я беспокоился о тебе. Ты, лошадиная задница! – в раздражении я плеснул в него водой. Будь у меня палка, я бы просто его ударил.

– Виноват, – мягко откликнулся Тераэт. – То есть я польщен, но больше так не делай. Я могу вернуться из Загробного мира гораздо проще тебя.

– Пошел ты. – загребая по воде, я крикнул: – Ложная тревога!

– Да, мы видим! – крикнула в ответ Джанель. – А нам спускаться так же?

– Не совсем! Мы выйдем из воды, чтобы вам не мешать! – закричал я.

– Это просто, – откликнулся Тераэт. – Здесь достаточно глубоко. Просто прыгайте ногами вперед.

– Нет! – поправил его я. – Прыгайте ногами вперед. Когда прыгаете, держите руки вытянутыми и прижмите к бокам, когда попадете в воду. Постарайтесь войти прямо.

– Мне вдруг стало не по себе, – призналась Джанель.

– Все будет хорошо, – сказал Тераэт.

– Джанель? – окликнул ее я. – Когда прыгаешь, сильно не напрягайся! Ты ведь не хочешь приземлиться слишком далеко?

– Э-э, Кири? – Голос Джанель дрогнул.

– Да? – Я обменялся взглядом с Тераэтом. У меня было неприятное чувство, что я знаю, что она дальше скажет. *Не говори, что ты не умеешь плавать. Не говори, что ты не умеешь плавать.*

– Я не умею плавать, – крикнула Джанель.

– Серьезно? – крикнул я. – Разве твой фамильный замок в Джорате был не рядом с рекой?

– Рядом, но я никогда не плавала! Я даже в прошлой жизни не умела плавать. Элана выросла в пустыне!

Тераэт вздохнул:

– Честно говоря, это не оправдание.

– Отлично, – сказал я ей. – Все в порядке. Это не проблема. Мы отплывем в сторону. Турвишар, тогда ты следующий. Ты ведь умеешь плавать?

– Да, я знаю основы! – крикнул в ответ Турвишар.

– Отлично! – Я решил не уточнять, не имеет ли он в виду, что знает основы *теоретически*¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Но ведь теоретические знания оказались верными?

Мы с Тераэтом отплыли в сторону. Я не видел никаких хищников, что не могло не радовать. Я научился плавать в реке Сенлей рядом со столицей, но при обучении хитрость всегда заключалась в том, чтобы убедиться, что крокодилы находятся как можно дальше от тебя.

– У тебя все получится, Турвишар. Сделай прыжок с разбега. Для начала держи руки в стороны.

Я подумал, что у Турвишара начался нервный припадок. Затем он исчез в глубине туннеля, и через секунду темная, размахивающая руками фигура подпрыгнула в воздух и рухнула в озеро.

Руки опустить Турвишар не успел. Впрочем, и закричать тоже – если это на что-то и влияло. Тераэт помог ему проплыть до мелководья, так что Турвишар благополучно с этим справился.

Теперь оставалась только Джанель.

– Ладно, ты ведь видела, что делал Турвишар? Это очень просто! – крикнул я. – Мы здесь и сможем вытащить тебя из воды, так что нет причин бояться.

– Я *не* боюсь! – рявкнула Джанель.

Я сделал глубокий вдох.

– Конечно нет.

Тераэт прикрыл рот ладонями и с трудом подавил смешок.

Я повернулся и недоверчиво глянул на него.

Джанель прыгнула, ударилась о воду, как острое копье, ушла под воду и немедленно вынырнула обратно, испуганно замолотив руками. Она явно наглоталась воды¹⁰¹.

Я вытащил ее из озера.

Достигнув берега, Джанель рухнула на четвереньки, зайдясь в кашле. Наконец она отдышалась и одарила идущего по воде Тераэта убийственным взглядом.

– Нет, мы не можем его убить, – напомнил я. – Тераэт – единственный, кто знает обратный путь к Матери Деревьев.

Она рассмеялась и легла на бок.

– По крайней мере, теперь я не такая грязная.

Я решил, что сейчас неподходящее время указывать на то, что ее шелковая одежда стала совершенно прозрачной. Я, конечно, против этого не возражал. Кроме того, учитывая джоратские табу на наготу или их отсутствие, Джанель, вероятно, было бы все равно.

Тем более что эта проблема возникла с одеждой у всех.

Тераэт помахал из воды.

– Эй, никто не хочет мне помочь?

– Помочь тебе с чем? – уточнил я.

– С крокодилом, которого я убил чуть раньше и который жил под этой скалой! – откликнулся Тераэт. – Я решил приготовить его на ужин.

Я посмотрел на Джанель.

– Крокодил, которого он убил чуть раньше. Ну разумеется.

Турвишар вздохнул и потер лицо руками.

Этот вечер прошел намного лучше, чем предыдущие.

И пусть наша одежда была изодрана в клочья, наша обувь находилась в смехотворном состоянии и у нас не было оружия, которое стоило бы называть таковым. Мы знали чисто теоретически, в какой части Манола мы находимся, Турвишар не мог открыть ворота, и мы располагались слишком близко к Пустоши, чтобы ожидать, что Восемь ответят на наши молитвы.

¹⁰¹ При здравом размышлении стоило бы нарисовать воздушные знаки, но мы слишком устали к тому времени.

Не думайте, что мы не пытались. Несмотря на предупреждения Восьми, что они будут слишком заняты, чтобы ответить, мы все равно попытались. Я молился Тадже, Джанель молилась Тиа и своему богу – покровителю Хореду. Самый лучший отклик получил Тераэт, который заморгал, словно получил пощечину, и объявил, что Таэна слишком занята, чтобы говорить, поскольку находится в пылу битвы¹⁰².

Но даже если у нас не было возможности связаться с Восемью Бессмертными, у нас была пресная вода и, что было самым главным, здесь *работала магия*.

Так что мы воспользовались этим, как могли. Я убрал всю воду из сырой древесины, которую мы собрали, – до тех пор, пока она не стала достаточно сухой, чтобы гореть. Джанель в мгновение ока развела огонь. Турвишар создал из местного камня острый как бритва нож, и Тераэт освежал и разделал крокодила. И Турвишар даже починил нам обувь (этот крокодил пришелся весьма кстати).

Тераэт снова занялся готовкой, главным образом потому, что он был единственным, кто мог бы с этим справиться. Под его руководством мясо крокодила показалось мне таким фантастическим на вкус, что я почти забыл, где мы находимся.

К тому моменту, как мы поужинали, уже стемнело. Звуки джунглей эхом и пугающей какофонией разносились вокруг нас. Я изо всех сил старался не вздрагивать при каждом звуке.

Тераэт вытащил из огня деревянную палку и обгоревшим концом начертил на земле карту.

– Мы находимся здесь. – он указал на длинную реку, протекающую прямо под Кортаэнской Пустошью. – А должны быть здесь. – Он нарисовал *крестик* на юго-западе. – Это столица, Мать Деревьев, и дворец короля Келаниса.

– Я не специалист в таких вещах, но думаю, что это займет некоторое время, – сказал я.

Тераэт посмотрел на меня:

– Без шуток. Но меня больше беспокоит то, что мы проделаем весь этот путь и снова окажемся здесь же.

Джанель поморщилась:

– Нет никакой гарантии, что тот, кто похитил нас в первый раз, не повторит это снова.

– Вот именно, – подтвердил Тераэт. – Как нам силой проложить путь сквозь бюрократический лабиринт, поймавший нас до этого в ловушку?

Турвишар внимательно изучал карту:

– У тебя есть предложение?

– Да, есть. – Тераэт обвел еще одно место, расположенное к юго-востоку от нашего местонахождения. – Это Саравал. Там расположен капитул Братства...

– В открытую? У них есть табличка на входной двери? Она черная? – Я не мог остановиться.

Тераэт закатил глаза:

– Нет. Черное Братство находится в Маноле вне закона.

Я склонил голову:

– Извини. Что ты сказал? Я мог бы поклясться, что ты сообщил, что Черное Братство не считается чем-то законным у ванэ.

Тераэт потер подбородок:

– Оно считается культом. Большинство ванэ не поклоняются богам, так что в глазах этого самого большинства мы просто банда э-э... фанатиков.

– Хм. Представь себе, – фыркнул я.

¹⁰² Предположительно – с демонами, вторгшимися в Страну Покоя.

– *Во всяком случае*, – продолжал Тераэт, – что гораздо более важно, кроме дома капитула, там же есть ворота в Колодец Спиралей. – Он выделил последние слова голосом, а когда мы непонимающе посмотрели на него, вздохнул: – Это святое место.

– Ты *только* что сказал, что ванэ не поклоняются богам, – заметил я.

– Хорошо, – сказал Тераэт. – Это священное место.

Джанель отвлеклась от крокодильего мяса.

– Это то же самое.

– Тогда почитаемое. Я хочу сказать, что тамошние зрители имеют право напрямую связаться с королем Келанисом. Мы сможем прорваться сквозь всю бюрократию и подняться на самый верх.

– Отлично, – сказал я. – Это начинает походить на реальный план.

– Есть что-нибудь еще, что нам следует знать? – спросил Турвишар. До этого он позволял нам разговаривать, ничего не произнося, но наблюдая за нами с нарочитой осторожностью. Он выглядел как человек, который уже знает ответ на вопрос¹⁰³.

– Да, – ответил Тераэт. – Только ванэ позволено ступить к Колодцу Спиралей, – объяснил он. – Джанель и Турвишара арестуют. Или убьют. Вероятней всего, последнее.

– А как насчет Кирина? – Джанель указала на меня.

– Кирин скорее ванэ, чем человек, – сказал Тераэт. – Он сможет пройти.

– Нам с Джанель и не нужно туда идти, – сказал Турвишар, – главное, чтобы Келанис получил наше сообщение.

– Что такое Колодец Спиралей? – спросила Джанель.

Тераэт скорчил гримасу.

– Все очень сложно. Без него ванэ не становились бы ванэ. Туда отправляют младенцев, чтобы они выучили свои первые заклинания...

– *Младенцев?! – почти что пролепетал Турвишар.*

– Они изменяют их, – пробормотала Джанель. – Должно быть.

Мы замерли, уставившись на нее:

– И что это было? – спросил я.

Джанель принялась подбрасывать ветки в костер:

– Если ты хорош в магии тела, как любой бог-король, ты можешь изменить развитие ребенка, чтобы он смог использовать магию. Ты даже можешь улучшить их восприятие определенных заклинаний, что гарантирует, что они разовьют их как «ведьмин дар». – И небрежно добавила: – Почти уверена, что либо Тиа, либо Ксалторат сделали со мной то же самое¹⁰⁴.

На лице Тераэта боролись гордость и раздражение:

– Я... не собираюсь подтверждать то, что легко может оказаться государственной тайной. Ванэ посвятили свое существование изучению биологической магии. Мы буквально создали нашу собственную расу, используя Колодец Спиралей в качестве инструмента.

– Создали собственную расу? – Я уставился на него. – Объясни, пожалуйста.

– Ты знаешь, что короли-боги создавали расы? Триссов, огнекровок, кентавров и так далее? Ну, вот. За исключением того, что этим занимались волшебники ворасы, а не бог-король, и они сделали это сами с собой. Ванэ создали ванэ. – Тераэт пожал плечами. – Так они избежали смерти, когда это случилось с ворасами.

– И мы просим их отказаться от этого, – задумчиво произнес Турвишар.

– Или мы *все* умрем, – запротестовал я. – Вол-Карот не собирается щадить их лишь потому, что они существуют уже давно.

Тераэт вскинул руки:

¹⁰³ Не знал подробностей, касающихся Колодца Спиралей, но я подозревал, что что-то не так.

¹⁰⁴ Если не обе. И ведьма-королева Сулесс также внесла изменения.

– Уж нас-то в этом убеждать не надо! Но если это туманно даже для вас, то как это может понравиться фракциям при дворе? Теперь-то вы понимаете?

Я прислонился к бревну.

– Правильно. Хотя давайте обойдемся одной катастрофой за раз. Давайте сначала выясним, как добраться до Саравала. Нам просто придется... – Я замолчал, услышав, как из джунглей донесся щелкающий звук.

Несколько щелкающих звуков. Окружающих нас.

И они вдруг смутно показались мне знакомы... Мгновение, и я, охваченный ужасом, вдруг понял...

– Подождите. Мне знаком этот звук...

Тераэт замер как сидел:

– Это важно: никому не двигаться.

К чести Джанель и Турвишара, они выполнили приказ. И мне ничего не пришлось объяснять.

– Что *это*? – спросила Джанель.

Должно быть, она увидела одну из рептилий – размером с охотничью собаку, с полным ртом клыков и ужасно острыми когтями на задних лапах. Существо выскочило вперед, стоя на задних лапах, и двигалось оно быстро. Дрейк уставился на Джанель проницательными, умными глазами, наклонил голову и запел.

– Это дрейк, – ответил я. – Проблема в том...

Дюжина тварей выскочила на поляну.

– ...что они охотятся стаями, – закончил я.

21. Душа в арфе

(Рассказ Терина)

Солнечный свет отражался от парящих в воздухе белых алебастровых спиралей, выгибающихся дугой над головами и будто подчеркивающих идеально голубое небо.

Не изумрудно-зеленое. Не сине-зеленое. Голубое.

Терин и Хаэриэль стояли на лугу, окруженном низкой цветущей живой изгородью рядом с огромным зеркальным бассейном. В воздухе стоял запах солнечного света, весенних цветов и сладкий, чистый аромат хвойных деревьев. Напротив зеркального бассейна вытянулись несколько густо усыпанных цветами топиариев в человеческий рост.

– Небо не того цвета, – сказал Терин. – Как и солнце.

Хаэриэль улыбнулась и коснулась его щеки.

– Совсем нет. – Солнечный свет отражался от ее золотистых волос. – Просто наша память длиннее, чем у куурцев.

Его взгляд был прикован к окружающей обстановке. Где они сейчас находились? Это были не джунгли, температура была вполне умеренной. Может, это все иллюзия?

Они были не одни. По всей территории двигались фигуры в длинных желто-зеленых одеждах, проверявшие растения, рассматривавшие цветы и казавшиеся довольно таинственными. Никто не носил оружия, но ванэ всегда были столь искусны в магии, что оно могло быть просто излишним.

К путешественникам спокойно подошел жрец с темно-рубиновой кожей. Терин понятия не имел, был ли он на самом деле жрецом, но вел он себя именно так. Терину нравилось думать, что он немного умеет их распознавать.

Терин ожидал, что его присутствие расстроит священника. В конце концов, в этом месте не полагалось ступать человеку, а Терин был именно человеком.

Взгляд священника остановился на нем, а затем скользнул дальше. Он не догадался, что Терин – не ванэ. При этом нельзя сказать, что жрец был полностью бесстрастен. Он просто не отреагировал именно на Терина.

– Как ты смеешь выдавать себя за нашу мертвую королеву? – спросил он у Хаэриэль.

– Выдавать себя? – рассмеялась Хаэриэль. – О, ты сделал совершенно неверное заключение. А теперь перестань драматизировать. Я здесь, чтобы попросить о перемещении для цали.

Терин нахмурился. Он знал, что такое камни цали. И служитель носил именно такой кристалл. Терин знал, что ванэ использовали их, чтобы удерживать души своих умерших близких, прежде чем отпустить их в царство Таэны, но...

У Хаэриэль не было камня цали.

– Ты не Хаэриэль. – Жрец властно вскинул бровь.

Терин хотел было успокоить жреца, но передумал. Учítывая, как он плохо владеет языком, это выдаст его.

– Я должна подтвердить свою личность? – Хаэриэль сделала короткий жест, и жрец, задыхаясь, взмыл в воздух.

– Э-э, Хаэриэль, дорогая моя... – тихо начал Терин. – Я уверен, что ты знаешь местный этикет лучше меня, но разве он нам не нужен? Для того, что ты хочешь сделать? – Смотреть, как она подняла мужчину в воздух, было почти физически больно. Что-то в самом этом движении... каждый раз, когда он видел, как Хаэриэль нападает на кого-нибудь с помощью магии, он вздрагивал. Как будто ожидал, что удар обрушится на него. Его разум уклонялся от теней и полузабытых болей.

Хаэриэль отпустила жреца. Задыхаясь, он упал на землю.

– Ваше Величество? – раздался женский голос. Вперед выступила еще одна служашая, которая тут же успокоила остальных: – Все в порядке. Нет причин для беспокойства. – Она наклонилась к священнику. – Морасан, не валяй дурака. Это ведь явно королева Хаэриэль.

Новая жрица казалась существом, нарисованным пастельными красками – нежно голубыми, с тенями индиго, словно это был колокольчик, переродившийся в женщину.

– Пожалуйста, простите его, Ваше Величество.

Хаэриэль улыбнулась:

– Дамаэрис, какая прелесть.

Мужчина, Морасан, все еще держась за горло, поднялся на ноги. Он взглянул на Терина, словно хотел что-то сказать, но потом закрыл рот, тем более что Терин совсем не выглядел счастливым. И это было вполне понятно. Терин совсем не *чувствовал* себя счастливым.

Хотя совершенно не понимал почему.

– Чем мы можем помочь Вашему Величеству? – спросила Дамаэрис.

– Как я уже сказала Морасану, я хочу попросить о перемещении для цали, – еще раз объяснила Хаэриэль.

– Конечно, – согласилась жрица. – Вы ведь дадите мне этот цали? – она протянула руку.

Хаэриэль положила арфу рядом со жрицей.

– Этот конкретный камень цали принял нестандартную форму. Но я не вижу причин, по которым это могло бы помешать ему работать.

– О, – сказала Дамаэрис. – Я... вижу...

Терин уставился на нее. Арфа была цали? Он всегда считал, что цали – это драгоценные камни, что они *должны* быть драгоценными камнями. Теоретически, однако, при правильных обстоятельствах душу могли бы содержать другие сосуды. Если эта арфа каким-то образом содержала душу ванэ, значит, это было технически возможным. Он ломал голову, пытаясь вспомнить все, что мог, об этой проклятой арфе. Семья его старого друга Корана Миллигреста владела этим антиквариатом на протяжении нескольких поколений, но Коран никогда не придавал этому большого значения. С другой стороны, двоюродный брат Корана – Никали...

Коран однажды пошутил, что продаст свою коллекцию музыкальных инструментов, чтобы заплатить карточный долг, и Никали был готов вызвать его за это на дуэль. И был он вполне серьезен. Терин, конечно, мог бы приписать это гордости за семейную музыкальную коллекцию, если бы уже давно не пришел к выводу, что Никали на самом деле был ванэ, просто притворяющимся человеком.

Позади них послышалось тихое жужжание, словно кто-то вертел гирию на веревочке. Затем в нескольких футах от него появилась синеволосяя женщина-ванэ с серебристой кожей. Глаза Терина расширились. Он не мог не узнать ее, учитывая, сколько лет она служила его сенешалем.

Мия.

– Госпожа Мия... – сказал внук Терина.

– Это не мое имя, – ответила Хаэриэль.

Терин вздрогнул, когда воспоминание развеялось как туман, прежде чем он смог опознать его.

Женщина не могла *быть* Мией, потому что Хаэриэль стояла рядом с ним. Хаэриэль все еще *носила* тело Мии, даже если теперь оно выглядело по-другому. Оставался лишь один кандидат, который не только знал, как выглядит настоящая Мия, но и мог выдавать себя за нее.

Терин подошел к Коготь.

– Что тебя задержало?

– Прошу прощения, Ваше Величество. – Коготь присела в полупоклоне перед Хаэриэль. Та махнула рукой в знак согласия и вернулась к разговору с Дамаэрис.

Терин изо всех сил старался держать дыхание под контролем. Сердце колотилось как бешеное.

Коготь смерила его изучающим взглядом:

– Ой-ой.

Терин глубоко вздохнул:

– Что значит «ой-ой»? Что, что там произошло?

Коготь пожала плечами:

– О, я просто хотела узнать, могу ли я съесть демона. И думаю, что это любопытство должно остаться неудовлетворенным. – Она вновь вернулась к изучению Терина. – А «ой-ой» означает, что ты стоишь на краю обрыва, утеночек... Вопрос лишь в том, сойдешь ли ты с него?

По его телу пробежала дрожь:

– Не понимаю, о чем ты.

– Именно, не понимаешь. Но ты очень к этому близко, Ясноглазый. – Она окинула взглядом поляну. – Это место навевает воспоминания. Прошло несколько тысячелетий.

Охватившая Терина дрожь была вполне понятна. Ясноглазым его называла Ола – несколько десятилетий назад, когда Педрон решил, что то, что нужно Терину, чтобы стереть ханжеский слой с нимба, – это его собственный раб¹⁰⁵. Он вспомнил, как Кирина предупреждал, что Коготь выдавала себя за Олу. Он достаточно знал о мимиках, чтобы понять, что они могут копировать кого угодно, но чтобы копировать кого угодно в совершенстве, нужно лишь одно...

– Я не убивала Олу, – тихо прошептала Коготь, отвечая на вопрос раньше, чем он сформировался в сознании Терина. – Я *любила* ее.

– Это бы тебя остановило? – спросил Терин.

Коготь вздрогнула. Она не ответила, лишь указала жестом на поляну.

– Это Колодец Спиралей, – сказала она. – Святая святых. Люди думают, что духовное сердце ванэ – Мать Деревьев, но нет, на самом деле оно здесь. – Коготь на мгновение замолчала, а потом продолжила: – Знаешь, я здесь родилась.

Терин взглянул на нее.

– А ты рождалась?

– Ладно. Я была *здесь создана*. О, пьянящие дни в начале основания... Люди делали все то, чего не следовало делать. Играли с понятиями, которые мы не понимали. – Она бросила на него особенно серьезный взгляд. – Ты понимаешь, что мы в Кууре?

– Что? – На этот раз Терин забыл, что надо говорить потише.

Хаэриэль оглянулась на него:

– Все в порядке?

– Все в порядке. Извини. – Он махнул ей рукой, и Хаэриэль снова обратила внимание на двух жрецов. Они устанавливали рядом с колонной цветов колыбель, в которую можно было положить арфу.

Терин повернулся к Коготь:

– Куур? Ты серьезно?

– О да, – ответила Коготь. – Это великий Кирписский лес. – Она усмехнулась, увидев выражение лица Терина. – Да ладно тебе. Ты действительно думаешь, что Куур выведет все грязные маленькие секреты ванэ? Вторглись вы сюда или нет, но человеческие глаза никогда не видели некоторых частей Кирписа. – Она помолчала. – Ну, до сих пор. – Коготь ударила Терина по руке. – Везучий пес.

– Никогда больше не прикасайся ко мне, – сказал Терин. Нахмурившись, он окинул взглядом невероятно красивый луг. – Однако я не понимаю. Разве у ванэ из Манола нет своего... что бы это ни было?

¹⁰⁵ И позже, должен отметить, Ола использовала это же прозвище для Кирина.

– О нет. Есть только один Колодец Спиралей, – ответила Коготь. – И как бы ни росла напряженность между двумя странами, никто никогда не ограничивал доступ к *нему*. – Она наклонилась к Терину. – Знаешь, все, что тебе нужно сделать, чтобы сбежать, – это просто... бежать. Недалеко отсюда находится Академия. Ты доберешься до нее меньше чем за день.

– С чего бы мне бежать? Я не пленник. – но на открытом лугу ему вдруг стало душно. Жрецы, бросавшие на него подозрительные взгляды, стали вдруг походить на охранников.

– Я верна Хаэриэль, – ни с того ни с сего сказала Коготь. – Но и у меня есть свои пределы. – Она прикусила нижнюю губу. – Большинство членов королевской семьи так и не позволили бы Оле работать на саму себя, будучи куртизанкой. Большинство не позволили бы ей купить свободу. Достаточно легко было просто забрать у нее слезы звезд и покончить с этим. Никто бы не подумал о тебе хуже. – Она фыркнула. – Никто из «важных шишек» не подумал бы о тебе хуже.

– И в благодарность за это Ола предала меня. – Терин не совсем понимал, почему Коготь говорит ему об этом. Даже если она обладала воспоминаниями Олы, для него эти воспоминания заключались только в боли.

– Нет, – сказала Коготь. – Она не предавала тебя. Но все же *тебя предали*. Люди, гораздо более близкие тебе, чем Ола Натера. – Она не отводила взгляд от разговаривающей Хаэриэль. – Гораздо более близкие.

– Все, что ты говоришь, – ложь. Почему Мия...

– *Это не мое имя*, – сказала она.

Терин не закончил фразу.

Коготь наклонилась ближе:

– Ты почти на месте, Ясноглазый. Помнишь старые добрые времена? Ты, Коран, Никали и тот большеглазый парень с фермы из Маракора... Помнишь, как твой отец Педрон решил сделать с тобой *кое-что*?..

Терин резко вдохнул. Потому что он действительно помнил, как это было. Педрон не хотел создавать ему газш, поэтому использовал кое-что другое. Он помнил, как его разум уклонялся от неправильных тем, как он забывал разговоры и важных для него людей. То, как весь мир, казалось, исказился...

Резкий звук ломающихся костей эхом разнесся по Великому Холлу. Крики.

Сломанная шея.

– Помоги мне, Таэна, – прошептал он. Проблема с чарами заключалась не в том, чтобы сломать их. Это было легко. Трудность заключалась лишь в том, чтобы понять, что они существуют.

– Вот, – прошептала Коготь. – Именно. Можешь считать, что это мой способ сказать тебе спасибо от имени Олы. Ты дал Оле свободу. А теперь я отдаю тебе твою.

Терин замер неподвижно, вытянувшись в струну и прижав кулаки к бокам, а воспоминания ураганным ветром проносились у него в голове. Воспоминания о том, как он не верил в происходящее, когда начались убийства. Воспоминания о боли от слов Хаэриэль, слов, которые били сильнее, чем ее магия. Воспоминания об ужасе, который он испытал, увидев, как она убивает всех и он не способен ее остановить. Воспоминания о знании, что он заслужил такой исход. Что ее гнев был... оправдан.

Терин закрыл глаза, по его щекам потекли слезы.

– А теперь, когда ты перешагнул через край, – прошептала Коготь, – ты падаешь или летишь?

Терин знал, что ему лучше не бежать. Не надо делать никаких резких, быстрых движений, которые могли бы привлечь внимание Хаэриэль. Конечно, жрецы будут возражать против того, чтобы Хаэриэль чересчур уж разбрасывалась заклятиями, но предыдущая демонстрация ее магии показывала, что слишком уж сильно возражать они не будут. Он огляделся. Поляна

должна была быть окружена иллюзиями. Хаэриэль не могла выглянуть за их пределы – так же, как и он. Стоит ему зайти за них – и он станет невидимым.

Он медленно отступил назад. С каждым шагом чувствуя то кошмарное беспокойство, что Хаэриэль могла обернуться и заметить его, узнать его намерения. Один из жрецов заметил, что он отступает, но, если не считать хмурого взгляда в его сторону, он ничего больше не предпринял.

А Коготь...

Терин подавил горький смех. Коготь превратилась *в него*. Если Хаэриэль оглянется, она увидит стоящего там Терина. И не посмотрит мимо мимика, чтобы увидеть настоящего Терина, медленно отступающего к деревьям.

Когда деревья сомкнулись вокруг него, Терин повернулся и побежал.

22. Под зеленым небом

(Рассказ Кирина)

Дрейки медленно кружили вокруг нас, то приближаясь, то отдаляясь.

– Они ждут, когда мы побежим? – нервно спросил Турвишар.

– Может быть, – ответил Тераэт. – Но есть еще одна возможность... – он повысил голос и выкрикнул приветствие на языке триссов.

После минутного молчания ему ответили их голоса.

– Не нападай на них, – шепнул я Джанель.

– С чего бы мне... – начала она и напряглась, когда полдюжины триссов вошли в круг света, отбрасываемый костром. – Ох...

Триссы выглядели почти как люди, если не считать, что они покрыты змеиной чешуей и у них змеиные головы. Я всегда считал, что вариации их облика, скорей всего, чисто косметические.

– Я не знал, что в Маноле живут триссы, – сказал я Тераэту, стараясь, чтобы мой голос звучал легко и непринужденно.

– Ты что, шутишь? Все триссы живут в Маноле. Как ты думаешь, куда они отправились после того, как Куур выгнал их из Хорвеша? – Тераэт сказал триссам что-то еще: что-то такое, что я понял достаточно хорошо, чтобы принять за вежливое предисловие.

Среди Черного Братства было много триссов, так как триссы перешли от поклонения своему богу-королю Инису к поклонению богу, ответственному за его уничтожение, – Таэне. В этом был какой-то странный смысл. Как бы то ни было, Тераэт и триссы еще некоторое время о чем-то разговаривали.

Тем временем Турвишар попытался скормить мясо крокодила дрейку, который осторожно, как дикая кошка, крался вперед. Турвишар даже не потерял при этом руки – что, надо сказать, весьма впечатляюще.

Тераэт встал. Напряжение спало. Трисс шагнул вперед и похлопал Тераэта по плечу.

– Это Всизин, – объяснил нам Тераэт, – двоюродный брат Сзарра. Он слышал о нас.

Чтобы подчеркнуть это, трисс, о котором шла речь, широко улыбнулся мне, раскрыл объятия и провозгласил:

– Слиголто!

Я застонал, а Тераэт рассмеялся. Джанель наклонилась к Турвишару:

– Что он только что сказал?

– Мартышка? – неуверенно предложил Турвишар, – По-видимому, в Маноле нашли мартышку с золотистым мехом?..

Я ущипнул себя за переносицу.

– Один из моих инструкторов по оружию, Сзарр, дал мне это прозвище. Я думал, что избавился от него, когда *взорвал остров, на котором жил в то время*.

Тераэт усмехнулся.

– Это был не ты. Не приписывай себе вспыльчивость Старика.

У Джанель загорелись глаза:

– Мартышка? Они называют тебя Мартышкой? Это намного лучше, чем Плут! Любой ведь может вступить в этот клуб и называть тебя Мартышкой?

Я серьезно посмотрел на нее.

– Нет.

Тераэт хлопнул меня по плечу.

– Давай, Мартышка. Они предложили отвезти нас в их деревню. Давай хоть сегодня выпьемся в настоящих кроватях.

Я не могу винить триссов в их гостеприимстве.

«Деревня» оказалась довольно большой – почти как целый город где угодно в Кууре. Глубоко в джунглях дома обычно стояли на сваях, спасаясь от наводнений. Здесь же, на опушке, все располагалось на уровне земли.

Триссы предпочитали дневной свет, поэтому большинство горожан спали, когда охотники вместе с нами вернулись домой. Из окон выглянуло несколько голов. Внезапно одна из дверей распахнулась, и наружу выбежал крошечный трисс и обхватил ногу охотника, вызвав смех окружающих.

Я никогда раньше не видел ребенка-трисса. Ни у кого из триссов на Инистахане не было семей, так что я встречал только взрослых. Я не мог бы определить пол ребенка, впрочем, как и пол взрослых триссов. В любом случае ребенок был очарователен.

Триссы принесли крокодила Тераэта, а также другую дичь, пойманную с помощью дрейков.

Поскольку было уже поздно, здороваться мы ни с кем не стали. Триссы показали нам комнату с четырьмя покрытыми тростником деревянными кроватями. Стоило мне лечь на кровать, и я тут же уснул и не просыпался всю ночь.

На следующее утро нас угостили великолепным завтраком из яиц диких птиц и мяса крокодила, а также кофе и дрожжевым хлебом под названием *шорва*, который я полюбил за время своего пребывания на острове Инистхана. Мы знали, что нам нужно спешить, но Турвишар настоял, что нам необходимо время, чтобы оправиться после произошедшего с нами испытания. Никто не стал спорить.

Весь день я ловил себя на том, что благодарен триссам за их щедрость. Они обеспечили нас едой, ванной и одеждой. Кто-то одолжил мне достаточно острую бритву. Тераэт, обладавший среди триссов почти священным статусом, объяснил всю срочность наших поисков. И все же я уверен, что они помогли бы нам, даже если бы никогда не слышали о Таэне; триссы были щедрым народом.

Конечно, их одежду можно было счесть за доспехи: это была многослойная жесткая кожа и специально высушенные листья, обработанные до твердости железа. Триссы делали одежду из отдельных кусков, которые они зашнуровывали или связывали, так что никакого пошива не требовалось. Их оружие также было весьма специфичным, поскольку триссы использовали изогнутые мечи, сделанные словно в хорвешанском стиле¹⁰⁶. Также у них всегда были кинжалы.

Я как раз собирал сумку, когда вдруг услышал, как Тераэт издал сдавленный звук. Я поднял голову, чтобы посмотреть, в чем заключалась проблема.

Проблема была в Джанель. О боги, неужели все проблемы всегда будут заключаться в ней?

Триссы дали ей типичную трисскую одежду, которую она надела так, чтоб та удовлетворяла ее требованиям приличия. А поэтому райсиги из змеиной кожи она завязала как можно туже, чтобы имитировать джоратский лиф, прочные сапоги и облегающий кожаный кеф. Большинство триссов носили юбку до колен или набедренную повязку с разрезами, но ей каким-то образом удалось найти брюки. Даже несмотря на то, что прошло много времени с тех пор, как она ездила верхом (это, должно быть, ее просто убивало!), и неизвестно, когда такая возможность еще представится снова, она по-прежнему стремилась носить наряд, подходящий для верховой езды. На всякий случай.

¹⁰⁶ Подозреваю, что все с точностью до наоборот и именно хорвешцы используют изогнутые мечи, выкованные в трисском стиле.

Вдобавок она убедила наших хозяев подарить ей украшения – понятия не имею, как она это сделала! – вырезанные из крокодилийх зубов и разнообразных раковин. Все эти украшения она вплела в свой лаэвос. На запястьях у нее появилось огромное количество браслетов, на шее – разноцветные шнуры. Джоратские жеребцы выражали свою мужественность, нося украшения и украшая тело.

Сомневаюсь, что мне или Тераэту это показалось очень уж мужественным.

Оба мы уставились на нее.

Самое смешное, что ее одежда в Пустоши была гораздо более откровенной. И это довольно отвлекало, хотя с этим прекрасно справлялись и голые ноги Тераэта.

Вспомнив вдруг, что Тераэт солгал мне про Джанель, я вдруг понял, что хочу быть совершенно безжалостным. Он знал ее много лет, прежде чем я с ней встретился. Знал, ухаживал за ней и ни разу не намекнул, что знает нас обоих. Даже несмотря на то, что эти проклятые пророчества говорили о том, что мы с Джанель должны быть вместе. Даже несмотря на то, что он знал, что мы связаны в прошлых жизнях. Хотя он знал, что Ксалторат выследил меня и поместил в мой мозг воспоминания о Джанель – и сделал это по причинам, которые я до сих пор не мог понять.

Я подошел к Тераэту и похлопал его по плечу точно так же, как ванэ из Манола сделал это прошлой ночью.

– Помнишь, что ты сказал мне четыре года назад?

Тераэт оторвал взгляд от Джанель.

– Возможно, тебе придется чуть-чуть конкретизировать.

Я улыбнулся.

– Четыре года назад, на Инистхане. Я чувствовал, что влюблен в женщину, которая очень похожа на ту, что сейчас стоит вон там. Ты дал мне мудрый совет. Помнишь, что ты мне тогда сказал?

Тераэт прищурился. Я не мог сказать, вспомнил ли он свои слова или понял, что я заманиваю его в ловушку. И настроение у меня было настолько ужасным, что иначе как ловушкой это и нельзя было назвать.

Я наклонился к уху Тераэта и прошептал:

– Она не для тебя.

А потом я ушел.

23. Затерянный в лесах

(Рассказ Терина)

Как выяснилось, с тем, чтобы добраться через Кирписский лес к Академии, у Терина было две проблемы.

Во-первых, он не был в лесу более двадцати лет.

Во-вторых (хотя, вероятно, это было тесно связано с «во-первых»), он заблудился.

Гигантские хвойные деревья Кирписа столь волшебны и величественно, столь высоко возносились к небесам, что заслоняли солнце. Что означало, что Терин понятия не имел, в каком направлении идет. Или, точнее, он не знал, в каком направлении ему *надо* идти. Предположительно, на юг, но на «юг» можно было пройти тысячу миль, добравшись лишь к собственной смерти без еды, воды или чего-либо похожего на соответствующую одежду.

Он кое-что знал о выживании в дикой природе. Когда он был моложе и все еще верил в собственное бессмертие, он и его друзья действительно на спор прибыли в Пустошь. Пробыли они там недолго, но то, что они вообще выжили, было настоящим достижением. И они покинули Пустошь уже не одни, а с рабыней-ванэ, которую Терин купил, чтобы не видеть, как ее казнят.

С Хаэриэль.

Он поймал себя на том, что останавливается при каждом странном звуке, чтобы убедиться, что за ним не гонится эта колдунья-ванэ. Он все еще не мог поверить...

Хотя нет, все-таки мог. Терин без труда понял, почему Хаэриэль решила зачаровать его. Он был страховкой на случай, если любая тактика, которую она пыталась использовать, дабы вернуть престол, не сработает. План, которым она хотела воспользоваться первоначально, несомненно, включал в себя арфу. Терин мог бы узнать подробности, если бы остался, но... стоило ему вспомнить правду, и остаться он уже не мог. Хуже того, что Хаэриэль использовала на нем чары, была лишь мысль, что она очарует его вновь, как только поймет, что заклинание разбито.

Единственное, что смущало Терина, так это то, что Хаэриэль спала с ним. Чары делали такое поведение совершенно ненужным. Ей это ничего не дало.

Хотя, возможно, это принесло ей еще одного ребенка, но если она хотела именно этого, то ей *все равно* не нужно было с ним спать. Учитывая специальность Дома Де Мон, Хаэриэль знала, как можно оплодотворить женщину без секса. Они оба знали. Ей не было никакой необходимости спать с мужчиной, который держал ее в рабстве четверть века.

Возможно, то, что он находился в ее постели, было ее маленьким реваншем. Личной мстостью, когда она каждый раз упивалась неспособностью Терина отказаться.

Но ведь для этого ей не нужны были чары. Единственное, что Терин мог сказать Хаэриэль, было «да»¹⁰⁷.

Услышав в отдалении волчий вой, Терин всерьез начал обдумывать, что – будь оно все проклято! – ему делать. Найти поляну, верно? Еще желательно сухое дерево. И все это лучше сделать, пока не стемнело. Он, конечно, мог создавать магические огни, но, поскольку те были видны издалека, ему не хотелось рисковать – ведь если Хаэриэль начнет поиски, он выдаст свое местоположение.

Терин начал вспоминать огненные заклинания, которые знал. Их было не так уж и много. Но по крайней мере, Галену хватило ума жениться на женщине из Дома Де Тал... Он вспомнил

¹⁰⁷ Весьма поэтично, но вряд ли это правда, учитывая то, что он «держал ее как рабыню».

убийство Галена. Терин вздрогнул и проклял самого себя. Прошел почти месяц. Кто знает, что произошло в его отсутствие? Дом Де Мон может просто исчезнуть.

Гален и Шелоран были неразлучны, но они не любили друг друга. Терин поймал себя на том, что вопреки всему надеется, что хоть в этом он ошибается, потому что без Де Мона, способного попросить Черные Врата о возвращении Галена, тот мог вернуться только благодаря Шелоран. Глупо думать, что этим бы решили заняться его дочери¹⁰⁸, даже если бы они вдруг вздумали вернуться в Столицу. Какой смысл возвращать своего племянника, чтобы он стал Верховным лордом, если можно не предпринимать ничего и позволить стать таковым своему сыну? Нет, Дом Де Талус должен был вернуть свою дочь Шелоран, а она должна была ходатайствовать за своего мужа, Галена...

– О, проклятье, Таэна, – громко сказал Терин. – Не отказывай Галену лишь потому, что она его не любит¹⁰⁹.

Терин услышал крик хищной птицы. Он поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как на ветку сел, вскинув голову, большой золотой ястреб. Эта птица была символом семьи Де Монов, так что не заметить ее было нельзя. Но с другой стороны, ястребы жили в лесах, а значит, то, что он его увидел, еще не означало, что боги услышали его молитвы.

Затем, к изумлению Терина, вокруг него облетела, весело чирикающая, а затем уселась ему на плечо голубокрылая сойка. Терин удивленно уставился на птицу. Вряд ли это было посланием от Таэны. Таэна, как правило, не использовала живых существ для этой цели.

Но и птицы обычно так себя не ведут.

Вскоре к этой птице присоединились остальные, которые принялись порхать вокруг него или расселись на соседних ветвях, весело распевая песни. Из кустов выскочил кролик, подергал носом, глядя на него, и метнулся обратно за деревья. Несколько птиц (ястреба среди них не было) последовали за кроликом, а остальные запрыгали по ветвям деревьев, направляясь вслед за ними и продолжая свою песню.

– Э-э...

Стоящий на тонких ножках олененок высунул голову из кустов, разглядывая его влажными глазами, а затем умчался обратно в лес.

Через несколько секунд к нему присоединился тигр. *Тигр!*

– Да, хорошо, уже, все! – проворчал Терин. – Я понял, в чем дело. Я иду *туда*.

Он шел за тигром, и лес вокруг него изменялся. Листья стали зеленее, земля – более рыхлой. Под ногами расстился ковер из цветов и нежных листьев. Меж деревьями виднелась поляна.

И на этой поляне сидела богиня.

Она не могла быть никем другим. Ее кожа отливала нежным нефритовым оттенком, и она была одета в платье из лепестков. Когда она смотрела на него ртутными глазами без зрачков и радужки, ее красота казалась чужеродной и дикой. И если у него и были какие-то сомнения относительно того, кто перед ним, то достаточно было посмотреть, как от одного ее присутствия распускались цветы, а животные искали убежища рядом, – и не оставалось никаких сомнений. Это была не Таэна.

Это была полная противоположность Таэне. Он поклонился Богине Жизни.

– Я смиренен и благодарен.

– Ну, здравствуй, Смирениблагодарен. Я Галава.

Терин уставился на нее.

¹⁰⁸ Их две – Тишения и Герисия. Обе они очень давно не живут в столице.

¹⁰⁹ Я бы описал их брак как брак без любви, если определять ее как сексуальное влечение, но я верю, что Гален и Шелоран любят друг друга как семья. А на это могут претендовать очень немногие.

– А *еще* ты прелестен, – сказала Галава. – Таэне следовало начать именно с этого. Я думала, ты будешь выглядеть старше.

Терин не знал, что ответить.

– А ты не очень разговорчив. Ты голоден? О, должно быть, так оно и есть. Давай, милашка. Садись со мной, поешь, выпей. Теперь ты в безопасности. – Галава сказала это безо всякой иронии, даже несмотря на то, что рядом с ней находился тигр.

Терин предположил, что он был бы в большей опасности, сидя рядом с одним из дворцовых котов. И отказываться было неразумно. Он сел, скрестив ноги, рядом с богиней.

– Благодарю тебя.

– О, тебе, должно быть, было это очень трудно. Вот... – Она потянулась за спину и протянула ему тыкву с отрезанной верхушкой. Жидкость внутри была со вкусом меда и специй и пузырилась на языке. Если бы у Дома Де Лаакар был рецепт этого напитка, они бы стали самым богатым Домом в Кууре. Он не мог сказать, содержал ли напиток алкоголь, но чувствовал, что должен был содержать.

Эта мысль вызвала вторую, более тревожную: он не пил уже... как давно? Месяц. Со времен Адского Марша. Со времен уничтожения его семьи. С того самого дня, как он потерял своих сыновей – всех до единого.

Нет. Всех своих сыновей, кроме одного. Кирина все еще был жив.

Терин уставился в чашу, молча разглядывая дерево, видневшееся в зеркальном отражении. Оно выпустило цветок, который расцвел и через несколько минут начал осыпаться. Когда он в последний раз так долго обходился без вина или бренди? Почему он этого не заметил?

Он начал пить после того, как умерла его жена Нора, и не останавливался после этого. Терин стал довольно опытным в отрезвляющих заклинаниях, когда они были необходимы, и позволял себе плавать в бездне онемения, когда они не были нужны. После похищения Кирина ситуация не улучшилась. Как он мог не заметить того, что стало ритуальной основой его существования?

Очевидный ответ был только один: Хаэриэль превратила его потребность в поводок. Хаэриэль знала все его слабости: они никогда особо не скрывались. *Она сама* стала его алкоголем и наркотиком, его пристрастием, к которому он с удовольствием возвращался бы снова и снова.

– С тобой все в порядке, дорогое дитя? – Голос Галавы был таким добрым, что от одного этого звука у него защипало в глазах.

Терин с некоторым усилием заставил себя отставить тыкву:

– Возможно, мне бы не повредило немного еды?

Глаза Галавы заблестели от улыбки.

– Естественно.

Она махнула рукой. На поляне начался пир. Не только для него одного – тигру дали кусок мяса, олененку досталась небольшая груда желудей, грибов и свежих фруктов. Птицы слетелись к маленьким изящным ракушкам, наполненным семенами. Терин был уверен, что, посмотрев он на дерево, увидит, что ястреб тоже ест, хотя, вероятно, не кролика.

Терин взял манго и откусил большой кусок. Мужчина был настолько голоден, что эта еда показалась ему лучшей из той, что он пробовал, даже если она не была таковой. Он увидел гуаву и физалис, сладкие пиньи и семена перей, бананы и многое другое – все это было безумно вкусно. Пальцы мгновенно стали липкими, с подбородка капал сладкий сок, но ему было все равно.

Но, вытирая лицо тыльной стороной рукава – его портные наверняка бы в обморок упали, увидев это, – он в то же время изучал лицо богини, которая его спасла. Оценить выражение ее лица было очень трудно из-за странных глаз, но она терпеливо смотрела на него в ответ. И ждала.

– Спасибо, – наконец сказал Терин. – Не думай, что я не благодарен, но... почему меня явилась спасти сама богиня? Мне казалось, вы для этого слишком заняты.

– Ну, ты ведь молился. – Она посмотрела мимо него, словно вглядывалась в лицо кому-то, стоящему за его плечом, и нахмурилась.

– Я не... – Терин замолчал и оглянулся. Там никого не было.

Молился ли он? Возможно...

Галава протянула руку тигру, и тот потерся о нее подбородком.

– По правде говоря, дело не столько в тебе, сколько в Хаэриэль. Надеюсь, твое это это переживет. – Она наклонила голову. – Ты знаешь, что такое Ритуал Ночи?

Терин отхлебнул напиток, раздумывая над ее словами:

– Звучит знакомо, но я не могу сказать почему.

– Ты, наверное, слышал о нем еще в Академии – после этого прошло много времени, – сказала она. – Я уверена, ты понимаешь, что большинство подношений богам сжигаются, потому что разрушение освобождает тень. Но это не единственный способ собрать урожай тень. Гибель гораздо более эффективна для этого.

– Ты имеешь в виду жертву.

– Да, можно определить и как жертву. – Галава глянула на тигра, который издал пыхтящий звук и начал переворачиваться на спину, и закатила глаза: – Нет, я сейчас слишком занята, чтобы играть! – Она обратила внимание на Терина. – Много лет назад в Кортаэнской Пустоши был заключен в тюрьму демон. Демон, который, по сути, является самой причиной существования Кортаэнской Пустоши.

Терин выпрямился. Он прекрасно знал, что за монстр заключен в тюрьму в Пустоши. Однако он никогда к нему не приближался, потому что даже юношеские глупость и вера в собственное бессмертие имели свои пределы. Ни он, ни его друзья не заходили в Пустошь *так* далеко.

Галава продолжала:

– Удержание этого демона в заточении требует необычайных запасов тень. Так что давным-давно одна из Четырех Рас – ворасы – разработали ритуал объединения достаточного количества тень. И то, чем они пожертвовали, было их бессмертие.

Терин поморщился:

– Ох. Верно. *Этот* Ночной Ритуал. Я перепутал его с другим.

Один из профессоров истории рассказывал об этом столь занудно, что он попросту засыпал каждый раз¹¹⁰.

– Этот другой Ночной Ритуал гораздо веселее того, о котором ты подумал, – подмигнула ему Галава. – В этом ритуале используется фигура, символически связанная с рассматриваемой расой. Лучше всего для этого подходит их монарх. Первыми отказались от бессмертия ворасы. Потом отказался мой народ, ворамеры. В прошлый раз так же поступили вордреты. И остается только... – Она замолчала.

– Только ванэ, – сказал Терин.

– Да. Только ванэ. – Она грустно улыбнулась. – Мы отстранили Хаэриэль от власти лишь потому, что она ясно дала понять, что не собирается проводить Ритуал Ночи.

– Мы? *Мы* отстранили Хаэриэль от власти?

– О нет, мой дорогой малыш. Ты не имеешь к этому никакого отношения. – Выражение лица Галавы стало озорным. – В отличие от нас с Таэной.

– Это сработало. Она не королева.

– Да, – ответила Галава. – Но возникли... – она беспечно махнула рукой, – осложнения с королем Келанисом. Люди, которых мы послали разобраться с этой проблемой, столкнулись

¹¹⁰ О, я вижу, Терин Де Мон тоже учился у профессора Телингаста!

с препятствиями¹¹¹. Которые может использовать Хаэриэль для того, чтобы вернуть трон – особенно с твоей добровольной помощью.

Терин выпустил из пальцев липкие остатки пиньи.

– Так вот почему ты мне помогаешь. – Несмотря на сладость плода, во рту ощущался горький привкус. – Тогда почему ты просто не убила ее, если не хочешь видеть ее королевой? В конце концов, *и ты, и Таэна – богини*. – Он почувствовал, как в душе поднимается отвращение – темное и уродливое. Как рождается ужас при мысли, что эти существа могут желать смерти Хаэриэль. Что он ничего не сможет сделать, чтобы спасти ее, если они решат так поступить.

А еще он почувствовал ужас от того, что все равно попытается...

– Убить ее? – Галава широко распахнула глаза. – О нет. Таэна, может, и не рада тому, что Хаэриэль отказалась провести ритуал, но ведь Хаэриэль – ее внучка. Даже гнев Таэны имеет свои пределы.

Мир покачнулся под ногами, словно они вдруг оказались в океане. Терин поперхнулся:

– Хаэриэль Таэне *кто?*!

Птицы взмыли в воздух от смеха Галавы.

Ему казалось, что его штормит и качает – и был рад, что сидит.

– Я не... я не знал.

– А тебе разве могло прийти в голову: «О, эта прелестная ванэ, которую я только что купил... Держу пари, она королева ванэ и вдобавок внучка Смерти»? – Выражение лица Галавы стало мрачным. – Но мне все кажется, что Таэна больше притворяется, чем расстроена отказом Хаэриэль. Та действительно похожа на свою бабу – у них схожий характер¹¹², а этот ритуал смертелен для того, кто его проведет. Я подозреваю, что Таэна скорее готова пожертвовать Келанисом, чем своей любимой внучкой.

– Правильно. Любимая внучка. – У Терина все еще кружилась голова от этой мысли. Но вскоре его пронзила алая вспышка гнева, оставив после себя лишь презрение и пепел. – Какой же она может быть любимой, если Таэна оставила ее в рабстве на двадцать пять лет? Если бы ее владельцем стал какой-нибудь другой верховный лорд...

– Верно, но я предполагаю, что именно по этой причине Таэна продала ее тебе. – Галава запнулась. – Хм. Возможно, я не должна была упоминать об этом.

Он ошибался, считая себя невосприимчивым к любым возможным потрясениям. Все, что мог Терин, – это лишь смотреть на богиню, а в его мозгу вновь и вновь всплывали воспоминания и какие-то выводы – подобно тому, как разъяренная толпа выкрикивает обвинения. Одно дело – создать гаэш своей любимой внучке и отдать ее кому-нибудь для ее же спасения, словно заключить ее в тюрьму без решеток. И совсем другое – отправить ее к представителю Королевского Дома Куура, а точнее, к тому, кто был жрецом Таэны. *Что это* дало Таэне? Что из этого получилось?

Кирин. Из этого получился Кирин.

В таком случае действительно ли его покойная жена Нора умерла от осложнений при родах? Он и сам-то всегда в это не верил, учитывая его способности и количество целителей, которые лечили ее. А может, она умерла, потому что Таэна просто *убила* ее, чтобы расчистить путь?

Терин взял тыкву и сделал большой глоток, а потом хмуро глянул на свой напиток.

– Это ведь не алкоголь?

– Нет, дорогуша. Я решила, что так будет лучше.

– Все из-за этого дурацкого пророчества, не так ли? Проклятого пророчества Педрона. Вот почему... – Он сжал зубы. Когда он думал обо всех людях, которых убил Педрон Де Мон...

¹¹¹ Ах, Галава. И ты даже не упомянула, что один из посланных людей – сын Терина?

¹¹² Более правдивые слова и не произносились.

нет, когда он думал обо всех людях, которых убил *его отец*, Педрон, лишь для того, чтобы Педрон и Гадрит Де Лор могли в каком-то дурацком стремлении гнаться за божественностью и высшей властью...¹¹³

Галава потянулась к нему и взяла его за руку:

– Бедняжка... Я знаю, это слабое утешение, но, похоже, оно сработало. А твой сын Кирин вырос таким славным молодым человеком.

– Ну конечно, – усмехнулся Терин. – Я же не имею никакого отношения к его воспитанию. – Свободной рукой он протянул тыкву. – Могу ли я вежливо попросить чашу вина?..

Галава сжала его руку, игнорируя его вопрос:

– Послушай меня, дорогуша. Ты не виноват, что Дарзин был таким. Иногда, что бы мы ни делали и ни говорили, наши дети получаются не такими, как нам хотелось бы. Мои дети... – На ее лице, под улыбкой, пряталась боль. – Ксалома всегда была таким милым ребенком, я всегда думала, что Шаранакал может покинуть библиотеку лишь затем, чтоб пойти на концерт, а Баэлош... – Она замолчала. – Хорошо. Баэлош всегда был немного смутьяном. Но в хорошем смысле¹¹⁴. Сейчас? Сейчас мне больно думать об этом. Я *оплакиваю* их.

Терин отставил чашку в сторону.

– Я не... – Он вздрогнул и начал снова. – Я не чувствую... ничего... по поводу Дарзина. – Он сглотнул, в горле было сухо, как улицы куурской Столицы летом. – Нет, неправда. Я чувствую облегчение. Если бы я только мог что-нибудь сделать... – Он закрыл глаза. – Баврин и Деви действительно мертвы? Не просто мертвы, а... уничтожены. Гадрит уничтожил их.

Галава помедлила с ответом.

– Гадрит поглотил нижнюю душу Баврина, так что верхняя душа Баврина не смогла перейти в Загробный мир. Так что да, он... ушел. Однако Деви был просто убит. Он в Стране Покоя. – Она сжала его руку. – Вряд ли кому-нибудь придет в голову ходатайствовать о его возвращении, но он перевоплотится. Я позабочусь, чтобы он оказался в каком-нибудь приличном месте.

– Спасибо, – пробормотал Терин. – Это очень любезно. – Он почувствовал, как в душе разгорается ненависть к Кууру, к Столице да и к каждому Королевскому Дому. Он совсем бы не возражал, если бы Хаэриэль вторглась и спалила Куур дотла. Они все это заслужили. Включая его самого.

Но было трудно – даже сейчас, когда его в Кирписском лесу утешала богиня, – хоть немного не ненавидеть Восьмерых Бессмертных. За все их манипуляции. За то, что они не желали заступиться. За то, что ничего не *сделали* с Кууром. Он не осмеливался взглянуть на Галаву, боясь, что она увидит это в его глазах.

– А теперь... – наконец произнес он, глядя в сторону. – Я не помогаю Хаэриэль, как вы хотели.

– Ты действительно... *не помогаешь*? Ты в этом уверен?

Вздрогнув, он повернулся к ней.

– Я...

Галава отпустила его руку и присела на корточки.

– Ты жаждешь не только вина, дорогуша. Я бы не стала осуждать тебя за то, что ты вернулся к ней, даже после всего, что она сделала тебе, и всего, что ты сделал ей. – Она посмотрела

¹¹³ Педрон Де Мон и Гадрит Де Лор следовали разделу Деворанских пророчеств, которые относились к Четырем Отцам (возможно, праотцам – но это спорно). По-видимому, Восемь Бессмертных также пытались исполнить это же пророчество, но с большим успехом. Мне эта идея тоже не кажется особо приятной, поскольку она предполагает, что в моем собственном зачатии имело место божественное вмешательство, а не влюбленность моих родителей.

¹¹⁴ Это означает, что в тысячелетней истории Бессмертных Галава в разные моменты была связана как с Таэной, так и с Омфером. У нее и Таэны было двое детей, Шаранакал и Ксалома, в то время как у нее и Омфера был один ребенок, Баэлош. Все трое детей теперь драконы. Поскольку и Таэна, и Галава – ворамеры, можно только догадываться, кто в этих отношениях был отцом, а кто матерью. Я полагаю, что это столь же несущественно, как и все остальное, но требуется это сказать для сноски.

на него своими серебристыми, чужими глазами. В этот момент ничто в ней не казалось дружелюбным. – Но если ты это сделаешь, пойми, терпение Таэны имеет пределы. Она *скорее* убьет Хаэриэль, чем увидит, как ритуал останется невыполненным. Так что, если ты хочешь спасти свою возлюбленную, не пускай ее на трон. Так или иначе, корону она надолго не наденет.

Терин вспыхнул. Угрозы, которые он передавал Стражам через Ночных Танцоров, обычно звучали более тонко. *Ваш муж очень любит вас. Почему бы вам не помочь ему решить, кого лучше арестовать?*¹¹⁵

– Но почему? – наконец спросил Терин. – Почему этот ритуал так важен, что он нужен даже Восьми Бессмертным? Если этот заключенный в тюрьму демон *так сильно беспокоит вас, просто снова заключите* его в тюрьму. Зачем тебе понадобилось тащить ванэ на тот же уровень, что и всех нас?

Ее маленькие ноздри раздулись – это был первый и единственный раз, когда он увидел на ее лице что-то похожее на гнев.

– Хотела бы я, чтобы это было так просто, – сказала Галава, – но разве справедливо, что все остальные расы – твоя и моя – принесли эту жертву, в то время как ванэ отказываются? Должен быть баланс. – Она рассмеялась, но без особой радости. – Они так хотели отдалиться от вашего народа. Ванэ зачаровывали себя и изменяли себя, пока не превратили это желание в реальность. Но за это надо платить.

– Я не понимаю, – сказал Терин. – Она говорила, что ванэ когда-то были *людьми*?¹¹⁶

– Может, тогда попробуешь поверить? – предложила Галава. – Да, Келанис умрет, но не навсегда. Он возродится. Все ванэ возродятся, подобно тому, как это делают люди, моргаджи и дретты. Нам нужно только время – достаточно времени, чтобы пророчества исполнились. Ритуал Ночи дает нам это время.

Терин рассматривал богиню, все сильнее понимая, что чувствует себя... потрясенным. Потрясенным и злым. Потому что, если Галава, Таэна и, вероятно, все остальные боги считали, что единственным выходом было поверить в Деворанские пророчества, это означало, что в конечном счете они ждали смертного, чтобы спасти их – спасти *всех*.

Точнее, они ждали, что всех спасет *его сын*. Терин, честно говоря, не знал, какие эмоции следует испытывать по поводу этой мысли. Гордость? Гнев?

Может быть, ужас.

– Хорошо, – осторожно сказал Терин. – Поверить. Спасибо за... – Он обвел рукой поляну. – И за то, что объяснила мне суть дела.

– Ты хочешь, чтобы я отправила тебя обратно к Хаэриэль?

Терин колебался. Он не был готов к этому. Ему нужно было время, чтобы прочистить голову и выяснить, чего он хочет.

– Если ты не возражаешь, я лучше вернусь в Столицу.

Галава моргнула.

– Ты не сможешь помочь, находясь там.

– Я не смогу помочь, если ты отправишь меня обратно к Хаэриэль до того, как я буду готов.

Богиня долго мерила его изучающим взглядом, потом наклонилась и поцеловала в лоб. Он почувствовал себя десятилетним мальчишкой рядом с матерью.

– Я понимаю. Будь умницей.

– Это не в моем характере... – Мир вспыхнул и погрузился во тьму, а затем вспыхнул во славе света...

¹¹⁵ Терин Де Мон контролировал Ночных Танцоров, совершенно незаконную преступную организацию, действующую в Столице. Учитывая, что Дарзин отобрал контроль у отца, неясно, кто контролирует их сейчас.

¹¹⁶ Опять-таки это вопрос определения. И, честно говоря, это справедливо для всех Четырех Рас. Мы все «люди».

Терин Де Мон вернулся в Столицу Куура.

24. Разговоры в плетеных корзинах

(Рассказ Кирина)

Мы уехали тем же вечером.

Я рассчитывал подождать до утра, но триссы настояли на обратном. Их транспорт двигался ночью так же хорошо, как и днем.

Я также предполагал, что мы отправимся на лодке. У триссов был другой план. Когда солнце село на востоке, триссы показали нам скакунов: ящериц.

Это были необычные ящерицы. Они напоминали муравьедов с длинными острыми носами и черными пуговичными глазами, но их тела покрывала драконья чешуя. Они ходили на задних лапах. Передние лапы заканчивались длинными острыми когтями. И каждая ящерица была ростом примерно со слона.

Они двигались быстрее, чем можно было предположить при их размерах, могли бежать часами и с поразительной ловкостью взбирались на деревья, если те оказывались достаточно большими, чтобы выдержать их. Я бы предположил, что таких деревьев не существует, но у джунглей Манола было свое мнение. Деревья в Маноле были большими.

Очень большими.

При этом ехать верхом на ящерице не требовалось. Конечно, у них был погонщик, который, в зависимости от обстоятельств, держался за мултраса (так их называли триссы) или сидел на них. Пассажиры ехали в большой плетеной корзине на спине ящерицы, отчего казалось, что существо несет очаровательный рюкзачок. Пассажиров привязывали к этим корзинам, и они лежали в них, за исключением тех случаев, когда из-за подъема наверх фактически получалось, что они стояли.

Увидев эти корзины, я испустил долгий нервный вздох. Плетенки выглядели не такими уж большими. Я заметил еще одну проблему, но ничего не сказал. Тераэт тоже заметил проблему.

Но не заметил ловушки.

– Я поеду с Джанель, – сказал Тераэт.

Я покачал головой.

– Я бы сделал по-другому.

– И что ты хочешь этим сказать? – уточнил Тераэт.

Джанель подняла бровь:

– О? Так ты поедешь со мной? Вот так запросто?

Тераэт помолчал:

– Я имею в виду... если ты не против?

– На самом деле, против, – ответила Джанель. – И, должна сказать, я устала от всего происходящего.

– Джанель, если я перешел черту, прошу прощения. – Тераэт выглядел испуганным.

– Я имею в виду – от происходящего между вами. – Джанель указала на Тераэта и меня. – Я не собираюсь быть вашим оценочным листом, дабы вы определили, кто победит. Турвишар, ты не будешь возражать, если я поеду с тобой?

– Для меня это большая честь, – поклонился Турвишар.

– Спасибо. – Она подняла свой рюкзак и подошла к триссу, который ждал, чтобы помочь ей забраться в корзину.

Я повернулся к Тераэту:

– Ух ты. Где ты так здорово научился обращаться с женщинами?

– Заткнись, – прорычал Тераэт, хватаясь за свой рюкзак.

Стоило триссу помочь мне забраться в корзину, и я тут же об этом пожалел. Мозгами я понимал, что у меня достаточно места, чтобы передвигаться. Ремни нужны были, чтоб мне было комфортно, а не для того, чтобы удерживать меня. Меня никто не держал в плену.

Я горячо, отчаянно и бесконечно все это возненавидел.

Я закрыл глаза и сказал себе, что нахожусь в месте, где вокруг лишь небо, свобода и бескрайнее пространство. Что я ничем не связан. Свободен.

Лишь когда ящерица двинулась вперед, я понял, что что-то бормочу.

– У тебя все нормально? – уже не так сердито спросил Тераэт.

– Я в порядке, – процедил я сквозь зубы.

– Разумеется. И говоришь ты об этом прекрасно.

Я не ответил. Некоторое время мы молчали.

– Не люблю тесноты, – сказал я.

– Что?

– Не люблю тесноты, – повторил я. – Думаю, просто, когда моя душа оказалась в ловушке внутри Вол-Карота, я не мог ни двигаться, ни говорить. У меня не было ни сил, ни выбора. Я не мог контролировать собственное тело, потому что теперь это было его тело. Самое забавное, что раньше мне нравилось, когда меня связывали, – ладно, эта информация тебе не нужна.

– О нет. Пожалуйста, расскажи мне поподробнее о своих заскоках. Мне так интересно.

Я чуть не рассмеялся и таким образом позволил пройти еще одному отрезку вечности.

– Я не простил тебя за то, что ты мне солгал, – сказал я позже.

– Лгал тебе? – В голосе Тераэта звучало возмущение. – Я никогда не лгал...

– Когда ты впервые рассказал мне, откуда знаешь о Джанель. Ты *солгал*.

Тераэт фыркнул.

– О боги, я просто знал, что ты заговоришь об этом. Технически я не...

– Заткнись со своим «техническим» дерьмом. Ты намеренно подвел меня к неправильному выводу, а когда я к нему пришел, то даже не попытался меня поправить. Ты обманул меня. Ты знал о Джанель не потому, что я разговаривал во сне; ты уже встречался с ней в Загробном мире. Черт, ты же уже даже поцеловал ее...

– Откуда ты это знаешь? – В его голосе прозвучал ужас.

– Она мне сказала! Я даже помню, когда это случилось. В тот первый день на Инистхане, когда я увидел, как ты исполняешь Маэванос. Ты танцевал на этом алтаре, практически голый, а затем ты вонзил кинжал себе в сердце. Когда ты вернулся из мертвых, на твоём лице была широкая улыбка. Я спросил тебя, чему ты улыбаешься, и ты ответил, что только что воссоединился со своей *женой*.

– А что я должен был сказать? – ответил Тераэт. – «Эй, тебе знакома эта девушка? Та, которую ты никогда не встречал, но которой ты просто одержим, потому что демон оттрахал твой разум? Я встретился с ней в Загробном мире. Она – реинкарнация моей жены из прошлой жизни, и я по-прежнему одержим ею. Но она понятия не имеет, кто *ты*, так что я не собираюсь представлять вас друг другу».

– Подонок.

– Как и всегда. И, кстати, это относится к нам обоим. Ты вдобавок разговариваешь во сне. Мне рассказала Калиндра. Поэтому я и понял, что Джанель важна для тебя.

– Проваливай в пекло!

– Я совершенно уверен, что уже там нахожусь.

В какой-то момент ящерицы начали карабкаться вверх, так что мы фактически стали вертикально. Это весьма помогло. Мне казалось, что я хоть что-то могу контролировать, когда чувствую силу притяжения под ногами, а не сзади.

– И что мы будем делать с Джанель? – спросил Тераэт.

Я рассмеялся – весьма неприятно, если честно.

– Я серьезно.

Я покачал головой:

– Не думаю, что это зависит от нас. Она собирается составить обо всем происходящем собственное мнение. – Я посмотрел на Тераэта: пусть даже я и не мог ясно разглядеть его в темноте. – Знаешь, чего я не понимаю? Как тот, кто сходит с ума по независимым, уверенным в себе женщинам – Калиндра, Тьенцо, – одновременно относится к Джанель так, словно она – хрупкая кукла. Ты ведь слышал, что она убила дракона? Точнее двух? Ты убивал драконов?

Тераэт вздохнул:

– Воспоминания о ней сводят меня с ума.

– Элана Кандор смогла пройти Кортаэнскую Пустошь, будучи беременной *твоим* ребенком, – и потребовать у моргаджей, чтобы они прекратили нападать на Хорвеш. *И моргаджи согласились*. Думаешь, она была очень кроткой?

– Думаю, я ее не знал.

– И все же ты женился на ней. Это был брак по договоренности или что-то в этом роде?

– Браки тогда были... иными. Я женился на ней, потому что она была весьма симпатичной, мне нравилось, как она поет, и у нее были хорошие, могучие детородные бедра. Мы с ней не общались.

– Ух ты. Правда? То есть ты просто возвращался домой после своего последнего военного похода, насиловал свою хорошенькую жену с красивыми широкими бедрами и снова уходил?

– Это не было изнасилованием! – запротестовал Тераэт.

– Меня там не было, так откуда мне знать? Но я почти уверен, что единственная разница между тем, чтобы быть женой и рабыней в Кууре, заключается в том, кто получает деньги от продажи¹¹⁷. И если у нее не было выбора, то разве это не изнасилование? Ах да, это ведь все было законно. *Технически*.

Тераэт испустил долгий, прерывистый вздох:

– Я облажался.

– Ну, я весьма далек от того, чтобы объяснять тебе, что ты делаешь не так, – ядовито сообщил я.

– Ой, да пошел ты!

– Как пожелаешь, – огрызнулся я.

Я не знал, что делать. Я чувствовал себя таким опустошенным. Внутри все болело, мысли проносились вихрем. Я откинулся назад и медленно выдохнул. Все казалось таким неправильным и уродливым. Все, чего я хотел – безумно и отчаянно, – это исправить все это. Чтобы все стало правильным. Вот только я не знал, как это сделать. Я даже не был уверен, как это должно быть «исправлено». Чего я хотел?

Я загнал наши отношения в угол, который мне никогда не приходилось исследовать.

Признание Тераэта... Боги, он действительно сказал именно то, о чем я подумал?

– Я бы не сказал, что она влюбилась в меня, – наконец произнес я. – Она... она настоящая джоратка. Им нравится физическая привязанность. Это не означает ничего романтического. Но она жеребец – и каждый раз, когда ты пытаешься защитить ее, ты говоришь ей, что она находится под твоей идоррой, твоей властью. Что она *нуждается* в твоей защите. Там, откуда

¹¹⁷ Печальная правда.

она родом, так не поступают. Она должна будет драться с тобой. Она не сможет остановиться. Она должна поставить тебя на место¹¹⁸.

– Идорра? – слабо спросил Тераэт. – Я *покорил* Джорат. Думаю, я более знаком с их культурой, чем ты.

– Прошло пятьсот лет. Какая бы культура ни существовала, когда ты здесь бывал, она изменилась. Ты должен попросить, чтобы Джанель тебе все объяснила. Она справится с этой работой лучше, чем я. Я и сам все это едва понимаю. Имей в виду, я не считаю, что это такая уж здоровая основа для отношений. Это целая политика идора/тудадже. Все эти главенствующие и подчиняющиеся. Если один человек доминирует, другой *обязан* быть покорным. Не знаю. Возможно, я просто слишком романтичен и потому думаю, что это прекрасно для игры в бандаж и ужасно для любви.

Тераэт рассмеялся. Боль в груди немного утихла.

– Знаешь, иногда я забываю, что ты вырос в борделе. Из-за того, что ты такой ханжа, я все время думаю, что ты неопытен.

Я подавил смех.

– Ханжа? Я не ханжа.

– О, ты ханжа, – сказал Тераэт. – По-видимому, ты просто не наивен.

– Если только не по поводу самого акта. А вот по поводу любви... Разумеется. Я понятия не имею, что делать, когда ты влюблен.

– Никто из нас не знает, – сказал Тераэт. – Это естественно.

– Послушай, я понимаю, что нам нужно многое обсудить... – Я замолчал. – Мне нужно время.

– По крайней мере, ты все еще разговариваешь со мной. Для начала неплохо.

– Да, – сказал я. – Полагаю, что да.

Во время путешествия мы иногда останавливались. Ящерицы замирали на специальных остановках, расположенных вдоль линии деревьев и где было все, что могло понадобиться, ну разве что кроме еды, которую мы принесли с собой. Мы разминали ноги, занимались всем необходимым, ели и пили.

Я не мог сказать, наступил ли день, потому что кроны деревьев образовывали плотный навес, через который не проникал свет. Когда мы вошли в затопленную область, под ногами виднелась поверхность, гладкая, как стекло, а земля находилась где-то глубоко, под тридцатью футами воды. Температура упала со смертельно жаркой до влажной и теплой.

Я изо всех сил старался взаимодействовать с Тераэтом, когда мы останавливались на привалы. Не игнорировать его, не огрызаться, не пытаться драться с ним. Борясь со своими эмоциями, я знал одно: я все испорчу, показав Тераэту, что его горячее признание было ошибкой. Я хотел, чтобы Тераэт был честен со мной.

Даже если бы это до безумия усложнило мою жизнь.

Тем не менее я бы солгал, если бы сказал, что мне не было неудобно. Я не мог игнорировать все происходящее, но и не хотел противостоять этому. Турвишар время от времени бросал на нас обеспокоенные взгляды, но ничего не говорил. Джанель вела себя так, словно все было в порядке.

Она либо не обратила внимания на подтекст, либо думала, что ее мнение ни на что не повлияет.

¹¹⁸ Я потратил долгое время на размышления о том, почему Джанель, похоже, не придерживается тех же стандартов по отношению к Кируну. Наконец я нашел очевидный ответ: она обратилась за помощью к Кируну. Кирин действительно владеет идоррой над Джанель. Интересно, понимает ли это сам Кирин?

Во время путешествия мы часто дремали и спали урывками. Мултрасы двигались удивительно плавно, но я все равно просыпался.

Как-то раз я заметил, что Тераэт наблюдает за моим сном.

– Ладно, мне совсем не страшно, – пробормотал я.

– Прости, – сказал Тераэт.

В его голосе не было ни капли сожаления.

– Ответь мне на один вопрос. – Я зевнул, поворачиваясь на бок и поправляя ремни.

– Да?

– Что ты собираешься делать после того, как спасешь мир?

Тераэт уставился на меня.

Я вскинул брови:

– Да ладно тебе. Какие у тебя планы? Мы спасаем мир, вновь заключаем Вол-Карота в тюрьму, побеждаем Релоса Вара, уничтожаем демонов, исправляем все, что неправильно. Что дальше?

– Я... – голос Тераэта затих.

Тераэт никогда не планировал «что будет дальше». Мир Тераэта, вероятно, с самого детства состоял из пророчеств и великих судеб, с тех самых пор, как он изучил свой избранный статус на божественном колене своей матери. Или, может быть, просто вспомнил все из своей прошлой жизни.

– А ты что собираешься делать? – спросил Тераэт вместо ответа.

– Хм. Раньше я думал, что открою таверну, но на самом деле я просто хотел дать хорошую пенсию моему отцу. Я собирался стать величайшим в мире вором, от которого не могло бы спастись ни одно охраняемое хранилище или драконье сокровище. Сейчас? Не знаю. Я мог бы последовать за Джанель. Почти уверен, что, если завтра все уладится, она вернется в Куур и свергнет империю. Она весьма амбициозна. Намного сильнее, чем я. – Я на миг замолчал. – Только не говори мне, что тебе хочется развлечься, разрушая Куурскую империю.

Тераэт рассмеялся.

– Думаю, если мы вежливо попросим, нам поможет нынешний куурский император. Просто я так долго боролся со всем этим... – Он вздохнул. – Мне все больше и больше хочется забыть, кем я был раньше. Люди не должны помнить свои прошлые жизни. Мне это не принесло никакой пользы.

– Конечно. Весьма неловко осознавать, что твой отец из нынешней жизни был женат на твоей вдове из прошлой. Меня это бы дико нервировало.

Повисла тишина. Она продержалась дольше, чем просто пауза, и застыла на долгое время, показывая, как Тераэт ошеломлен.

О нет.

– Итак... – Я прочистил горло. – Никто об этом не упоминал?

– Нет, и забавно, что это не всплыло в обычной болтовне. – Он помолчал. – Подожди, ты шутишь? Потому что если ты шутишь, то ты просто молодец. Ты меня *поймал*. Я просто заглотил наживку! – Он помолчал. – О боги. Ты не шутишь.

– Нет, извини. Я не шучу. Док рассказал мне об этом еще на Инистхане. Он женился на Элане, вдове Атрина Кандора. Полагаю, это была своего рода месть. Ты отнял у него страну, он у тебя – жену.

Тераэт выдохнул.

А затем расхохотался.

Смех был настолько истеричен, что Тераэт даже закашлялся. Я дотянулся до него и похлопал по спине, сам борясь со смехом. Не потому, что это было смешно, а потому, что такой смех был слишком заразен.

– У моей матери отвратительное чувство юмора, – в конце концов сказал Тераэт.

– Знаешь, истории о Таэне весьма это преуменьшают. – Я собирался спросить Тераэта, все ли с ним в порядке, хотя это казалось маловероятным, но вдруг наше движение замедлилось. Трисс, управлявший ящерицей, постучал по крышке корзины.

Я понимал их язык достаточно, чтобы понять самую суть его слов: *вылезай, тебе нужно это увидеть*. И одновременно с этим – то ли от того, что сменился ветер, то ли от того, что мы находились близко, – я почувствовал новый запах: горящее дерево.

Выбравшись наружу, мы оказались перед мостом, перекинутым через гигантские, спросшиеся в единое целое деревья. Каждое дерево возносилось столь высоко, что здания, выступающие из стен, казались их естественными продолжениями, а не искусственными конструкциями. Дорожки, соединявшие их, были похожи на кружева.

И все это сгорело дотла.

25. «Бойня»

(Рассказ Терина)

У Галавы было чувство юмора. Да, богиня перенесла Терина в Столицу, но оказался он в храмовом районе. А точнее, в Храме Таэны. Она одела его в бело-красные одежды жреца Таэны. И лишила его всего оружия.

– Коварно, – пробормотал он себе под нос, споткнувшись в темноте. Как раз шли похороны – очевидно, они шли без остановки, – и никто не заметил, когда он появился позади всех.

Он стащил со стены чей-то висевший на ней плащ салли и ушел.

Легкие наполняло зловоние дыма и горящего камня – не тот сладкий запах очага, но запах опустошения, сожженной плоти, уничтоженных жизней. Все напоминало о трагедии, случившейся несколько недель назад и продолжавшейся до сих пор. Кто знает, сколько времени уйдет на восстановление? Дом Де Кард ничего не станет делать бесплатно, а это означало, что огромная часть населения Нижнего Круга стала бездомной. Некоторые Королевские дома расхватывали свободные земли по бросовым ценам.

Терин натянул на голову капюшон плаща салли. Он знал, что он *должен* делать: пойти в Синий дворец, назвать себя, вновь собрать свой Дом из осколков. Ему даже не надо было далеко идти. Он может вернуться домой через несколько минут.

И все же Терин стоял, не обращая внимания на знакомый жар, поднимающийся от белых булыжников. Он не мог пошевелить ногами. Это был его долг. Он был верховным лордом Дома Де Мон. Он должен был вернуться. Он отвечал за один из двенадцати Королевских Домов Куура.

В этом-то и заключалась проблема, не так ли? Он *отвечал*.

От этого слова отдавало привкусом пепла, и одновременно оно резало, как нож, – обвиняло, обязывало, проклинали. «*Ты никогда не возненавидишь меня и вполнину так, как ненавидишь себя*», – сказала ему Хаэриэль.

Возможно, она была права.

Терин заставил себя двигаться, но далеко не ушел, вскоре свернув вниз по истертой каменной тропинке, ведущей в центр Верхнего Круга. Учítывая, как долго он отсутствовал, несколько часов ничего не изменят. Ему нужно было с кем-то поговорить. А еще – выпить.

И то, и то можно было получить одновременно. Поэтому, вместо того чтобы отправиться домой, он позволил ногам привести его к «Бойне». Печально известная таверна пережила разрушение лучше, чем большинство зданий. Возможно, виной всему была прочная конструкция таверны, но Терин подозревал, что тут, вероятнее, повлияло то, что она находилась на отшибе. Основное разрушение случилось у арены с магическими полями, защищающими близлежащие здания. И затронуло Черную башню – штаб армии Куура, который, вероятно, был более привлекательной мишенью.

На стенах виднелись опаленные отметины. Стекла были разбиты. Разрушенная мебель была свалена в кучу у дальней стены. И тем не менее бар выглядел удивительно нетронутым и шокирующе оживленным для полудня, даже если предположить, что толпа задержалась на позднем обеде. Он был не единственным человеком, которому нужно было выпить.

Терин подошел к бару. Рабочими, занятыми ремонтом, руководила молодая женщина, одетая в мужскую одежду. Он узнал ее: это была Таунна Миллигрест, приемная дочь Дока.

Таунна обратилась к мастерам:

– Размеры стекла должны быть точными. Мы не можем...

– Прошу прощения, – сказал Терин. – Прошу прощения, что прерываю, но я должен поговорить с Доком.

Таунна оглянулась на него.

– А где ты был, раз не знаешь, что Док не появлялся много лет?

Терин удивленно выпрямился. Он, конечно, не видел Дока какое-то время, но он просто предполагал... Казалось невозможным, что Док исчез.

– А он не появлялся? Но я... – Он запнулся и попытался начать сначала. – Ты не знаешь, где я могу его найти?

– Нет, не знаю, – ответила Таунна. – Так ты что-нибудь заказываешь? В противном случае тебе лучше уйти.

Официант, подошедший к Таунне, сказал:

– У нас закончился белый перчаточный лист. Пойду принесу еще одну банку из подвала.

Таунна вытерла руки о тряпку, висевшую за поясом.

– Нет, не надо. Я сама об этом позабочусь.

– О, мне не сложно!

– Это не обсуждается, – отрезала Таунна. – Присматривай за своими столами. Де Моны все еще ждут напитков.

Терин замер.

Он передвинулся так, чтобы капюшон отбрасывал тень на лицо, и медленно оглянулся по сторонам. И в глубине помещения Терин заметил его.

Своего внука Галена Де Мона. Он сидел за столом, заваленным раскрытыми книгами. Стул Галена был придвинут к соседнему, так что получалось место, на котором он мог сидеть вместе со своей женой Шелоран. Они сидели спина к спине, глядя в разные стороны. Терин мог бы подумать, что они поссорились и решили не разговаривать, но все выглядело так, словно они соприкасались, как будто каждый был стеной, которую можно было использовать для поддержки.

Шелоран выглядела почти так же, как всегда, – сплошные чувственные изгибы, затянутые в голубой шелк, расшитый сапфирами. Она была занята серьезным разговором со своей ровесницей, одетой по-хорвешки. Терину потребовалось мгновение, чтобы понять, что ее собеседница – Эледора Миллигрест, младшая дочь главнокомандующего. Нет, не так. После смерти Джарита – единственный ребенок главнокомандующего, поправил он себя¹¹⁹.

Эледора положила ладонь на руку Шелоран, заставляя ее расслабиться, как будто до этого Шелоран держала воображаемый меч. Женщины улыбнулись друг другу и рассмеялись.

Гален тоже был занят разговором, но с молодым черноволосым мужчиной, одетым в синие цвета Дома Де Монов. Их оживленная дискуссия, казалось, касалась открытых книг на столе. Если бы Терина спросили, он бы предположил, что Гален наконец-то начал получать уроки магии, которые Дарзин должен был дать ему много лет назад.

Гален выглядел счастливым, настолько, что Терин не был уверен, видел ли он его таким раньше. Казалось, само солнце выглянуло из-за грозовых туч.

Терин вздохнул и отвернулся.

Его потрясло отсутствие Дока. Пусть это и не было его настоящим именем. Терин впервые встретил Дока под именем знаменитого мечника Никали Миллигреста. Но даже после того, как Никали инсценировал свою смерть и спрятался, оставаясь у всех на виду, он ни разу не покинул «Бойню». Единственный раз, когда он проявил хоть какой-то интерес к чему-то, кроме арены, был...

– О, – сказал Терин вслух. – Должно быть, он отправился на поиски Валатеи.

Таунна обернулась:

– Что ты только что сказал?

Терин вздохнул:

¹¹⁹ Это потому, что Терин в этот момент не знал о существовании Джанель.

– Просто думаю о том, куда мог пойти Док. Ты сказала, что не знаешь.

Она махнула рабочим:

– Подождите здесь.

Таунна легко пересекла разделявшее их пространство, схватила Терина за мантию и притянула к себе, так что они оказались лицом к лицу.

– Валатея. Откуда ты знаешь это имя? – прошипела она.

– Мы с Доком старые друзья, – ответил Терин.

– Тогда как его настоящее имя?

– Никали, – прошептал Терин.

– Его *настоящее* имя...

Он замялся:

– Не знаю. Но я знаю, что он ванэ.

Она отпустила его и окинула внимательным взглядом:

– У тебя голубые глаза.

– Огенра тоже могут быть жрецами, – ответил Терин.

Губы Таунны скривились.

– И я бы сказала, что тут есть довольно сильное семейное сходство. Ладно. Следуй за мной. – она подозвала все того же официанта. – Если кто-то спросит, я в подвале. – Не оборачиваясь, чтобы посмотреть, следует ли за ней Терин, она направилась к боковой двери, которая, к счастью, не вела мимо стола Галена.

Ошеломленный Терин последовал за ней. Если Док *здесь*, почему она солгала?

Таунна повела его вниз по лестнице в подвал, наполненный резким уксусным запахом вин и алкоголя, десятилетиями хранящихся в прохладном, темном месте. Порывшись на полках, он взял небольшой бочонок и закинула его на плечо. А затем сняла с крючка связку ключей и бросила ее Терину:

– Он в винном погребе в глубине.

Терин поймал ключи.

– *Что?* Почему ты держишь своего отца взаперти в подвале?

– Это была его идея. – Таунна остановилась в дверях. – Он вернулся сразу после Адского Марша. Пару раз в день я бросаю туда немного еды, но он почти ничего не ест.

Терин скрестил руки на груди:

– Это не объясняет, почему он заперт.

– Тогда он не убивает наших клиентов, – сказала Таунна, как будто это было совершенно очевидно. – Сейчас находиться рядом с ним небезопасно. Я имею в виду, совершенно небезопасно. – И добавила: – Смерть императора Санда сильно на него повлияла. Наверное, они когда-то были близки.

Терин почувствовал, как его желудок налился свинцом. Ох.

– Я не... Точно, были близки...

– Если ты действительно его старый друг, я сочту за великое одолжение, если ты отговоришь его от самоубийства, потому что мне совершенно не интересно на это смотреть. И постарайся, чтоб он тебя не убил. – Она задумчиво посмотрела на него. – Хотя, в принципе, он не должен. У него всегда было правило не убивать родственников.

– Подожди, что ты имеешь в виду?..

Но она уже ушла.

Терин подумывал о том, чтобы догнать ее, но в конце концов решил, что на все вопросы сможет ответить и сам Док. Но, уже повернувшись к двери подвала, он замер.

Это он должен был убедить Дока завязать с алкоголем? Это так глупо. Но если его старый друг пил уже несколько недель, то, скорее всего, Доку грозило серьезное алкогольное

отравление, повреждение печени, хроническое недоедание и, возможно, полный отказ организма...

Так что Терин вполне мог с этим разобраться. Он вздохнул и открыл дверь.

По ту сторону двери было темно. Терин мог бы подумать, что комната пуста, но в этот момент на пол упала бутылка, а затем послышалось сдавленное проклятие.

– Эй, придурок, – громко сказал Терин, – что ты сидишь в темноте?

– В темноте? – голос Дока звучал низко, угрожающе и крайне злобно. – О нет, мой старый друг. Я сижу в последнем ярком дне, который когда-либо видела эта забытая богами планета. Можешь мне, конечно, не верить. Я тебе все покажу.

И мир вокруг Терина изменился.

26. Колодец Спиралей

(Рассказ Кирина)

На земле валялись мертвые и раненые ванэ. Еще несколько ванэ бегали меж ними, пытались вылечить раненых. Разумеется, все осложняла необходимость тушить пожары. И все это казалось невероятно знакомым.

Это напомнило мне Столицу во время Адского Марша. Я бросился вперед, чтобы посмотреть, могу ли я помочь, но тут нас заметили солдаты ванэ. И, честно говоря, учитывая, что только один из нас тоже был ванэ – ну, может, двое, в зависимости от того, кем считать меня, – одежда и животные триссов сейчас могли весьма помочь.

Солдаты направились в нашу сторону.

– Позвольте мне разобраться с этим, – сказал Тераэт.

– Разумеется, – ответил Турвишар.

Тераэт шагнул вперед, поклонился и тихо заговорил, а затем через несколько минут вернулся к нам:

– У меня для вас есть хорошие и плохие новости. Хорошая новость в том, что они совершенно не в восторге от чужаков, но мы явно не демоны. Именно они и напали.

– Значит, у демонов нет проблем с барьерными розами?

Тераэт поморщился:

– Похоже на то.

– Прелестно, – сказала Джанель. – Тогда какова же плохая новость?

– Мы все еще арестованы, – признался Тераэт.

– Что? – Я оглянулся. В конце моста, который мы только что пересекли, стояли стражники. В качестве подкрепления прибывали новые солдаты.

– Не все из нас ванэ, – объяснил Тераэт. – Даже если у нас есть все основания находиться здесь, они будут выполнять приказы. Они даже извиняются перед нами. Я весьма этим польщен.

– Я бы предпочел, чтобы мне меньше лестили и больше не арестовывали, – сказал я.

– Доверься мне. – Тераэт погрозил пальцем. – Пусть они делают свою работу.

Он повернулся, чтобы поблагодарить триссов за помощь.

Два трисса отсалютовали нам, вскочили в седла и уехали прочь через мост. Солдаты ванэ не пытались остановить их.

Тераэт повернулся к нам:

– Ну, пошли.

Мне совершенно не нравилась идея сдаваться стражникам или тем, кто считался властью в Маноле. Это всегда было дрянной идеей. Я слишком много лет прожил в городе, где правосудие зависело от золотой монеты, брошенной стражнику. Я не знал ни одной истории, которую не сделало бы хуже появление стражника. Они всегда были врагами. Я отступил на шаг.

– Кирина, – сказал Тераэт. – *Доверься мне.*

Я остановился и выдохнул:

– Ладно.

Мы шагнули вперед и позволили ванэ заковать нас в кандалы.

Ванэ забрали все наше оружие. Они обыскали нас. Они даже нашли нож, который я сделал невидимым. Затем они связали нам руки и повели по спиральной дороге Саравала, пока мы не достигли строения, похожего на муниципальный центр.

С того момента, как меня арестовали, я перестал испытывать к жителям Саравала всяческое сочувствие. На мой взгляд, повреждения города выглядели весьма поверхностными – это больше походило на набег, чем на вторжение. Демоны ворвались сюда, сожгли и убили всех, кого могли, а затем исчезли до прибытия подкрепления. После вторжения демонов никто, кроме солдат, не заметил, как мы пришли в город, – у остальных были свои проблемы.

Солдаты провели нас по темному коридору, который выглядел так, словно гигантские деревья сами создали его. Комната, в которую мы вошли, была неприветливой и совершенно недоброжелательной. Скорее она подходила для жестоких допросов. Я подумывал о том, чтобы стать невидимым и убежать, но тогда придется оставить остальных. Это было совершенно неприемлемо.

Солдат, который вел меня, развязал мне руки.

– Извините, – сказал мужчина. – Это надо было сделать для вида.

Я обернулся. Ванэ развязывали всех.

Охранники положили конфискованное у нас оружие на стол.

Джанель потеряла запястья:

– Что происходит?

Тераэт обвел руками помещение:

– Позвольте показать вам дом капитула Черного Братства, как и было обещано.

Я моргнул и огляделся. Ванэ улыбнулся.

Часть солдат разбрелись по своим делам в другие комнаты.

– Ясно. Могу я получить назад свое оружие?

Солдат указал на стол:

– Прошу.

Мы немедленно похватили свое оружие. Лишь Турвишар не тронулся с места, но Турвишар никогда не держал в руках ничего опаснее кухонного ножа¹²⁰. На столе лежало не так уж много оружия Тераэта. Я подозревал, что солдаты из профессиональной вежливости не забрали у убийцы все.

– Значит, демоны, – сказал Тераэт. – Просто налет или они за чем-то охотились?

– Не уверен, – признался солдат. – Возможно, это был отвлекающий маневр. Кто-то воспользовался спиральной тропой без разрешения.

Тераэт замер.

– Кто-то пробрался в Колодец Спиралей?

– Бывшая королева, не иначе, – сказал ванэ. – Король Келанис вместе со своими людьми находится там на случай, если она вернется.

Я встал. Похоже, выполнение плана Тераэта установить контакт с королем Келанисом у Колодца Спиралей займет у нас даже меньше времени, чем ожидалось.

– Отведи нас туда. Прямо сейчас.

¹²⁰ Должен признаться, что мысль о ношении острых предметов у пояса в данный момент вызывает у меня глубокое беспокойство. Не знаю почему.

27. Темное солнце

(Рассказ Терина)

Не было никакого перехода, никакого предупреждения. Только что Терин направлялся в темный подвал, а в следующее мгновение он уже стоял снаружи. Ну, формально снаружи. Он стоял на балконе и смотрел на город.

Это был явно магический город, сотканный из мрамора и порфира, алебаstra и халцедона. К небу тянулись изящные башни. Широкие магистрали больше напоминали парки, чем улицы. Везде росли цветы, деревья и зелень.

Но сейчас цветы выглядели увядшими и опаленными, листья побурели по краям. Огромные толпы ванэ стояли у колоннад, глядя вверх. Терин удивился, почему они разглядывают балкон, но потом понял, что люди смотрят на небо.

Терин тоже поднял голову. Док был прав: небо выглядело потрясающе ярким, почти белым за сияющей радужной Завесой Тиа. Солнце тоже напоминало то, что он видел у Колодца Спиралей – маленькое, желтое, слишком слепящее, чтобы смотреть прямо. То, что он видел, казалось... бесформенным, словно безымянный бог ухватился за край и потянул. Какая-то сила искрилась и изгибалась дугой вокруг Завесы Тиа, посылая по ее радужному покрывалу блестящие вспышки. В небе взорвались красивые и праздничные огненные цветы, но их появление вызывало у остальных людей лишь панику.

– Что это за хрень? – сказал кто-то рядом.

Терин отступил на шаг, потому что мужчина, стоявший рядом с ним... ну... мужчина, стоявший рядом с Теринсом, был похож на его отца, Педрона.

Да ладно.

Сходство не было идеальным. Ванэ был одет в пурпурные и золотые шелка, расшитые таким количеством цветов и драгоценностей, что член Королевского Дома Куура покраснел бы. Его кожа была слишком бледной, но цвет золотых волос, скулы, форма носа были до безумия похожи. Сходство было поразительным, вплоть до позы, в которой стоял незнакомец.

Это означало, что если то, что Хаэриэль сказала о происхождении Терина, было правдой, то это мог быть только Териндел Черный, предположительно названный так по причинам, отличным от его внешности.

Он вспомнил слова Таунны: *«Я бы сказала, что существует довольно крепкое семейное сходство»*.

Рядом с Теринделом стояла женщина, которая, если бы спросили у Терина, выглядела настолько ванэ, насколько это только возможно. Больше всего она походила на диковинное сочетание цветка и человека: у нее были фиолетовые волосы, напоминающие облака, и лицо в форме сердца – слишком совершенное, чтобы быть настоящим. Ее платье из многослойных шелков ниспадало вокруг тела, как искусно вышитые бисером лепестки, столь неземные, что от каждого ее движения, когда она прижималась к боку Териндела, они попросту танцевали.

– Не знаю, любовь моя, – ответила она, – но ничего хорошего. Я отправила сообщение Стражам. Надеюсь, вскоре мы узнаем больше.

– Если это нападение, – сказал Териндел, – я хотел бы знать, кто в этом виноват.

– Тиа, – произнес глубокий голос, – за что я ей весьма благодарен.

Все трое – Терин, Териндел и женщина – обернулись на звук голоса.

В центре комнаты стояли Омфер и Таджа. Терин узнал этих двух богов, хоть до этого он никогда и не видел их лично¹²¹. Даже находясь внутри дворца, Омфер каким-то образом

¹²¹ Технически это правда.

умудрялся находиться на вершине горы и теоретически не соприкасался с землей, в то время как Таджу можно было узнать по серебряным волосам и крыльям.

– Первая Наставница Валатея. – Омфер поклонился женщине с фиолетовыми волосами, а затем повернулся к Теринделу: – Ваше Величество.

Валатея высвободилась из объятий мужа и обняла Омфера.

– О, прекрати. Тебе не нужно использовать этот глупый титул. Ты уже тысячу лет не подчиняешься моим приказам. *Что случилось?*

– Восьмой оберег вышел из строя двадцать две минуты назад, – ровным голосом ответила Таджа. – Вол-Карот проснулся.

В комнате воцарилась потрясенная тишина, прерываемая лишь шумом толпы на улице.

Валатея поморщилась:

– Гризт предупреждал меня, что он выйдет из строя, но я думала, мы узнаем это заранее.

– Мы тоже, – сказал Омфер.

– Что... – Териндел нахмурился. – Что *это* значит? Объясните мне все, как будто я единственный человек в этой комнате, действительно родившийся на этой планете.

Таджа повернулась к своему спутнику:

– Ты справишься с этим лучше, чем я.

Человек, у которого на самом деле было каменное лицо, кивнул.

– Объяснять особо нечего. Саррик... – Омфер помолчал, нахмурился и поправился: – *Вол-Карот* все еще в ловушке семи оставшихся оберегов, но уже имеет доступ к своим силам. Мы можем только предположить, что он решил освободиться, вытянув достаточно грубой энергии из солнца, чтобы уничтожить обереги снаружи. Значит, он вызвал мощное корональное извержение и тянет шлейф плазмы прямо к поверхности планеты. – Он указал на балконную дверь. – То, что ты видишь снаружи, – это просто солнечные ветры, воздействующие на щит, который установила Тиа, как только заметила перемену. Сам шлейф достигнет планеты только завтра.

– Тиа сказала, что он движется быстрее, чем это возможно, – добавила Таджа.

– О, как мило, – проворчал Териндел. – Раз уж вы здесь, есть еще какие-нибудь хорошие новости?

– Драконы могут начать буйствовать в любую секунду, и это проблема, потому что Баэлош и Горокай находятся рядом с Кирписским лесом, – ответила Таджа, – хотя это не имеет значения, потому что Тиа не думает, что ее барьер будет достаточно силен, чтобы остановить основную корональную волну от прорыва, если в момент ее достижения атмосферы Вол-Карот все еще будет бодрствовать¹²².

Валатея издала бессвязный звук. Омфер хлопнул Таджу по крылу.

– Что? – спросила Богиня Удачи. – *Он сам спросил.*

– Ты хочешь сказать, что нам всем осталось жить меньше суток? – Валатея выглядела так, словно у нее проблемы с дыханием. – Что шлейф, который создал Сар... – она осеклась, – создал Вол-Карот, уничтожит *всю жизнь на планете?*

– Фактически он уничтожит всю жизнь, сойдет планету с орбиты и уничтожит по крайней мере одну луну, – мягко поправил ее Омфер. Он скорчил гримасу. – Наверное, Хару. Она в основном состоит из льда. Кроме того, что бы ни сделал Вол-Карот, это нанесло солнцу какой-то глубокий урон. Мы еще не понимаем последствий, но давайте переживем этот апокалипсис, прежде чем беспокоиться о следующем¹²³.

¹²² Раз уж предполагается, что этот «барьер» – Завеса Тиа, значит, у него гораздо более важная цель, чем просто предоставление поэтам тематического приема. Напомни мне как-нибудь поблагодарить Богиню Магии.

¹²³ На самом деле, это изменило цвет и размер солнца, сократило продолжительность нашего года и действительно уничтожило луну. Сезонные и атмосферные изменения были катастрофическими, и маловероятно, что человечество выжило бы без магической защиты Восьми Бессмертных и различных богов-королей. И все это в то время, когда Вол-Карот все еще был

У Терина скрутило все внутренности. Пусть он и не понимал, о чем они говорили, но все равно понимал достаточно. Достаточно было увидеть абсолютный ужас от беспомощности всех людей в комнате. Здесь находилось два бога, и они выглядели так, словно им вручили их судьбы.

– Итак. Нам нужно повторить Ритуал Ночи, – наконец сказал Териндел.

Валатея повернулась к мужу.

– Ритуал Ночи *провалился*.

– Ритуал Ночи провалился спустя две тысячи лет. На этот раз нам не нужно столько времени. – Териндел посмотрел мимо жены на двух богов. – Я предполагаю, что вы уже подумали об этом, и именно поэтому вы сообщаете эту новость лично.

– Мы также здесь, чтобы разобраться с Баэлошем и Горокаем, – сказала Тиа, – но в принципе да¹²⁴.

– Остальные разговаривают с главами двух других бессмертных рас, – уточнил Омфер. – Мы не ждем, что именно мы выберем, какая раса будет иметь честь быть следующей.

– О, так вы *помните*, что вы не боги, – хмыкнул Териндел. – А я уже начал задумываться над этим.

– Териндел, ты совсем не помогаешь, – мягко упрекнула его Валатея. Затем она повернулась, положив руку на плечо Омферу. – Спасибо тебе. Я знаю, что нелегко здесь находиться в тот момент, когда ты мог бы разыскивать своего сына. Я лишь надеюсь, что после того, как этот кризис закончится, ты вспомнишь, что всегда можешь заглянуть ко мне. Я скучала по тебе.

Омфер выглядел смущенным и одновременно благодарным.

– Благодарю вас. Я надеюсь, что мне представится такая возможность.

Тиа взмахнула руками, и боги исчезли.

Терин ждал, что видение закончится, но оно все не кончалось.

– Док? – спросил Терин. – Что, черт возьми, я только что увидел?

– Хотела бы я сейчас блевануть, – объявила Валатея.

– Док! – Терин оглядел комнату, но если Док там присутствовал духом, то Терин его видеть не мог. Он прошелся по комнате, надеясь, что магия, которую использовал его друг, не позволит ему упасть и вышибить мозги о винную стойку.

– Как и все мы, – согласился Териндел, – но мне нужно, чтобы ты отправилась на север и поговорила с Эльгестатом. Я пошлю Келиндеда к королеве Шахаре. Может быть, мы сможем вытянуть соломинку, чтобы выяснить, кто именно удостоится чести быть трахнутым.

Она на мгновение прикусила нижнюю губу, потом коснулась ладонями лица Териндела и подарила ему поцелуй.

– По крайней мере, группа, о которой идет речь, все еще будет жива.

– Ты была недавно в человеческом городе? – спросил Териндел. – Сам факт, что они без тени иронии называют себя людьми... – Он содрогнулся. – Как будто все остальные – *не люди*¹²⁵.

– Будь терпелив с ними, любовь моя. Они не помнят. – Валатея схватила его за руку. – Если такова будет наша судьба, я помогу тебе с ритуалом, когда вернусь.

Териндел кивнул с напряженным выражением лица. Мужчина расстегнул ворот мантии и провел пальцами по краю синего кристалла цали¹²⁶.

– Меньшего я и не ожидал.

заключен в тюрьму.

¹²⁴ Горокай – отец Таджи, Баэлош – сын Омфера. Смотри таблицу в конце.

¹²⁵ Это, безусловно, объясняет, почему все Четыре Расы, по-видимому, способны скрещиваться. Я уверен, что, какое бы слово Териндел ни использовал для обозначения человека, это, вероятно, не то же самое слово, которое мы используем сейчас, но значение, скорее всего, было тем же.

¹²⁶ Ах да. Кандальный Камень.

Все следили, как она покидает комнату: Терин, призрачные воспоминания и Док, где бы он ни был. После ее ухода иллюзорный король повернулся к другому ванэ – белокожему мужчине, настолько бледному, что он казался альбиносом.

– Собери Основателей в главном зале. Мы проведем Ритуал Ночи там.

Ванэ заморгал, глядя на него:

– Я... Простите? Я думал, мы созываем собрание Альянса?..

Король Териндел фыркнул:

– Ты когда-нибудь слышал, чтобы вордреды приняли решение о том, как действовать, менее чем за двадцать четыре часа? Ворамеры ненамного лучше. Эльгестат и Шахара все еще будут спорить о том, кто будет тем счастливицом, который покончит с собой, когда солнечный огонь превратит всю жизнь на этой планете в пепел. Я не буду ждать. Мы проведем Ритуал Ночи, как только я отошлю своего брата. Если у тебя какие-то проблемы с этим, участие строго добровольное.

Взгляд собеседника стал задумчивым:

– Ведь это желание торопить события не имеет никакого отношения к тому, что *королева* вызвалась добровольцем?

Териндел проигнорировал вопрос:

– Ее долго не будет, так что давай начинать.

– Подожди. – Терин предположил, что иллюзия, которую наложил Док, позволяла ему видеть Терина, даже если обратное не было правдой. – Галава сказала, что ванэ – последняя раса, способная проводить Ритуал Ночи. Как это возможно, если Териндел уже его провел?

Иллюзия исчезла.

Терин снова оказался в винном погребе «Бойни». Неизвестно откуда льющийся тусклый свет освещал комнату, в которой находилось внушительное количество деревянных стеллажей и разбитая груда стеклянных бутылок, а рядом находился поразительно красивый чернокожий ванэ из Манолы. Его одежда была порвана, грязна и заляпана вином. На шее у него поблескивал изумрудно-зеленый камень цали.

Терин никогда в жизни не видел этого человека, но он узнал камень цали. Док никогда не ходил без него. И хотя было приятно, что его подозрения подтвердились, у Терина все еще оставались вопросы. Очень много вопросов.

– Кто ты такой? – спросил Терин. – Ты не можешь быть Теринделом.

– О нет, я действительно Териндел. Просто я не ношу его тело. На меня уже пять сотен лет не взвален этот тяжелый груз. – Мужчина одарил Терина кривой усмешкой и поднял бутылку вина в знак приветствия. – Выпьем за гражданскую войну у ванэ, друг мой.

– Так ты еще и Док? Никали Миллигрест? Как все это работает?

Док пожал плечами.

– Во всем виноват Кандальный Камень. Но мне повезло. Оказывается, мой убийца был красивее меня.

Терин, возможно, не уловил бы намека, если бы Хаэриэль не объяснила ему это в мельчайших подробностях. Терин склонил голову набок:

– А я всегда утешал себя тем, что ты уродливый ублюдок.

– О, так ты не думал, что Док сексуальный?

– О, конечно. Не проходило и дня, чтобы я не думал, что надо бы послать моих охранников за этим барменом «Доком» из бара «Бойни», опрыскать его духами и затащить ко мне в спальню. Так сказать, немного оживить обстановку.

Док расхохотался. Он указал пальцем на Терина:

– Не отрицай этого; ты думал, что Никали весьма горяч.

– *Все* думали, что Никали весьма горяч, – поправил его Терин. – Вот почему ты участвовал в стольких дуэлях.

Док откинулся на спинку стула. Похоже, прошло немало времени с тех пор, как он вставал оттуда, хотя сейчас это все выглядело весьма обдуманно и царственно, словно он решил немного побездельничать, а не ушел в запой.

– Рад тебя видеть, Терин. А теперь объясни, какого хрена Галава доверилась тебе насчет Ритуала Ночи?

– Может, сначала поговорим о том, что ты – проклятый всеми богами Териндел Черный? Потому что мы дружим тридцать лет. Это должно было всплыть в разговоре немного раньше.

– На самом деле я не хотел бы...

– Послушай, ты, урод с мозгами опарыша, как давно ты знаешь, что ты мой *прадедушка*?

Док помолчал.

– Строго говоря, ты, мокрая гарпия, я перестал быть твоим прадедом задолго до твоего рождения. Это тело не имеет к тебе никакого отношения. – Он подмигнул.

– Ты, склизлявое дыхание, это всего лишь семантика. Отвечай на вопрос.

– Ты, собачье дыхание, не можешь...

– Я уже использовал слово «дыхание».

Док вздохнул и потер нос.

– Напомни мне не играть с тобой в эту игру, когда ты трезв, а я нет.

– Просто ответь на вопрос.

– Я подозревал это с того самого момента, как увидел тебя, но не знал наверняка, пока не встретил верховного лорда Де Мона. Знаешь, Педрон был очень похож на меня. Прежнего меня, во всяком случае.

– Если эта иллюзия показала, как ты выглядел раньше, то да, он, безусловно, был похож. Териндел сделал большой глоток из бутылки.

– Я всегда считал, что моя дочь – твоя бабушка – была казнена. Оказывается, она была рабыней, живущей здесь, в Столице, все это время – *столетия*, – и к тому времени, когда я наконец понял это, она уже умерла. – Док отсалютовал ему бутылкой. – Твоя очередь, гнойный червь. Отвечай на мой проклятый вопрос.

– Очевидно, потому что Вол-Карот снова проснулся, – сказал Терин. – Галава хотела убедиться, что Хаэриэль не попытается вернуть себе трон, а потом откажется от ритуала.

– О нет. – Зеленые глаза Дока расширились. А вслед за этим он разразился целым потоком яростных ругательств. – О, будь я проклят! Кто-то должен их остановить.

– *Остановить кого?*

– Кого угодно! Детей моего брата – Хаэриэль, Келаниса – любого бедного идиота, которого они обманом заставят провести ритуал. – Он заставил себя встать, пошатнулся и с трудом выпрямился. – Вот дерьмо!

Терин подошел к нему.

– Не думал, что ты действительно пьян, но, похоже, так и есть.

– Конечно я пьян, – ответил Док. – Я просто невероятно хорош в этом. – Он поднял палец. – У меня были сотни лет самоотверженной практики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.